

ПЕРЕШАГНУВШІЕ ЧЕРЕЗ ЮНОСТЬ

И. АКИМОВ ❄

Annotation

В этой повести действуют реальные герои, которые по велению собственного сердца, не ожидая повестки военкомата, добровольно пошли на фронт.

Автор книги Иван Захарович Акимов — бывший комиссар батальона 38-го отдельного комсомольского инженерного полка. Многих бойцов и командиров он хорошо знал, сражался вместе с ними против фашистских оккупантов. Его повесть «Перешагнувшие через юность» — правдивая страница героической летописи комсомола.

- [Иван Акимов](#)
 -
 - [Предисловие](#)
 - [ЧАСТЬ 1](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Глава пятнадцатая](#)
 - [Глава шестнадцатая](#)
 - [ЧАСТЬ 2](#)

- [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
-

издательство

Иван Акимов ПЕРЕШАГНУВШИЕ ЧЕРЕЗ ЮНОСТЬ

Издательство ДОСААФ
Москва * 1972

Предисловие

В этой повести действуют реальные герои, которые по велению собственного сердца, не ожидая повестки военкомата, добровольно пошли на фронт.

Не могли они, комсомольцы, поступить иначе, потому что понимали, что несет с собой фашизм нашему народу. Позволить врагам топтать родную землю? Превратить советских людей в рабов? Никогда! И вся наша молодежь вместе со взрослыми по зову великой партии Ленина встала на защиту своей Отчизны, каждый — на своем посту. Одни — на предприятиях у станков, другие — на колхозных и совхозных полях.

Тысячи юношей и девушек из Николаевской, Запорожской, Днепропетровской, Донецкой, Ворошиловградской областей, многие из которых еще не достигли призывного возраста, настоятельно просили райвоенкоматы, местные комсомольские организации зачастую и командование воинских частей зачислить их в ряды Красной Армии и немедленно отправить на фронт.

К тому времени на территории Украины находились войска Южного фронта, и, вполне естественно, командование фронта не могло остаться в стороне от патриотического движения молодежи. 25 июля 1941 года Военный совет Южного фронта принял решение, в котором говорилось, что, учитывая желание комсомольских организаций и отдельных комсомольцев допризывного возраста действовать в составе войск Красной Армии, разрешить начальнику инженерного управления совместно с Политическим управлением фронта сформировать добровольческий комсомольский инженерный полк. Так родилась воинская

комсомольская часть, подобной которой никогда не было в истории нашей армии.

Нам, комсомольским работникам фронта, и особенно комсомольского отдела Политуправления фронта, помощникам начальников политотделов по комсомольской работе старшему батальонному комиссару Мутицину Ивану Яковлевичу (18-я армия), батальонному комиссару Мамкаеву Алексею Георгиевичу (37-я армия), помощникам начальников политорганов по комсомольской работе соединений по долгу службы приходилось много заниматься этим комсомольским полком.

Большую работу по формированию и укреплению комсомольского полка провел Леонид Ильич Брежнев. Будучи тогда заместителем начальника Политического управления Южного фронта, он принимал непосредственное участие в подборе командиров и политработников, способных повести за собой молодежь. Именно с его личного одобрения были назначены командиром полка майор Насонов Михаил Александрович, заместителем — майор Аслан Фархадович Визиров, комиссаром части — один из лучших комсомольских работников, помощник начальника политотдела 218-й дивизии, старший политрук Демин Михаил Ильич, парторгом полка Штейман Исак Маркович, комсоргом — Кушкис Леопольд Денисович, комиссарами батальонов Киселев Петр Логвинович, Акимов Иван Захарович, Артюшенко Михаил Иванович, а также многие другие политработники и командиры.

Леонид Ильич, несмотря на свою большую занятость, всегда интересовался боевой деятельностью комсомольцев, обеспечением личного состава всем необходимым — обмундированием, питанием, боевой техникой, немедленно принимая меры к удовлетворению всех нужд полка. Он неоднократно

встречался с командиром и комиссаром молодежной части, подробно интересовался политико-воспитательной работой в подразделениях и советовал, как лучше ее организовать.

Комсомольцы-добровольцы создавали на пути фашистских оккупантов многочисленные и разнообразные препятствия: противотанковые и противопехотные рвы, минные поля, проволочные заграждения; сражались против гитлеровцев на просторах Донбасса, на Дону и Кубани, участвовали в героической битве за Кавказ. И всюду они проявляли такую же беспримерную храбрость, как их отцы и старшие братья.

Впоследствии из частей 38-го комсомольского инженерного полка, 331-го и 172-го армейских инженерных батальонов была сформирована 64-я отдельная комсомольская инженерно-саперная бригада резерва Главного Командования. Она помогала наступавшим войскам Красной Армии взламывать укрепленные рубежи обороны врага, уничтожать его опорные пункты, рубить узлы сопротивления, штурмовать высоты, форсировать реки.

Ставшая затем 1-й штурмовой, комсомольская инженерно-саперная бригада прошла славный победный путь, была награждена орденами Красного Знамени, Суворова II степени, Кутузова II степени и удостоилась почетного звания «Смоленская».

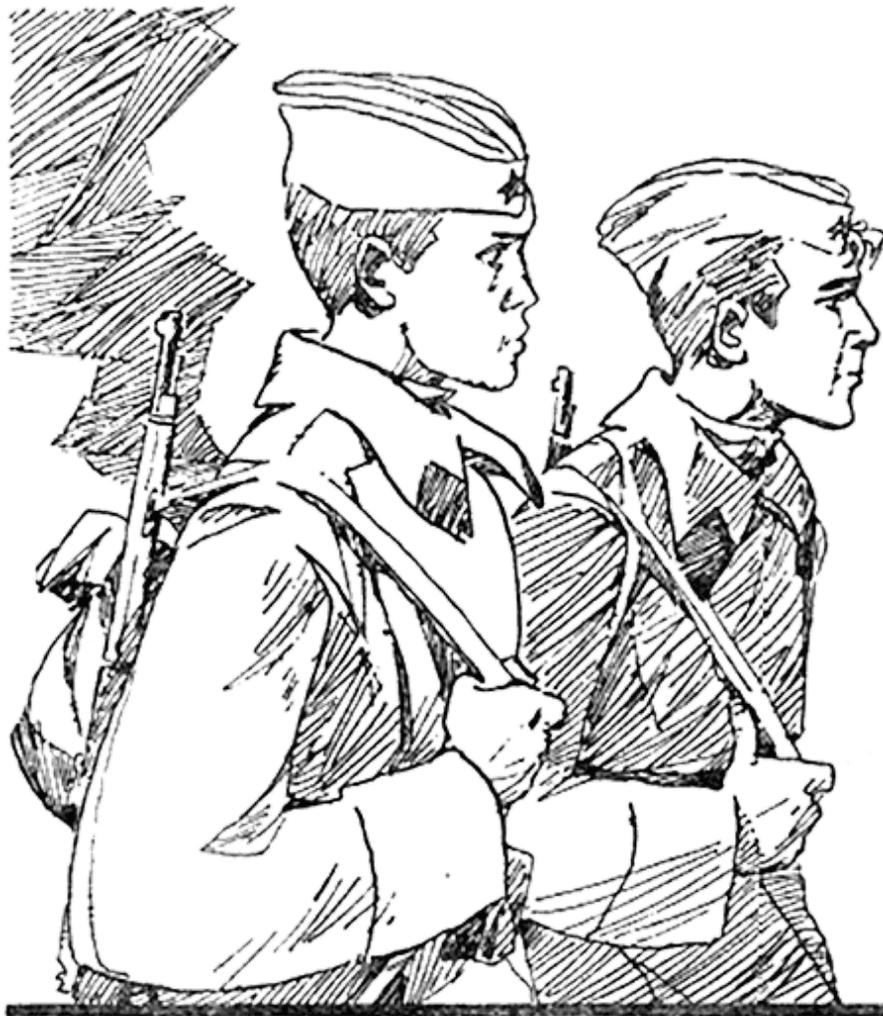
Автор книги Иван Захарович Акимов — бывший комиссар батальона 38-го отдельного комсомольского инженерного полка. Многих бойцов и командиров он хорошо знал, сражался вместе с ними против фашистских оккупантов. Его повесть «Перешагнувшие через юность» — правдивая страница героической летописи комсомола.

Полковник В. ЩЕРБАТЫХ,

бывший помощник начальника Политуправления

Южного фронта по комсомольской работе

ЧАСТЬ 1

Глава первая

1

Солнце заливало землю ярким ликующим светом. Поля пшеницы, свежая зелень деревьев, омытых теплым дождем, лужайки, как многоцветные цыганские шали, — все это проплывало мимо и до боли в сердце напоминало Ивану Петровичу Юрасову родное село у старинного тракта между Ельцом и Воронежем. Там по вечерам призывно мычали коровы, торопясь из стада к своим хозяйкам, падали в мягкую пыль переспевшие сливы, и росная трава обжигала босые ноги. Юрасов вздохнул. Плотнее прижался к вагонному окну, смотрел, не отрываясь.

Давно позади детство. Уже успел отслужить на пограничной заставе, потом поработать в районной газете. Правда, недолго, потому что пригласили в райком и сказали: партия зовет коммунистов-политработников запаса в армию. И вот сейчас он вез из Одессы походную типографию. Куда-то направят его? И когда? Хоть бы успела приехать мать. Написала на днях: «встречай». А удастся ли встретить? Повидаются ли? Вдруг она добирается тем же самым поездом, что и он? Едут вместе и не знают об этом. Его даже оторопь взяла от такого предположения. Тут же пошел по вагонам, внимательно оглядывая пассажиров.

Люди занимались своими делами. Кто закусывал, с хрустом разгрызая соленый огурец, макая очищенную картофелину в кучку зернистой соли на газете, кто мирно беседовал с попутчиком, кто дремал, откинув отяжелевшую голову к стене. Матери не было видно. Юрасов опустил на лавку рядом с молодой парой. Миловидная женщина обеими руками придерживала

резвую малышку. Та тянулась с ее колен к окну и лепетала:

— Папа, сколько цветочков! Как у бабушки в саду! Смотри!

Загорелый лейтенант в тщательно отутюженной форме погладил дочку.

— У нас на заставе больше, вот увидишь. Куда там бабушкиным цветам до наших!

Юрасов наклонился к нему и тихо посоветовал:

— Не увозили бы ее от бабушки-то. Сейчас на границе тревожно.

Тот пожал плечами.

— На границе всегда тревожно. Правда, меня не было там больше месяца...

— Ну вот, а меня в Одессе предупредили, что ожидается канитель вроде хасановской. Будто бы приурочить ее хотят к годовщине освобождения Бессарабии. Понимаете?

— Н-да...

Лейтенант задумался, выбивая пальцами на столике тревожную дробь. Малышка, словно почувствовав что-то, тоже притихла. Она уже не смеялась, сидела смирно. Потом прильнула к матери, спрятала личико на ее груди.

В окне мелькали остролистые клены. Между ними просвечивало небо, густо-голубое, незамутненное. А с верхней полки на Юрасова глядели девичьи глаза. Девушка обнаружила, что ее заметили, и смутилась. Уткнулась в подушку, по которой рассыпались волнистые, черные с блеском пряди волос. «Вот бы познакомиться. Смотришь, и мне бы писали письма», — размышлял Юрасов. Уж очень ему понравилась девушка.

И они познакомились. Наверное, помогло то, что в пути люди легко сближаются, быстро привыкают друг к другу.

Ночью поезд прибыл в столицу Молдавии. На вокзале зал ожидания был битком набит пассажирами. Деревянные диваны, отполированные юбками и брюками, вмещали столько людей, что было непонятно, как они туда втиснулись. На сдвоенных стульях спали дети. Возле них сгрудились родители. Стояли плечом к плечу, спина к спине. Засни кто-нибудь — на пол упасть не дадут. Да какой там пол! Наклонись чуть — завалишься на соседа. Тусклые лампочки под потолком бессильны были осветить всю эту копошащуюся, вяло перекликающуюся, озабоченную массу народа.

И все же Юрасову повезло. Только кто-то поднялся, освободил место на скамейке, как толпа стиснула Юрасова, надавила, буквально втолкнула в эту щель между сидевшими людьми. Нога на ногу, кулак на кулак, и он опустил налитую тяжестью голову, забылся... Засверкал перед ним Днестр, сжатый берегами. Но не вода это вовсе, а сплошная огненная лава. Мост над рекой гибко прогибается, дышит, как живой. По нему катит поезд, бесшумный, быстрый. Колеса совсем не тарахтят, будто гуттаперчевые. А лава внизу волнами морщится, горячими, маслянистыми. И вдруг грохот.

Вздрагнул Юрасов. Раскрыл ошеломленно глаза. Не во сне, а наяву грохочет все кругом. Качаются стены, или это его качает во все стороны вместе с толпой? Сверлят уши детские плачущие голоса.

— Папа!

— Мамочка!

— Сереженька! Где ты, сынок? — истерически выкрикивает в углу женщина. — Сереженька! Сынок!

Людской поток вынес Юрасова на привокзальную площадь. Глянул на небо — а там самолеты. Чужие,

вражеские. Бомбардировщики. Посыпают город бомбами. Шум, крик, пожары.

«Где-то сейчас пограничник с малышкой? — подумалось ему. — Они же здесь вышли. А Шура? Что с Шурой?» От волнения на лбу выступила испарина. Но как он мог помочь им? Чем?

Шура, та девушка, с которой познакомился в пути, сошла с поезда здесь, в Кишиневе. Сюда она приехала по комсомольской путевке вместе с подругами. И вот оказалась далеко от семьи в такое время, когда лучше быть рядом с родными.

Утром в комендатуре Юрасову сообщили то, о чем он уже догадывался:

— Война. Фашистская Германия напала на нашу страну. побыстрее добирайтесь до места службы. Спешите.

Но как спешить, если на станции объявили, что поезд до ночи не тронется? Надо ждать темноты. А сейчас только утро. Первое утро войны. Так же тепло и солнечно, как вчера. Ветер ласково ворошит волосы прохожих; скачут по дороге воробьи, и самые молодые из них, еще пушистые птенцы, трепещут крыльями, разевая желтые клювы, а взрослые ловко засовывают в них букашек — кормят. Как ни в чем не бывало.

Но нет-нет да и пахнет гарью из переулка, взгляд упрется в скрюченный скелет дома. Обугленные до черноты балки, кусты и те обгорели, жалко и страшно торчат их голые ветки. Еще вчера они, зеленые, обрамляли крыльцо, по которому поднимались к себе домой счастливые люди.

Юрасов шагал к общежитию, где должна была поселиться Шура. Здание, кажется, цело. Ну, значит, с ней ничего не случилось.

Девушка встретила так, будто не один день, а всю жизнь были знакомы. Вцепилась своими слабыми пальцами в его плечи и всхлипнула:

— Ой, что теперь будет с нами...

Ее подруги плотно окружили их. Затеребили Юрасова. Посыпались вопросы, предположения. Да, война. Да, будем воевать. И победим. Непременно! Он утешал их, как мог. И они повеселели. Заулыбались даже. Нет, они ни за что не останутся в тылу. Вот пойдут и запишутся все добровольцами. Раз воевать, то всем. Они тоже хотят защищать Родину наравне с мужчинами.

— А к нам уже старый домовладелец приходил, — вспомнила вслух белокурая девушка, тоненькая и стройная, как стебелек. — Убирайтесь, говорит, из моего дома. Это, говорит, моя личная собственность. Надо же, и откуда он взялся? Где этот гад прятался?

— Вы в милицию сообщите, — сказал Юрасов. — Пусть там займутся им.

Все девушки, как одна, пошли провожать его на вокзал. Шура не отходила ни на шаг. На перроне она протянула ему свою фотокарточку. И покраснела, застенчиво потупилась.

— Чтоб не забыл...

В вагоне он долго вглядывался в знакомые черты на фотографии. Ну вот, и у него теперь есть любимая. Будет получать письма и от нее и от матери. Человеку ведь обязательно нужно знать, что он дорог кому-то, что может вернуться куда-то, где его ждут — не дождутся. Тогда и вдали от дома не так одиноко. Да и что такое для Юрасова дом? Родные места? Сейчас чужих нет. Каждый клочок земли — свой, надо очищать его от врагов. Нестерпимо думать, что твою землю топчат захватчики.

23 июня он прибыл на место службы. В тот же день 218-я мотострелковая дивизия двинулась к границе, под

Кагул.

Там уже шли бои. Враги упрямо лезли через Прут. Вода будто вскипала — кипятилок да и только, перехлестывала через берега, и в ней захлебывались они, поворачивали назад, не выдержав огня красноармейских пулеметов.

Это наступали румынские части. Целую неделю не могли закрепиться на левом берегу Прута. Их косили, как траву. И тогда румыны заартачились. Не идут в атаку и все. Отказываются. Но с тыла нажали эсэсовцы. Куда денешься? Поднялись. И впереди и сзади — верная гибель. Было от чего загрустить королю Румынии.

Зло подтрунивая над сателлитами, Гитлер бросил свои полчища на Северную Буковину. Они-то и прорвались через Днестр. Захватили Винницу. Советское командование на юге перебросило 218-ю под Винницу. Штадив обосновался в Томашполе. На помощь мотострелкам шла тяжелая артиллерия. Но гитлеровские самолеты не давали ей развернуться — беспрерывно бомбили на подходе.

Походная типография находилась на восточной окраине Томашполя. Юрасов отправился с заданием в полк, действующий на правом фланге дивизии. Обогнул перелесок, ложиной перебрался к возвышенности, где располагался командный пункт. Но что это?!

Глубокие воронки вместо него. Траншеи разрушены, под ногами осыпается сухая комкастая земля. Пришлось залечь в лесополосе. Зелень кустов здесь словно вздыбилась, торчала неопрятными клочками.

Юрасов стал наблюдать. Теперь уже не он приближался к рубежу обороны, а оборона приближалась к нему. Стреляли так часто, что на пули не обращал внимания. Жужжат себе и жужжат. Главное, его не задевают. Бой постепенно стихал где-то там, на востоке.

Оказывается, группы гитлеровцев двинулись в обход. Наши подразделения лишились взаимодействия и связи. Им угрожало окружение. Но первый стрелковый батальон этого полка прорвал кольцо вражеских автоматчиков, залег у лесопосадки. Подпустили противника поближе и обрушили на него такой огонь, что фашисты дрогнули. В них били из винтовок и пулеметов, не давали опомниться. Об этом рассказал Юрасову комбат, высокий чернявый капитан, еще не остывший после схватки. Он прерывисто дышал и все вытирал платком горячий лоб.

Надо было, чтобы скорее узнали о бое другие бойцы. А в политотделе только машинистка, больше никого. К ней и обратился Юрасов.

— Шура, вот пакет. Материал для газеты.

Она вскинула на него удивленные глаза.

— Я не Шура. Меня зовут Валентиной.

— Извините, Валя...

Ну, конечно, произнес имя той, о которой постоянно думал. Вырвалось как-то. Смущенный Юрасов направился уже было к двери, но тут вошел помощник начальника политотдела по комсомольской работе.

— Здравствуй, Ильич, — улыбнулся Юрасов Демину.

Они в одном звании, одних лет. Лишь ростом Юрасов обогнал Демина на целую голову. Да и выглядел постарше. Демин был таким комсомольцем розовощекимым, подтянутым, деловым.

— А, Ванюша, здравствуй! Хорошо, что мы встретились, — говорил он, энергично пожимая огрубевшую за первые же дни войны руку Юрасова. — По приказу комдива мы поступаем в распоряжение его заместителя. Отправляемся с ним на задание. Пошли, нас уже ждут.

В саду, где воздух был пропитан стойким запахом созревающих плодов, у шершавого ствола яблони стоял

штабной автомобиль. Из него высунулся подполковник Нервишин, предложил садиться.

«Эмка» чихнула и запыхалась по дороге в поле. У развилки дорог остановилась.

— Идемте, — кивнул подполковник Демину и Юрасову. — А вы, капитан Плеханов, — он обернулся к молчаливому человеку, о чем-то сосредоточенно размышлявшему все время, — можете подождать здесь. Если нужно будет, я позову вас.

Втроем они взобрались на бугорок. Нервишин достал из чехла бинокль, посмотрел на запад.

— Ковыляют наши братья славяне, — с грустью произнес он, не отрываясь от окуляров. — Значит, тех, что с оружием, будем строить здесь, а безоружных — по той стороне дороги. — Плеханов! — крикнул, повернувшись к машине. — Приготовьтесь гостей встречать!

Увидев в руках у Демина бумаги, живо спросил:

— Это не сводка, политрук?

— Старая, товарищ подполковник.

— И что в ней?

— Наша авиация сбила пятьдесят три немецких самолета. Мы потеряли двадцать один самолет...

— А где бои?

— На Смоленском, Коростеньском и Белоцерковском направлениях. Также на Эстонском участке фронта.

— Ну то когда было, — вздохнул Нервишин. — Где-то теперь?

— На тех же направлениях, — подсказал Юрасов. — С добавлением Кексгольмского и Холмского. Вчера по радио шестинедельные итоги войны передавали.

— Вы знаете, вчера я разговаривал со старшим батальонным комиссаром Щербатых, с помощником начальника политуправления нашего фронта по комсомольской работе, — сказал Демин, извлекая на ощупь из полевой сумки блокнот и поглядывая то на

подполковника, то на Юрасова. — За месяц в райвоенкоматы, райкомы комсомола, штабы частей и соединений поступили от комсомольцев тысячи заявлений. Тысячи! Просят принять в действующую армию.

— И что же? — Нервишин, спрятав бинокль, заинтересованно слушал. Юрасов тоже с нетерпением ожидал, когда политрук отыщет в блокноте нужную страницу.

— Вот! — Палец Демина задержался на строчке. — Военный совет фронта вынес решение двадцать пятого июля.

Он стал читать:

«Учитывая желание комсомольских организаций и отдельных комсомольцев допризывного возраста работать и действовать в составе войск Красной Армии, разрешить начальнику инженерного управления совместно с Политуправлением Южного фронта сформировать добровольческий комсомольский инженерный полк».

Демин захлопнул блокнот и добавил, что формированием полка уже занимается управление инженерных войск и Политуправление фронта. Помогают им местные комсомольские организации.

— Правильно, — одобрил подполковник. — Нам саперы позарез нужны.

А Юрасов молча вспоминал речь председателя Государственного Комитета Оборона по радио 3 июля: «Враг жесток и неумолим. Он ставит своей целью захват наших земель, политых нашим потом, захват нашего хлеба и нашей нефти, добытых нашим трудом... превращение свободных народов в рабов немецких князей и баронов».

Вон чего захотели! Занять советскую территорию, угнать в плен советскую молодежь. Чтобы комсомольцы Страны Советов фашистам прислуживали?.. Да не будет

этого никогда! Молодые тоже на фронт пойдут, будут сражаться, пока ни одного оккупанта на родной земле не останется.

В звонкой синеве неба, над самым полем вовсю распевала какая-то птица, еще не испуганная войной. Низко клонились перестоявшие травы, цеплялись за подошвы. Им бы лежать уже душистым стогом сена. Но не до них. Тот, кто сгребал здесь тем летом подсохшую траву, небось давно автомат вместо граблей держит. А, может, и нет его в живых... Жил человек, пришли захватчики и ни за что убили. На его земле, возле его дома. Ну, подождите!

4

Протарахтели машины с эвакуированными. Измученные люди со скорбно сжатыми губами, с внезапно прорезавшимися морщинками под глазами, они побросали в кузова первые попавшие под руку случайные вещи и поехали на восток. А куда именно? Сорвало их с насиженных мест, подхватило и понесло. Далеко ли?

Проводив взглядом последний грузовик, чернобрый хлопец перекинул через плечо клетчатый пиджак и обратился к своим спутникам, двум светловолосым юношам.

— Мы сюда, они туда.

— Где ж тот боевой отряд, Сашко? — вскинулся один из них с заметно выступающими лопатками, которые не могла скрыть застиранная ветхая сорочка. — Ты ж говорил про отряд?

— Ну, говорил, — Саша сдвинул широкие брови, зашевелил ими. — Такое решение в обкоме комсомола было. Понял, Серега? ЦК комсомола Украины поддержал инициативу...

— Да какой от нас толк? — вмешался в разговор другой светловолосый паренек. Он был крепко сбит, невысок. Под засученными рукавами украинской рубашки перекачивались тугие мышцы. — Красноармейцы годами учились, а мы что?

— Мы, Толя, тоже учились, — рассудительно заметил Саша. — Каждый из нас значок «ГТО» в школе получил. Так? Сколько у нас в классе ворошиловских стрелков было, помнишь? Вот и покажем, как мы готовы к труду и обороне.

— Куда нам! — засомневался Толя.

Сергей вскипел.

— Эх, ты! Мало разве такие, как мы, в гражданскую войну буржуев переколотили? — Он наскокивал на Толю, размахивал худыми руками-жердинами. — Читал же Островского! Колотили да приговаривали: «Не разевай волчью пасть на Советскую власть». И мы... И нам...

Запнулся о камень Сергей и чуть не упал. Саша придержал его.

— Под ноги смотри. Говорить-то умеешь, а что под носом — не видишь. А нам, между прочим, в разведку ходить придется там, на фронте. — Саша повернулся к Толе. — Ты знаешь, что в гражданскую в Виннице был создан знаменитый Богунский полк? И сейчас создадут.

— Да когда же? — опять стал допытываться Сергей, нетерпеливо оглядываясь по сторонам. — Не оставаться же парням на оккупированной территории! Уж лучше смерть в бою, чем неволя...

— Зачем смерть? — Саша поправил соскользнувший с плеча пиджак. — Воевать будем.

Друзья, все трое, остановились, потому что к развилке дорог, справа и слева стекались кучками красноармейцы, в лощине собирались разрозненные подразделения, строились. Строем командовал подполковник. Саша направился прямо к нему. Сергей и Толя не отставали.

— Товарищ командир! Возьмите нас в свой отряд.
Подполковник покачал головой.

— Не могу, ребята. Нам с бойцами забот по горло, — указал он глазами на шеренги красноармейцев.

— Хлопцы! — окликнул трех друзей Демин. — Вы до Запорожья добирайтесь. Там собираются добровольцы.

Ребята вздохнули и пошли дальше. Теперь они молчали. Саша перекидывал надоевший пиджак с руки на руку, поддевал носком ботинка мелкие камешки.

— Толик, далеко до Запорожья? — наконец спросил он.

Тот помедлил. Окинул взглядом широкое поле, зачем-то потрогал ворсистый стебель какого-то желтого цветка и лишь тогда ответил:

— Порядочно.

— А зачем нам туда? — возбужденно заговорил Сергей. — Нет, в самом деле! Здесь к какой-нибудь части пристроимся. Жаль, винтовок нет, а то бы сразу на передовую...

— Где же мы обмундирование красноармейское возьмем? — оглядел его с ног до головы Саша. — Нельзя же в штатском! Винтовки-то мы бы на поле боя нашли...

Поперек дороги, преграждая им путь, валялась колесами вверх исковерканная автомашина. Бесполезная груда помятых железяк и расщепленных досок. Вокруг рассыпаны ящики.

— Пошукаем, может, жратва какая найдется, — предложил Толя. — С утра не ели.

Они обшарили все ящики и ничего съестного не нашли. Зато из одного достали с пяток ручных гранат.

— Гранаты есть, штыка не хватает, — провозгласил Саша. — А то бы, как матрос Железняк: штыком и гранатой...

— Давай одну кинем, — уговаривал его Сергей, просительно заглядывая в глаза. — Только одну!

Саша решительно отверг его предложение.

— Передовая же близко! Услышат наши, подумают: враг в тылу. Давайте подберем эти гранаты и махнем на Казанку. Там должен быть бой, раз у станции бойцы собираются.

В низине у станции Казанки разбросались на расстоянии друг от дружки аккуратные хатки селения. К одной из них вели провода. Оттуда доносился знакомый голос подполковника:

— Разрешите стукнуть по этому квадрату? — осведомлялся он у кого-то, возможно, говорил по телефону. — Что? Да, сил у нас достаточно! И папирос. Больше надеемся на сигареты.

— Куда? — встал перед ребятами часовой, выпячивая грудь. — Кого надо?

Тем временем подполковник вышел из хаты, проворно забрался в «эмку» и умчался.

— Пошли, хлопцы, — махнул рукой Саша.

На западной окраине селения артиллеристы подтягивали к батарее ящики со снарядами. «Вот они „сигареты“, — сообразил Саша. — А „папиросы“? Наверно, патроны».

Уже темнело. Кусты сливались в сплошную черную массу. За ними тянулись ровные, натянутые, как струны, железнодорожные рельсы. У насыпи ребята чуть не провалились в канаву. Тут же лежали щиты.

Шалаш соорудили за несколько минут. Обложили с внешней стороны камнями, с внутренней — травой. Увядающая трава сладко пахла, щекотала за шиворотом. Тишина такая — только бы спать. Но какой тут сон, когда животы подтянуло. Одна вода в них журчит, переливается. Сколько выпито ее за день! А поесть так и не удалось. Ребята переворачивались с боку на бок, говорили о борще, заправленном поджаренным салом — бульон красный от свеклы и помидоров... Или вот котлеты, сочные, жирные, шипят на сковородке... Как

всегда в таких случаях, вспоминались самые вкусные вещи, растравляли аппетит.

Лишь на рассвете усталость сморила друзей. Притиснулись один к другому, другой к третьему и крепко заснули. Разбудил их грохот. Сквозь щели проникли к ним солнечные лучи, исполосовали лица. Саша потянулся, глянул, а Толя и Сергей оба полосатые, будто зебры. Солнечные полосы забавно разграфили их лбы, но было не до смеха, потому что рядом стреляли.

Саша приник к щели, той, что пошире, и сразу отпрянул: поблизости от шалаша гитлеровцы били из пулеметов.

— Ночью нагрянули, сволочи, — прошептал он растерянным Сергею и Толе.

С противоположной стороны шалаша никто не стрелял. Оттуда и грянуло русское «ура». Значит, наши сблизилась с противником молча. Это солнце помогло им подобраться почти вплотную. Врагам оно как раз мешало целиться.

Где-то заурчали танки. Вроде бы немецкие. Ударила артиллерия, определенно — русская! Начался бой за Казанку. Наши орудия заставили замолчать вражеские пулеметы. Но один, тот, что рядом с шалашом, никак не унимался.

— А ну, ребята, гранатами по фашистам! — скомандовал Саша.

Они выкатились из шалаша, побросали свои гранаты, и пулемет замолк. Как они ликовали!

Атакующие красноармейцы выбили гитлеровцев из пулеметного гнезда. Остановились возле насыпи. Старший сержант уставился на трех друзей. Молодые. В штатском. Кто такие?

— Эй, хлопцы! — позвал он. — Откуда взялись?

— А мы в шалаше ночевали, — объяснил Саша охотно.

— А немцев, что, камнями забросали?

— Зачем камнями? — оскорбился Сергей. — Гранатами!

— Только они почему-то не взорвались, — добавил в недоумении Толя.

Старший сержант поднял одну из гранат, осмотрел. И захохотал. Нескладная его фигура сгибалась пополам от смеха.

— Они ж без запала у вас! Сюда «папироска» медная вставляется, ясно? — учил он Сашу в перерывах между приступами хохота.

— Как это мы не сообразили? — огорчился Саша.

— Ну, не печалься, Аника-воин! Без запала в цель попала. Пулеметчики-то драпанули. Будь вы красноармейцами, благодарность бы вам приказом объявили... Вы ж здорово помогли нам!

В это самое время командир 658-го полка, подняв бинокль, увидел трех человек в гражданской одежде на поле боя.

— Помначштаба два! Что там за субъекты трофеи собирают? На КП дьявол их несет! Сопроводить к уполномоченному особого отдела. Пускай разберется.

Ребят привели в хату, где ждал уполномоченный.

— Кто вы такие? — спросил он их. Достал чистый лист бумаги и вывел: «11 августа 1941 года».

— Как твоя фамилия? — Он в упор поглядел на Сашу.

— Мартынов. Родом оттуда, откуда и вы... А это Сергей Иванов и Анатолий Панасюк.

— Сашка! Земляк! — подскочил уполномоченный. — Какими судьбами, сорванец ты этакий?

— Воевать хотим, а нам оружия не дают, — воспользовался случаем Сергей. — В полк не принимают.

Саша кивнул, подтверждая слова друга.

— В полк — это трудно, — сказал уполномоченный. — Нет, надо же, Сашку встретил! Я вам, ребята, в Николаев добраться помогу. Там такие, как вы, нужны.

Полевая дорожка переметнулась через складчатый пригорок и вырвалась на простор. Пока ехали, узкая лента ее расширилась до нормальной ширины проезжей дороги. Саша, Толя и Сергей покачивались в кузове. На ухабах их бросало друг на друга, рубашки на них пропылились насквозь, но они чувствовали себя осчастливленными. Все-таки попадут в комсомольский полк!

Глава вторая

1

Дни стояли еще по-летнему жаркие. Но все прозрачнее становилось небо, все темнее вода в реке. Кое-где подпалинами рыжела пожухлая трава, и листья на деревьях слегка зарумянились. Трепетали, как детские флажки на параде. Стоять бы и любоваться на такую красоту.

А людям некогда. Они с утра копали противотанковый ров, обильный пот заливал их глаза. Ритмично двигались лопаты. Взмах — бросок, взмах — бросок, взмах — бросок... Летела вверх свежая земля, засыпала протоптанную тропинку.

Огибая кучи накопанной земли, торопливо прошел высокий парень. Руки его были заняты: в одной — лопата, в другой — газеты. Густой чуб свесился на лоб, заслонил левый глаз.

— Сережа! — окликнули его снизу. — Сводка Совинформбюро есть?

Люди выбрались наверх, присели вокруг него на корточки. Эту бригаду на оборонительных сооружениях возглавляла мать Сергея. Каждый день она устраивала специальный десятиминутный перерыв, чтобы прослушать сводку. Его ждали с нетерпением — ведь почти у всех кто-то воевал. Отец, брат, а то и сестра. Вести с фронта — это стало главным в жизни оставшихся в тылу. О них думали, говорили, спорили.

Девчушка в цветастой косынке, одноклассница Сергея, испуганно округлила глаза.

— Сережа, правда, говорят, Москву бомбили? — остренький подбородок ее задрожал.

— Не бомбили, пытались, — сказал Сергей, поправляя непослушный чуб. — Ночью был налет, но в город прорвались лишь одиночки. Наши истребители встретили врагов еще на подступах к Москве. И зенитчики не сплеховали...

— Дела, — вздохнул маленький старичок в кепке козырьком назад, как у мальчишки. — Взяли б меня в армию, я б показал! — Он погрозил кому-то сухоньким кулачком, и глаза его озорно блеснули из-под седых бровей.

Рыжий парень из семьи немецких колонистов Чехограда лениво сплюнул.

— Молчал бы, дед... Вон какая сила прет сюда! Разве устоит кто перед ней?

— Да я... Да ты... — заволновался старичок, взглядом ища сочувствия у других. — Паникер, вот кто ты такой!

— В самом деле, Зельц, что панику разводишь? — строго спросил Сергей. — Сейчас отступаем, потом наступать будем. Да еще ни одной войны мы не проиграли! — Он оглядел сверстников. — Мы бы тоже воевать пошли. Только б разрешили!

— А ты покажи пример. — Зельц скривился в ехидной усмешке. — Пойди в военкомат первым. Агитировать-то легче...

— И пойду!

— Ну и дурак. Если уж Москву достали, то все. Капут. Сергей весь напрягся, шагнул к Зельцу.

— Повтори, что ты сказал!

Люди зашумели, начали уговаривать обоих. Особенно старался старичок в кепке. Но Сергей не слышал ничего. Смотрел в ненавистное лицо с желтыми пятнами веснушек на скулах. Мокрые губы на этом лице зашевелились, выдавили:

— Капут, говорю...

И тогда, не помня себя, Сергей ударил. Прямо по рыжему лицу.

Зельц как-то по-заячьи жалобно заверещал, прыгнул в сторону и схоронился за бугром. Прибежала мать Сергея, подступила к нему.

— Стыдно, сын! В такое время! Как ты мог!

— А что он паникует, — начал было Сергей, но покраснел и замолчал.

Ему действительно было стыдно. Правоту кулаками доказывал... Не нашел слов, использовал силу. А ведь любил повторять слова Маркса, что мир нельзя переделать жестокостью. И вот — не сдержался. Но как тут сдержишься, если Зельц на самое-самое дорогое замахнулся? Со страха небось, он никогда храбростью не отличался...

А на следующее утро стало известно, что двое исчезли: Зельц и Сергей.

— Сбежал Зельц-то! — ахнул кто-то. — И Сергея Иванчикова нет...

Маленький старичок содрал с лысины кепку, повертел ее, словно видел в первый раз. И сморщился, как от зубной боли, заморгал.

— Выходит, говорили по-разному, а сделали одно...

— Вы не смеете! Да, не смеете! — обрушилась на него девчушка в цветастой косынке. Она только что подросла, запыхавшись. — Даже думать так про Сережу не имеете права! Он — комсомолец! — Она обняла плачущую мать Сергея, протянула ей сложенный вчетверо листок из школьной тетрадки в линейку. — Вот, прочитайте всем!

Там было написано:

«Дорогая мама, прости меня. Вместе с ребятами ухожу на фронт. Будем помогать Красной Армии с оружием в руках, а не с лопатой. Нас много, больше сотни. Жди письма».

Женщина бессильно опустилась на влажную землю, села, вытянув ноги. Кто-то, догадливый, подпихнул под нее дерюжку, кого-то послали за бидоном с холодным

чаем. А она обводила всех глубоко запавшими глазами, то хмурилась, то улыбалась.

— Да неужто я б не отпустила? Не сказался даже. Вот они, дети. И не простился! Собрала бы ему поесть, постирала б... Да я, может, сама бы послала его! «Бей, сынок, проклятых! Защищай Родину!»

Оказывается, ушли старшеклассники и из других бригад. Видно, заранее договорились. Чтобы никто не задержал, ночью, крадучись, слились с темнотой, пропали в ней.

Мать Сергея и девчушка в цветастой косынке стояли у колодца, когда рядом остановилась машина воинской части. Шофер выбрался из кабины, ему надо было залить радиатор.

— О чем задумались? — спросил он их, доставая наполненное доверху ведро.

Рассказали ему все. Он присвистнул.

— Так я же их видел! Шагает целая колонна. Молоденькие все до одного, еще усы не пробились у них. Но гордые! Пошутить было, так не ответили... А впереди высокий такой, чубина на глаз свалился...

— Сережка! — вскрикнула Иванчикова, прижимая ладони к сильно заколотившемуся вдруг под сборками сарафана сердцу.

— Может, и Сережка, — согласился разговорчивый шофер. — Строгий парень. Вдвоем они впереди, второй тоже строгий. Железнодорожник какой-то.

— Это Василий Васютин! — обрадовалась девчушка. — Из третьей мелитопольской школы! Он еще возглавлял паровозную службу депо детской железной дороги!

Потом привозили подробности о колонне старшеклассников другие фронтовые шоферы, которые встречали их в пути.

Прошагав многие километры, на одной из станций ранним августовским утром мелитопольцы разместились

по вагонам и тронулись к месту формирования комсомольской воинской части.

2

Бердянск расположен, как древний амфитеатр, и обращен к морю. Живописные улицы отражаются в тихой воде, словно в зеркале. Когда налетает ветерок, изображение дробится, ломается. Потом снова становится четким. Сколько бы ни смотрел Павел на воду — никогда не надоедает.

Он в светлой тенниске, в тапочках на босу ногу, под мышкой — весла. Краска с них слезла, и обнажилось отмытое добела дерево. Павел не представлял, как можно жить без моря, в котором купался ежедневно. Постоял еще на косе и пошел домой, зарываясь пятками в горячий рассыпчатый песок. Он чувствовал его даже через резиновую подошву.

Толкнул калитку. Освобождаясь от весел, зацепил ими виноградную лозу — тяжелые гроздья закачались, солнечные ягоды, просвечивающиеся насквозь, засветились. Скоро созреют. А отведать не доведется.

— Павлуша! — услышался голос матери из окна. — Что ты так долго? Я уже на стол собрала. Коля-то с Витей поели. Иди и ты, пока не остыло.

— Спасибо, мама. Не хочется мне что-то...

Он пробрался в комнату, растянулся во всю длину на тахте, закинул руки за голову. Сказать или нет? А если не пустит? Нет, мать должна понять его. Он с детства во всем советовался с ней. Никогда ничего один не решал. Сейчас — впервые...

Павел вскочил, заходил по комнате, натываясь на старенькую мебель, как ослепленный. Сказать или нет?

Снова бросился на тахту, смял подушку, прижался к ней лицом.

— Сынок, ты не занемог ли?

Когда она вошла? Мать сидела возле него и встревоженно допрашивала:

— Опять много купался? Наказывала ведь... Голова болит?

Он поднялся, присел рядом с матерью. Бережно взял ее руки в свои.

— Здоров я, мама.

Она совсем забеспокоилась, высматривала что-то в его глазах. Может, предчувствовала.

— Что-то с тобой делается, сынок?..

— Да ничего, мама! Эвакуироваться вам надо. С Витей и Николаем...

— А ты?

Конечно, она догадывалась. Но, как и он, оттягивала этот момент. А теперь тянуть некуда. Надо, наконец, обо всем договориться.

— Я на фронт подамся, — сказал он, как выстрелил. Хотел осторожно, с подходом, и вот — пожалуйста. Захлебываясь, торопясь — таиться уже нечего — стал убеждать ее: — Толик Романовский, Федя Чесняк, Ваня Громак, все идут... Целый отряд набирается из комсомольцев! Ты пойми, не можем мы в тылу быть, когда на фронте такое... Совесть не позволяет! А с тобой Николай останется, он поможет тебе с Витькой... Так что не сомневайся!

Слезы катились по ее щекам. Она как-то сразу постарела, ссутулилась. Это его-то мать, всегда бодрая. В темной, по-девичьи толстой косе — ни единого поседевшего волоска, лоб гладкий, только над носом резкая вертикальная черточка, будто шрам от пореза. А тут и морщинки откуда-то взялись, под нижними веками обозначились круги.

— Ну, что ты, мама! Я же не один иду! И Толик, и Федя, и Ваня...

Она улыбнулась сквозь слезы его мальчишеской попытке спрятаться за товарищей. У тех свои матери и тоже небось плачут.

— Маленький ты еще, — сказала тихо.

— Я-то? Да ты, мама, посмотри. — Он встал, вытянулся, красивый, ловкий.

И мать невольно залюбовалась им, в который раз отметила про себя: «В отца». Отец-то его умер, одна поднимала ребят. Все заботилась, чтобы накормлены, напоены были. И не заметила, когда выросли.

— Все равно маленький. Годков тебе еще мало. Семнадцать не исполнилось.

Она уже говорила спокойнее, и он знал, что больше удерживать его не будет. Примется хлопотать, сушить сухари, в хлопотах совсем успокоится, примирится с мыслью, что сын пошел воевать. Надо наказать Николаю, чтобы берег ее. Он за старшего остается.

Павел и Николай — близнецы. Походили друг на друга и очень гордились этим. Одними игрушками играли, одни учебники читали. И не было случая, чтобы не поделили что-то между собой. Старались держаться всегда вместе: куда один, туда другой. А сейчас Павел уходил, Николай оставался. Так нужно. Не бросишь ведь мать с беспомощным Витькой, пацан он еще. Ничего, пока один Черкасов повоюет.

Дом их с тонкими стенами пропускал уличные звуки. То собака залает, то громко заспорят прохожие. И хорошо слышен однообразный шум моря.

Внезапно мать быстро пригнула к себе голову Павла, поцеловала в щеку.

— Поступай, как знаешь, перечить не буду. Не по годам нынче судят о зрелости, видно. И дети рано взрослеют...

Десятилетний Витя торжественно нес вещи брата. Пусть все видят — не куда-нибудь, а на фронт провожают Павлика. Тетя Наташа пробовала помочь ему, но он ни в какую. Сам справится. Вон какие мышцы за лето вздулись! У них в семье все спортсмены.

Николай и мать шли молча. На перроне мать опять не удержалась — всплакнула.

— Крепись, Матрена Павловна, — принялась уговаривать свою родственницу тетя Наташа. — Не волнуй парня. Разве ему легко расставаться с тобой и братьями? Поди, сердце-то изболелось. Взгляни, сколько матерей. Не одна ты провожаешь. А вон как весело расстаются...

Поодаль звучал смех. Это ученики встретились с учителем и теперь перешучивались. Он одобрительно похлопывал их, встряхивал светлыми волосами, и интеллигентное, с тонкими чертами лицо его было каким-то просветленным.

Петр Логвинович Киселев, бывший учитель и комсомольский работник, одним из первых выезжал в районы: Мелитопольский, Приазовский, Нововасильевский, Приморский, Бердянский, встречался с десятиклассниками, которые стремились на фронт, объяснял им, кто такой боец Красной Армии, предупреждал об ответственности. Ведь армия — кроме всего прочего, труд, тяжелый труд. Необходимо обладать выдержкой. А прежде всего — дисциплина.

И вот его питомцы готовятся стать воинами. Задорные мальчишки с непослушными вихрами волос, русых, пепельных, черных, рыжеватых. Какими будут они там, на фронте, эти мальчишки?

— Никак Федя Чесняк? — всмотрелся Киселев в одного из подходивших к нему парней. — Вырос-то, не узнаешь!

— А мы вас еще издали приметили, — пробасил Ваня Громак, такой внушительно громоздкий, что сверстники

рядом с ним выглядели младшими братишками-недоростками. Он, как тисками, зажал ладонь учителя своей огромной ручищей.

«Ну, с такими руками ему нечего опасаться немцев», — подумал Киселев. Мог ли он знать тогда, что добродушный Ваня Громач убьет впоследствии одного из мучителей Зои Космодемьянской.

Сейчас Киселев оглядывал своих бывших учеников и удивлялся.

— Сколько же вас!

— Сорок человек, — сказал Федя Чесняк. — Все у вас учились.

Комсомольский эшелон мчался почти безостановочно, лишь едва снижал скорость на станциях. Монотонный стук колес усыплял. Ребята уgomонились, присмирели, кое-кто прикорнул.

Все проснулись, оживились, когда поезд неожиданно остановился. Небольшая заминка. Ребята высыпали из вагонов.

Крохотная станция, серые дощатые заборы, перрон устан шелухой от семечек. Эвакуированные девушки глазят на ребят. Откуда, мол, такая ватага?

— Эй, вы кто такие?

— Знаем, да не скажем, — смеялись хлопцы. Тут же познакомились, обменивались адресами.

Павел Черкасов не умел так просто и легко вступать в разговор с девушками. На него бросали откровенно призывные взгляды, а он застенчиво молчал, ни слова не мог выдать из себя. Вот и сейчас молча смотрел на девушку с синими, как цветы-васильки, глазами. Она тоже не принимала участия в общем веселье. Прислонилась к корявому стволу дерева, серьезно, без улыбки, смотрела на подруг, которые уже перезнакомились со всеми.

«Эх, была-не была», — решил Черкасов и попросил девушку:

— Дай мне твой адрес, а? Писать буду...

— Какой у меня адрес? — Плечи ее зябко передернулись. — Ни адреса, ни дома, одна больная мать. Если б не она, я бы медсестрой пошла.

Столько доверчивости было в мелодичном голосе, так бездонна была синь наивных глаз, что у него пересохло в горле. Хотелось защитить эту милую девушку, уберечь, чтобы никогда не знала горя.

— По ва-го-нам!

— Зовут-то тебя как? — заспешил он.

— Оксаной...

— Напиши мне, Оксана, пожалуйста! Южный фронт, молодежная воинская часть, Павлу Черкасову.

Он побежал от нее, оглядываясь. А она так и потянулась вслед за ним.

В тамбуре Павел Черкасов все бормотал:

Дан приказ — ему на Запад,
Ей — в другую сторону.

Здесь и нашел его Киселев.

— Вот ты где. Скажи-ка, какие комсомольские поручения выполнял в школе?

— А?

— Какие, спрашиваю, поручения тебе давали в школе?

— Ну, разные. Главным образом связанные со спортом.

— Фамилия у тебя любопытная. Отец с Кавказа, что ли?

— Из Болгарии. А прапрадед, тот действительно с Кавказа.

— Ну да?

— Точно!

— Это как же получилось?

— Отец мой сюда давно уже из Болгарии приехал. Уж очень хотелось ему посмотреть, как в Советском Союзе живут. Ну и остался тут. Садоводом он был. Со всего Запорожья к нему приезжали яблоки его попробовать. А когда умер, хоронили, будто знаменитость какую.

— Так ты, выходит, сын болгарина?

— И потомок черкеса.

Киселев заинтересовался родословной Павла. Необычная все-таки у парня судьба, предки интересные.

Когда Болгария находилась под владычеством Турции, болгары не раз восставали против турецкого ига, потом скрывались в горах. Паша вербовал себе солдат на Кавказе. Разумеется, они совсем не были похожи на султанских янычаров и к болгарам относились благосклонно. Один из черкесов полюбил болгарку, женился на ней. Родилась у них дочка — писаная красавица. Прадед Павла Черкасова стал ее мужем. И все потомки их получили фамилию — Черкасовы.

Очнувшись от воспоминаний, переданных когда-то родней, Павел заметил, что солнце теперь светит справа. Значит, поезд идет не на запад, как должен бы, а на северо-восток.

— Правильно, — подтвердил Киселев. — Едем не туда, куда собирались. Наша конечная остановка — Красноармейск.

— А я-то мечтал Южный Буг посмотреть! Говорят, Николаев — славный город.

Киселев утвердительно кивнул.

— Мне он понравился. Совсем недавно был в нем. Одиннадцатого августа собирались там первые группы комсомольцев-добровольцев. У памятника героям Сиваша. Зачитали им обращение ЦК комсомола Украины о создании боевых отрядов из молодежи допризывного возраста.

— И что же?

— Да что, знаешь ведь: фронт передвинулся. Пришлось передислоцироваться в глубь Донбасса, подальше от вражеской авиации. Слышал я, что группа ребят из Запорожья уже проследовала. Обосновалась, вероятно, в палаточном городке.

Оба умолкли, стали смотреть в окно, где мелькали деревья, освещенные солнечными лучами. Каждый думал о доме. Но стоило зажмуриться Павлу, как видел, словно наяву, девушку с глазами-васильками. Оксану. Оксаночку...

4

Саша, Толя и Сергей, которых подбросили на машине в Николаев, никакой команды там не застали. В комендатуре на их упорные расспросы ответили коротко и не очень вразумительно:

— Ищите ветра в поле! Еще вчера снялись и махнули на каховскую дорогу.

Что же делать? Выбора не было. Приходилось действовать самостоятельно.

И друзья двинулись по следу будущего полка. То пешком, то на попутных грузовиках. Забирались на поезда, тряслись на брничках. Одежда поистрепалась, запачкалась, лица обветрили — умываться умывались, а вытереться нечем было. Счет суткам потеряли.

Должно быть, подозрительно выглядели они, потому что в одном из поселков их задержали работники заградотряда. Кто такие да почему о комсомольском полке расспрашивают?

Плечистый лейтенант в обмундировании пограничника был чистенький, ухоженный, спрашивал строго. И Сергей вдруг разозлился. Обидным ему

показалось, что лейтенант вот при деле, а они до сих пор по дорогам шатаются, будто беспризорники какие.

— Допрашивают, допрашивают, а помочь не могут! — выпалил он.

— Намучились мы, — присоединился к нему Толя. Его когда-то белая рубашка стала серой, и вышивки не видно.

— Один кто-нибудь говорите, — сказал лейтенант. — Так, чтобы понятно было.

Саша начал рассказывать:

— На передовую нас не пускают, в тылу задерживают. Дошло до того, что в особый отдел попали. Там нам сказали, где комсомольский полк искать. Комсомольцы мы, вот наши комсомольские билеты!

— Добро, хлопцы, — разулыбался лейтенант, и стало видно, что он совсем еще молодой, очень жизнерадостный. — Идти вам до Красноармейска. А сейчас мы вас покормим. Оголодали небось? — и по-свойски подмигнул.

В Красноармейске вроде бы все прояснилось. Местные жители указали, куда идти. В пятнадцати километрах от города кирпичный завод, туда молодежь направлялась.

— Разущите клуб в поселке Красный Яр, — напутствовали они приободрившихся ребят.

Усталости как не бывало. Догнали подводу с домашним скарбом. Табуретки, горшки, узлы свалены в беспорядке. На скатанном тулупе сидит малыш. Толкует сестренке что-то и пальцем не вперед, а назад тычет. Что он там увидел занятное?

Оглянулся Саша и обомлел. Да это ж отряд!

— Хлопцы, мы за отрядом гонимся, а он нас догоняет!

Колонна приближалась. Шагали мальчишки, кто в куртке нараспашку, кто с плащом через плечо. Под

слоем пыли цвета ботинок не разглядеть. Тоже, наверное, протопали немало. Мальчишки шли, Саша, Толя и Сергей стояли, смотрели.

— Где ваше начальство? — ухватил за рукав одного из колонны возбужденный Сергей.

Тот отцепил его пальцы, с достоинством ответил:

— Впереди, где же еще? — И пошел дальше.

Друзья нагнали передних, но ни лейтенантов, ни капитанов не обнаружили. Впереди колонны — двое. Один, атлетического сложения — Геркулес да и только — с резко очерченным подбородком, тонкими губами. На сгибе руки — синеватая шинель со звездочками. Железнодорожник, что ли?

— Вы из Николаева? — обратился к нему Саша.

Тот слегка прищурился, губы сложились в едва заметную улыбку.

— Нет, уважаемый, из Мелитополя мы. Трошки адресом ты ошибся.

— Адрес точный! — твердо произнес Саша, и широкие брови его изогнулись над повеселевшими глазами. — Мы ж вас, знаете, сколько искали?..

Глава третья

1

В Красный Яр собрались потомки Сечи Запорожской, внуки революционного Луганска, дети шахтеров юга Украины и России. Русские, украинцы, белорусы, казахи — кого здесь только не было.

Василий Васютин побежал в клуб, где разместилась приемная комиссия колхоза «Стахановец», вернулся и стал выкликать:

— Зайченко! Моргун! Морозов! Шибинский! Хилько!..

После переключки Саша Мартынов сказал ему:

— Слушай, Василек, зачем обоих Федь сразу? Оба ростом не вышли, на них обратят внимание. Пусть Хилько Федя идет, а Зайченко Федя потом.

Васютин послушался совета.

— Федя Зайченко, останься. Остальные, за мной — шагом марш!

Пока других принимали в полк, Федя Зайченко переживал. Присел под кустом, теребил ветку с оранжевыми листьями. Чего доброго, в самом деле от ворот поворот дадут. Шестнадцать лет. Низенький. Худой. Федя Хилько, тот хоть невысок, зато кряжист, как дубок.

Всех ребят приняли. Но когда перед командиром полка встал навтыяжку Федя Зайченко, командир покачал головой.

— Молод!

Советовали же Феде товарищи в пути нарастить каблуки. В шутку, разумеется. Иначе, мол, не примут. И вот не приняли. Неужели назад возвращаться? Ни за что!

Опустился он на траву у ворот лагеря и решил, что не сдвинется с этого места, пока не примут в полк. Хоть неделю сидеть будет. Хоть месяц! Ребята выносили хлеб и сахар, поили кипятком, сочувствовали. И добился-таки он своего. Зачислили его во второй батальон, изумленные такой настойчивостью. Но оружия не дали.

— Письма на передовую будешь носить.

Письма, так письма. Федя и тому рад. Тем более, что есть у него некий замысел, придумал кое-что, когда у ворот томился. Только никому ни звука. Потом оценят Федю Зайченко. А то Зайчком обозвали... Тоже мне, прозвище!

Коммунисты Петр Логвинович Киселев, Михаил Иванович Артюшенко, Николай Петрович Ярченко и комсомольский вожак Василий Георгиевич Васютин привели в Красный Яр самые многочисленные отряды комсомольцев. Из них сформировали три батальона, спецподразделения и санитарную роту. Началась лагерная жизнь.

2

За короткий срок надо было обучиться многому. Парни рыли противотанковые рвы, эскарпы и контрэскарпы, возводили над беспокойной прихотливой речушкой мост, минировали поляну учебными минами. Учились стрелять и в хорошую погоду, и в слякоть, и днем, и ночью. Правда, приходилось подолгу ждать в очереди, чтобы выстрелить из боевой винтовки: фронтовые органы снабжения еще не взяли на обеспечение этот необычный полк.

Потому и ходили ребята в пестрой домашней одежде, кто в чем прибыл сюда. Но они стали дисциплинированнее, уже не просто шагали, а четко

печатали шаг. Им очень хотелось романтики, этим вчерашним школьникам.

И однажды во время построения комсорг и старшина четвертой роты Василий Васютин заметил, что козырьки кепок у всех отчекрыжены по самый околыш, лихо сдвинуты набок. Моряки-герои да и только! Именно на моряков мечтали походить ребята. Тут и допытываться не надо! Ну да пускай пофорсят: все равно скоро вместо самодельных бескозырок наденут пилотки.

Однако пилоток не было. И вдруг тревожная весть, будто гром среди ясного неба: фронтовое интендантство лишило саперов красноармейского пайка. Как так? Почему? Начали выяснять. Но пока-то чем-то питаться надо.

Председатель колхоза «Стахановец», усатый добряк Буруг, обнадежил:

— Не горюйте, хлопцы! Всем колхозом кормить вас будем.

Колхоз давал продукты. Колхозницы Мария Манойло и Дора Канивец готовили на кухне обед. Как для своей семьи старались — пальчики оближешь. Однако сколько можно жить на иждивении?

И наконец все решилось: полк узаконили. Присвоили новорожденному комсомольскому инженерному полку номер. Вспомнили, что когда молодое Советское государство создавало свои Вооруженные Силы, после подписания Лениным декрета о регулярной Красной Армии, рабочие предприятий Москвы сформировали добровольческий полк. Тот полк был назван «38-й коммунистический». Этот назвали «38-й отдельный комсомольский инженерный».

В Красный Яр прибыл представитель Военного совета фронта. Состоялся митинг. И мощное «ура» прокатилось над шеренгами комсомольцев-добровольцев.

Так появился «полк безусых».

И полетели из полка домой письма с треугольным штампом «Красноармейское».

Поступила первая партия обмундирования. Ребята натягивали на себя новые еще не обмятые хлопчатобумажные гимнастерки и брюки полугалифе, подпоясывались скрипучими ремнями. Преображались до неузнаваемости. Весело подтрунивали друг над другом:

— Неужто ты, Серега?

— До чего же brave боец у нас Сашко!

А Сашко и Серега шире разворачивали при этом плечи, по-детски пухлые губы их поджимались, становились твердыми. Они теперь не просто семнадцати-восемнадцатилетние парни — они рядовые Красной Армии.

Поступило и оружие, новенькое, густо смазанное солидолом. Прибыло пополнение командиров и политработников.

На совещании партийного и комсомольского актива только что назначенный командир полка говорил о трудностях на фронте. Фашисты целятся в сердце Донбасса. Замышляют пробиться к Ростову, на Кубань, Кавказ и Волгу. Им не дают покоя наши уголь, пшеница, рыба и нефть. Надо преградить путь врагам минными полями, всевозможными ловушками. Раз гитлеровцы ведут себя, как хищные звери, значит, нужны капканы для них.

— Скоро мы получим боевое задание, — обрадовал он коммунистов и комсомольцев. — А пока давайте доучиваться. Ибо кто такой сапер-недоучка? Это жертва случая, товарищи. Мы же должны уметь и ставить мины, и снимать их. Потому что рано или поздно придется нам расчищать дорогу для наступления нашей армии!

Все захлопали. Особенно старался Василий Васютин. Бил ладонь о ладонь, и крупные ровные зубы его влажно поблескивали в улыбке. Всегда очень уравновешенный, он не сдержался сейчас. Встал. Не сказал, а выкрикнул:

— Мы, бойцы-комсомольцы, верим, что партия приведет наш народ к победе! Оккупанты будут разбиты!

Как комсомольский вожак, он выступал от имени других. И у этих других, точно так же, как у него самого, перехватило дыхание от волнения. Потому-то запинаясь они, рассказывая о своей профессии сапера, которую стали считать самой важной, самой необходимой.

— Я мечтал в детстве плавать на большом корабле, — сказал Толя Романовский. — Или летать в небе на самолете. Ну да у всех мальчишек бывают такие мечты... А теперь думаю, что мне повезло. Хочу истреблять вражеские танки минами. Разве здесь нужна меньшая храбрость, чем на самолете и корабле?

За окнами темнело. Принесли лампы, засветили. При слабом, трепетном их свете молодые лица казались строже, старше, чем были на самом деле. И, глядя на ребят, командир полка думал, что скоро они будут давать клятву на верность Родине. Какими бойцами станут эти комсомольцы? Сумеют ли коммунисты передать младшим братьям-комсомольцам свой опыт? Научат ли на личном примере беззаветно любить и защищать Отечество? Нет, он не сомневался в своих питомцах — он по-отечески заботился о них.

Вот ведь считает же командир четвертой роты коммунист Блажко ближайшим помощником комсорга Василия Васютина. Вместе планируют и вместе проводят воспитательную работу среди солдат, доверяют друг другу во всем.

Наступил день, когда Иван Григорьевич Блажко вызвал комсорга Васютина для серьезного разговора.

— Сегодня ночью, — предупредил Блажко, — будем впервые ставить боевые Ям-пять, ящечные мины. Подбери-ка, Василий, ребяташек посноровистее. Есть такие?

— Ну как же! Валя Шибинский, Миша Морозов, Саша Максимчук, Федя Хилько...

— А Коля Фурманов? Застенчивый такой, с ямочками на щеках?

— Колю Фурманова надо взять обязательно! Он хоть и стеснительный, а очень даже расторопный. Голова у него здорово соображает.

Вечером вышли на участок под Журавками.

В небе висела холодная, точно начищенный металлический поднос, луна. Светила во всю силу. И вдруг померкла — лохмотья облаков облепили ее, потом закрыли совсем. Стало темно. Лишь изредка луна выныривала, освещала местность и снова пряталась. Ставить мины еще можно было, но как проверить их маскировку?

— По-щучьему велению, по-моему хотению, выгляни, яснолобая! — пошутил Коля Фурманов, поднимая вверх голову.

И в самом деле вокруг посветлело, словно природа послушалась.

— Ну, теперь смотри, где грядки не в порядке, — подтолкнул друга Василий Васютин, оглядывая замаскированные минные точки.

Но луна тут же скрылась за плотным, словно ватным облаком. Лес стоял настороженный, а над ним неслись зловещие черные тучи. Откуда они взялись? Когда? Серdito зашумел в кустах ветер, обламывая с хрустом ветки. Самая мрачная туча треснула, и в трещину хлынул ослепительный свет. Молния расплосовала клубящееся небо почти надвое.

Гремел гром, одна за другой сверкали молнии. Хоть дожидайся их и примечай, где заметны точки-кочки.

Коля Фурманов напряженно, до рези в глазах, всматривался в сделанное. Вытягивал шею из ворота гимнастерки, как гусь. А по незащищенной коже метко били капли дождя, заставляли ежиться.

«Пок! Пок!» — барабанило по земле. Вскоре он весь вымок, ни единой нитки сухой не осталось, по телу прошла дрожь — никак не унять. Рядом поеживался Василий Васютин.

В темноте зачавкало. На друзей надвинулось что-то серое, бесформенное. Пригляделись — Блажко. Он посветил фонариком и одобрил маскировку:

— Молодцы! При такой непогоде задание выполнили! Можем возвращаться в лагерь.

Дождь между тем перестал. Но ноги скользили, местами как будто в крутое тесто вдавливались. И все время знобило всех.

«Сейчас бы песню затянуть, — подумалось Ивану Григорьевичу. — Да не полагается... Чем бы подбодрить ребят?» Его опередили — Володя Латышев неожиданно отскочил в сторону, развернул носки ботинок и заковылял, копируя знаменитого Чарли Чаплина.

Усталости как не бывало. Ребята охотно смеялись, перешучивались. Уже не обращали внимания на противную дрожь. Они даже согрелись почему-то. Будто не осеннее небо над головой, а потолок уютного кинозала.

— Не унывают хлопцы, — кивнул на них Василий Васютин, склоняясь к Ивану Григорьевичу Блажко. — Вы за них не беспокойтесь.

Они понимали друг друга не то что с полуслова — с одного лишь быстрого взгляда, случайного для остальных, но для них двоих полного глубокого смысла.

Василий Васютин и Коля Фурманов блаженно растянулись на своих постелях. Лежали, прикидывали шепотом, сколько вражеских танков может остановить взвод. А рота? Батальон? Полк? Получалось — порядочно. Создать бы на Южном фронте сплошную непроходимую преграду из мин. Чтобы враги ни на шаг не продвинулись.

С тем и заснули. И снились им мины, мины...

— Подъем! — возвестил дневальный.

Построение, зарядка, умывание, завтрак. Как всегда.

Коля Фурманов разостлал плащ-палатку, наполнил котелки горячей разваристой кашей и просигналил Василию Васютину алюминиевой ложкой.

— Давай сюда!

— Чую, чую запах масляной каши, — отозвался тот. Присел на пенек напротив.

Голос спокойный, а глаза какие-то настороженные. Скользят по стриженным затылкам, по круглым котелкам, ни на чем остановиться не могут.

Фурманову передалось беспокойство друга.

— Что нового, Василек?

— Получен боевой приказ.

Молча закончили завтрак. Наконец-то начнутся настоящие дела! Давно пора: ведь противник подкрался к Запорожью, захватил Днепропетровск...

На построение стянули все подразделения полка в одно место. Объявили, что задание дают пока только первому батальону. Как этим ребятам завидовали все!

Васютин поздравил комсорга третьей роты Николая Пятницкого:

— Значит, первыми получите боевое крещение.

Пятницкий отмахнулся.

— Какое там боевое? На запасной рубеж посылают.

— Сегодня запасной, а завтра, глядишь, самый передовой, — вмешался Илюша Холодов, комсорг

седьмой роты. — Обстановка-то какая? Следить не успеваешь, как меняется! Вспомните про комбата.

Комбат Федор Наумович Белоконь, двадцативосьмилетний капитан, сухопарый и крепкий, как сучковатое дерево, успел не раз побывать в переплете. 22 июня он в числе первых попал под бомбежку на румынской границе, сорок пять дней находился в непрерывных боях. Затем был назначен в Умань, в полк...

Когда добирался туда, столкнулся с моторазведчиками противника. Опять бой. Неравный причем. Федор Наумович вышел из него победителем. Несколько гитлеровцев положил на месте — опомниться не успели. Двух захватил в плен.

И снова бой. С группой комсомольцев сумел-таки выбраться из окружения, хотя вроде бы никакой надежды не было, что спасутся.

Обстрелянного, закаленного капитана прислали в комсомольский полк. Сначала ребят смущал пронзительный взгляд его серых без блеска глаз. Становилось как-то не по себе под этим взглядом. Словно каждый провинился в чем-то. Но потом молодые бойцы привязались к своему командиру так, как ни к кому другому в батальоне. Стали называть между собой «наш Чапай». При всей его суровой внешности у комбата было доброе сердце.

Ребята шли за своим любимым капитаном. Передохнуть бы, но некогда — боевое задание. Сколько километров отмахали, ног уж под собой не чувствовали. Подошвы горели, как обожженные. Однако никто не сознавался в этом. Продолжали шагать. Раз комбат выдерживал, они тоже обязаны были выдержать.

Наконец объявили привал. Бойцы попадали на землю, кто где стоял. И мгновенно уснули.

Федор Наумович опустил на траву. Сухая, ломкая, она еле слышно зашелестела под ним. Вокруг

посапывали, бормотали что-то во сне ребята. И он тоже расслабился. Стал забываться. Ткнулся носом в согнутые колени, тут же очнулся. Сколько времени прошло? Стрелки на светящемся циферблате часов успокоили его. «Пусть еще немного поспят, самую малость». А стрелки бегут, отсчитывают минуты.

— Становись! Продолжать движение!

Зычный баритон комбата поднял всех. Еще не совсем проснувшись, натываясь в темноте один на другого, занимали места в строю. По команде «Шагом марш!» двинулись дальше. И снова ночь. Ночь и пыль.

И только пыль, пыль, пыль
Из-под шагающих сапог —
Отдыха нет на войне солдату.
Нет. Нет. Нет...

Руки и ноги, как у тряпичных кукол, вялые, не подчиняются. В головах — туман. Веки смыкаются.

Сон, сон, сон, сон,
Хоть бы на десять минут!
Не стой, не спи! —
Задние тебя сомнут.
И только пыль, пыль, пыль...

Батальон расчленился по ротам. Подразделения достигли хутора Андреевского, поселков Воровского и Буденного. Расположились в садах.

Уже румянилась заря. Четко выделялись на чистом небе оголенные ветки яблонь. Лишь кое-где трепыхался одинокий лист, словно силился сорваться и упасть вниз, где столько таких же, как он, истонченных, шуршащих, тихо умирающих листьев. Их топтали, расшвыривали. А

они льнули к подошвам. Не верили, что ли, что срок их кончился?

После короткой передышки бойцы набросились на еду. Опустошили походные кухни. Ну вот и снова налиты силой мускулы. Не терпится приняться за дела. Споткнется здесь враг, полетят в воздух обломки его танков. Припомнит он комсомольский полк!

Минировали в районе Улаклы — Гришино. Белоконь появлялся всюду, возникал неожиданно, словно из земли вырастал. От роты к роте, от взвода к взводу. Подсказывал, показывал, как надо действовать. Если брался за лопату — в два взмаха образовывалась аккуратная лунка. Снарядив мину, он осторожно опускал ее в гнездо, быстро закапывал, маскировал.

— Так вот и ставьте одну за другой, — говорил саперам. — Не спешите. — А командирам наказывал: — Не подгоняйте их. Здесь ведь ошибаться нельзя...

Спешить опасно и медлить тоже. Разве не понимали молодые красноармейцы, что перекуривать некогда? Они старались. В первый же день поставили по всем правилам девятьсот противотанковых мин. На следующий день еще больше.

Они готовы были действовать без отдыха. Без обеда. Без сна. Но силы нужно беречь. Когда у сапера дрожат от переутомления руки — это уже не сапер. Ведь в каждую секунду мина может взорваться. И вместо вражеского танка разорвать того же Николая Пятницкого.

Комбат заботился о своих бойцах. Вовремя — спать, вовремя — есть. Строгий режим. Точно к указанному часу приезжали походные кухни, вкусно пахло кашей.

На этот раз не успели разгрузить котлы, как из-за бугра вынырнул штабной автобус, получивший шутовское прозвище.

— «Коломбина»! — закричали ребята.

Следом за «Коломбиной» катили на грузовиках какие-то люди, размахивали руками, кричали.

— Наши! — признал кто-то. — Да это ж наши! Второй и третий батальоны!

Комсомольцы второго и третьего батальонов прямо на ходу выбирались из кузовов, прыгали в пыль. К ним бежали бойцы из первого, суматошно бормотали что-то. И вот — сошлись. Объятия, смех, дружеские похлопывания. Слово вечность не виделись. Ну до чего же здорово, что снова вместе!

— Коля Пятницкий!

— Вася Васютин!

А Сашу Мартынова мяли в дружеских объятиях Толя и Сергей. Сколько прошли они втроем по фронтовым дорогам, прежде чем попали в комсомольский полк! И сколько еще пройдут. Тогда все верили, что доживут до победы. Что ни одного из них не тронет вражеская пуля...

5

Стоял прохладный октябрь. То сыпал как сквозь сито, надоедливый мелкий дождь, то светило урывками солнце. По вечерам линялая трава покрывалась изморозью, будто седела.

Полк сосредоточился в районе Харцызска. Здесь молодые саперы доучивались. Здесь присягали на верность Родине. И здесь же предстояло им боевое крещение — испытание огнем.

И вот сюда привезли почту. Первые письма на фронте! От родных, от друзей, от любимых. Эти письма могли быть и последними — ведь родные места адресатов оккупированы, там фашисты.

Павел Черкасов по конверту определил, что писала мать. Нетерпеливо разорвал его, вынул густо

исписанный листок. Буковки маленькие, словно наезжают друг на дружку, торопятся. Ну, что там у них, дома?

«Павлуша, мой дорогой сынок! Ты моя единственная надежда...»

Какое странное начало. Почему вдруг он — «единственная надежда»? Наверное потому, что далеко от нее, дорогой мамы. Николай все-таки дома, всегда рядом. А это что такое? Пятно, и буквы слились, словно слеза капнула...

Недоброе предчувствие овладело им. Хотел читать дальше — не смог. «Неужели что-нибудь случилось?»

Прошел мимо Киселев.

— Не от девушки весточка? — И подмигнул. Но, разглядев окаменевшее лицо парня, встревожился. — Как родные?

— Еще не прочитал, товарищ комиссар...

— Тогда давай читай.

Черкасов снова склонился к письму.

«Уходя, ты наказывал брату: Николай, береги маму. А он и себя не сберег».

Нет! Не может быть! Здоровый, сильный Николай, всегда уверенный в себе. Разве такой попадет в беду?

— Ты что, не слышишь? — тронул его за плечо дневальный. — Твержу, твержу... На построение! Уже все в строю!

Он и впрямь ничего не слышал. Уставился куда-то поверх дневального. Голос глухой, охрипший, будто простуженный:

— Что же случилось?

— Да говорю тебе — на построение! — закричал дневальный, выведенный из равновесия. — Присягу принимать будем!

Черкасов сунул письмо в карман, пошел за дневальным. Но по-прежнему плохо воспринимал то, что

происходило вокруг него. Все тянул руку к карману, теребил листок.

Взвод направился в харцызскую школу. Перед собравшимися выступил комиссар батальона. Пока он говорил, Павел украдкой вытащил письмо.

«Ровно через месяц после твоего отъезда в наш двор упала фашистская бомба, как раз возле Коли...»

— Ты что? — Толя Романовский вглядывался в смертельно побелевшее лицо друга. Губы серые, вздрагивают. — Тебе плохо?

Заметил письмо, взял его, пробежал глазами.

— Ну! — потребовал Павел.

— Брат твой... Бомба...

— Ну!

— Насмерть...

А ведь ничего, казалось, в мире не изменилось. Те же друзья возле Павла Черкасова, тот же комиссар призывает бить врагов. Да уж он, Павел, покажет этим врагам! Никогда такой жгучей ненависти не ощущал... Прямо печет внутри, прожигает гимнастерку насквозь. Коля, брат, вместе в школу бегали... Нет, никакой пощады фашистам от Павла Черкасова не будет! За все с ними расплатится: за мать свою бедную, за собственное детство, оборванное войной, за брата Колю...

С дрожью в голосе выговаривал он слова присяги. Клянется. Клянется. Клянется!

Обычно извещений о смерти ждут с передовой, а тут на фронт пришла похоронная.

Глава четвертая

1

Зарево над горизонтом не угасало всю ночь. Гремело совсем близко. И всю ночь подразделения комсомольского полка выполняли боевое задание: оборудовали запасные рубежи обороны, создавали перед ними минные поля. Утром вражеская артиллерия стала доставать.

— Клавдия Васильевна, идите в укрытие! — волновался Федор Наумович Белоконь.

Молодая женщина с санитарной сумкой через плечо бесстрашно сновала по полю, будто не осколки снарядов жужжали над головой, а докучливые осы. Понимала, что комбат хочет уберечь ее. Но она — врач. Если стреляют, значит, будут раненые.

И они появились. То здесь вскрикнет и упадет молодой боец, будто споткнется, то там. Раненые нуждались в помощи, их надо было уносить отсюда.

Бой нарастал. Саперы продолжали углублять окопы и траншеи, а пехотинцы уже были рядом. Павел Черкасов ожесточенно долбил киркой кремнистый грунт. После каждого удара сыпались искры.

— Передохни, Павло! — крикнул Толя Романовский, орудуя лопатой.

Но Павел не выпустил из рук кирку, напротив, еще энергичнее заработал ею. Да и как отдохнешь при таком пронизывающем ветре? Остановишься — под гимнастерку забирается, грудь холодит.

Появился командир взвода. Принес противотанковые мины.

— Черкасов! Романовский! Черников! Сюда! Вот, приспособьте перед окопами, протяните привязанные к

ним шнуры, замаскируйте травой и наблюдайте. Как пойдут танки, сразу тяните мину под гусеницу, поняли?

— Здорово! — обрадовался Романовский. — Кочующие «сюрпризы»!

Из-за холмов слышался танковый гул. Пыхтя, словно страдая одышкой, бронированные чудовища ползли, и рубчатый след тянулся за ними по донецкой земле.

Было ли страшно Черкасову? Конечно, когда ты незащищен, а на тебя надвигается надежно укрытый со всех сторон враг, тут становится немного не по себе... Но ведь этот враг коверкает твою родную землю. Он ранил твоих товарищей. Убил брата. Вот оно, письмо, в кармане гимнастерки. «Уходя, ты наказывал брату: Николай, береги маму. А он и себя не сберег... От немецкой бомбы погиб...»

После этого бояться их, фашистов проклятых! Не дождутся.

Показался первый танк. Мрачно сверкнули черные кресты с белой окантовкой. Орудие выбросило сноп рыжего пламени. И тогда Павел привстал, швырнул связку гранат. Взрыв! Танк закружился над ухабом, роняя с катков рваную гусеницу, похожую на змею, порубленную клинком.

Романовский тоже бросил гранаты — поджег вторую вражескую машину. Потом задымил третий танк. А из дыма и пыли выползали все новые и новые громыхающие чудовища, и, казалось, не будет им конца. Один за другим, один за другим...

Противник заходил во фланг, угрожал полку истреблением. Бойцы забрасывали немецкие танки бутылками с горючей смесью, но боевые машины все шли и шли. Анатолий Панасюк, Виктор Мазепа, Петр Король, Степан Чумаков, Саша Мартынов, Борис Черников, Сергей Иванов — все они гранатами и

пулеметными очередями из последних сил сдерживали напор гитлеровцев.

Черкасов выжидал, взяв очередной танк на прицел. Вот машина приблизилась, ее штыревая антенна чутко качнулась. И тут же отскочила, словно срезанная ветка, танк запылал. Не подвела голубушка, дисковая мина! Точно сработала.

После боя в полку не досчитались четырнадцать человек. Командиры допытывались у красноармейцев, кто из них кого видел в последние минуты. Да где там! Если на тебя лезут танки, некогда оглядываться на товарищей.

Саша Лыжин, комсорг подразделения, предположил: пропавшие остались в окопах правее балки Колосникова. Может, истекают кровью... Отчаялись уж, наверно, разуверились, что спасут их. Надо было немедленно разыскивать ребят.

— Пошлем поисковую группу, — решил Белоконь. — Кто пойдет?

И сразу шагнул вперед Лыжин.

— Я.

— Вот ты и возглавишь эту группу. Смотри сюда. — Комбат развернул топографическую карту. — Вот Харцызск. Видишь? Севернее — липовый лесок. А это та самая балка Колосникова, по которой мы отошли на север. Примерно вот здесь приняли бой. Отсюда начали откатываться. Тут их и надо искать.

2

Воспаленное солнце опустилось за Макеевку. В перелесках и в лощине потемнело. Лыжин посмотрел на часы, скомандовал:

— За мной, ребята. Дальше десяти шагов не отставать. Ближе не подходить.

Разведчики стали спускаться в низину. Равнина скрылась за кустарником. Устремясь на восток, противник оставил открытым левый фланг. Однако пулеметы с дальних высоток нет-нет да постреливали. Свинцовые струи, точно бритвой, срезали бурьян то там, то здесь, цокали по камням.

Когда темнота совсем сгустилась, разведчики сблизилась. Шли, пригибаясь. Натыкались на острые камни, падали в незаметные воронки. Поднимались и снова шли, почти бежали. Слева вдруг затрещал пулемет. Все прижались к земле. Дальше ползли по корявой, как терка, почве. Царапали локти и колени. Торопились. Угнаться за вожаком было нелегко. Лыжин, тренированный спортсмен, продвигался легко и бесшумно.

Наконец он остановился. К нему подполз Саша Мартынов. Даже во тьме видно было, как хмурились его широкие брови. Вдвоем они подождали Ильченко и Рыженко. Потом подползли и остальные.

— Ну, дальше двинем? — оглядел всех Саша Лыжин.

— Не с пустыми же руками возвращаться, — буркнул его тезка Саша Мартынов.

Обстреливаемое пространство осталось сбоку. В районе минувшего боя стояла жуткая, мертвая тишина. Разведчики внимательно оглядывали каждый метр, ощупывали кочки.

Перевалило за полночь, а результатов никаких.

Вот они, разрушенные окопы, траншеи. Но нет здесь ни убитых, ни раненых — никого. Видно, всех подобрала санитары. Так куда же девались четырнадцать бойцов?

Лыжин приуныл. Пора возвращаться. Как бы рассвет не застал в тылу противника. Тогда уж не скроешься. И потерянных не найдут, и сами погибнут.

Повернули обратно. И тут Лыжин встал, как вкопанный.

— Стойте.

— Возвращаться будем? — спросил Ильченко.

— Как мне в голову не пришло! Ведь раненые не станут лежать без движения в окопах! Побоятся, что немцы подберут их... Тогда для них — плен. Конечно, раненые постараются выбраться из окопов! Пошли напрямик развернутым строем.

Прошли с полкилометра. Разочарованно посмотрели назад. Уже и надеяться перестали, как вдруг услышали подозрительный шорох. Замерли. Прислушались. Может, показалось? Нет, действительно шуршит что-то. Или кто-то.

— Давай по-пластунски, — Лыжин махнул рукой и пополз.

Чье-то дыхание рядом. Тяжелое, прерывистое. «Неужели наши?» — подумал Лыжин и стал присматриваться. Вроде лежит кто-то. Шорох. Сдавленный стон.

— О-ой!

— Тише, потерпи немножко, — отозвался другой голос, еле слышный.

Ну, конечно, наши! Тяжело раненные красноармейцы с трудом ползли. Преодолевали местность, отделявшую их от полка. Ждать спасения им было неоткуда: свои ушли, враги не спасут.

— Товарищи, родные!

Не сразу поверили, что самое страшное позади. Что за ними пришли, помогут.

Их напоили из фляжек. Взвалили на одеяла. Кое-кого подняли на закорки. И только двинулись, как вспыхнула осветительная ракета. Стали видны трубы минометов, вражеские солдаты возле них.

— Ложись! — крикнул Лыжин.

Все и так уже залегли, притихли. Он прикинул, как обойти эти кустики с их зловредными обитателями. Надо не только пробраться самим, но и вынести раненых.

Ведь ускользнули из-под носа противника! Через головы ребят летели мины, но пугали не они, а надвигающийся рассвет. До своих рукой подать, каких-нибудь сто шагов, да как проберешься на виду у неприятеля? Мины рвались совсем близко, осколки летели вослед.

И тут со стороны Северского Донца ударила наша артиллерия. Минометы врага захлебнулись, смолкли. А навстречу группе Лыжина ринулась чуть ли не вся санрота во главе с врачом Клавдией Васильевной Алешиной. Быстро и ловко перевязали раненых.

— Ну и умница ты у меня! — приговаривал комбат, тиская в объятиях Сашу Лыжина. — Орел парень! — Он обвел потеплевшим взглядом остальных разведчиков. — Все молодцы! Избавили от фашистского плена тринадцать своих товарищей! Вот только где четырнадцатый?

Четырнадцатого, Игната Мартынюка, так и не нашли.

Позднее стало известно, где и как он погиб. Вот ведь парень! Выбрался к какому-то поселку. В хатах — ни огонька. Темно и тихо. Попрытались, наверное, жители, затаились. А с краю села взлетная площадка оборудована. Фонарик едва мерцает на столбике у будки. И солдаты немецкие, кажется, спят. Запугали жителей, а больше им тут опасаться некого, отчаянно храпят, пролеживают бока.

Но перед тем, как уснуть, натянули колючую проволоку на столбы, заминировали границу аэродрома — это Мартынюк отлично видел из укрытия. И вот когда слышался храп солдат, он переставил мины на середину площадки. Знайте наших!

Утром здесь подорвался немецкий самолет, на котором прилетел полковник, представитель ставки Гитлера. Прилететь — прилетел, а выйти не успел. Взлетел в воздух вместе с обломками самолета.

Игнату Мартынюку это стоило жизни.

Вражеские самолеты шныряли в небе днем и ночью. Выискивали цели, обрушивали на них тонны бомб, стреляли из крупнокалиберных пулеметов и малокалиберных орудий. Взрывы, огонь, грохот.

А саперы-комсомольцы наводили мосты на Северском Донце, строили перед рекой долговременные огневые точки, устанавливали металлические колпаки над ними, подступы к запасным рубежам обороны начиняли различными минами.

— Мины кончились, товарищ комиссар, — доложил командир девятой роты старший лейтенант Винник и покраснел, словно именно он был виноват в этом.

Комиссар третьего батальона Киселев и замкомбата Евтушенко переглянулись.

— И в запасе ничего нет? — спросил Евтушенко, задумчиво потерев лоб тыльной стороной руки.

— Взрывчатки мы обнаружили целые склады. Взяли их под охрану. Там динамит, аммонал, тол... Запалы имеются. А вот корпусов для них нет...

— Неужели только в этом загвоздка? — взорвался Киселев. Лицо его налилось краснотой, уголки губ нервно подрагивали. — Где ваши взводные?

Первыми по вызову прибежали лейтенанты Пластинин и Бейлин.

— Вы кем работали до войны? — спросил комиссар Пластинина в упор.

— Конструктором московского завода.

— И вы, кажется, с высшим образованием? — перевел он посветлевшие от гнева глаза на Бейлина.

— Так точно.

— И не можете ничего придумать?! Тогда давайте вместе искать выход. А сейчас идите. Идите думайте!

— Разрешите обратиться?

Перед Евтушенко и Киселевым стоял красноармеец, переминался с ноги на ногу. Невысокий, плотный, скулы туго обтянуты заветренной кожей.

— Чумаков я.

— В чем дело, товарищ Чумаков?

— Да вот услышал, что головы здесь ломаете по пустякам.

Парень был дерзок, сам того, очевидно, не подозревая. Потому что очень уж наивен был его мягкий взгляд, пушистые бровки хотелось пригладить.

— Я тракторист, и этих штук, железных корпусов для мин, могу наклепать сколько угодно.

— Пусть Чумаков подберет ребят, смыслящих в слесарном деле, — сказал Киселев Виннику. — Вот вам и выход!

Степан помчался к своему закадычному дружку Егору Рыскову.

— Егорушка! Будем ковать корпуса для мин! Давай командуй нами.

Принялись за дело Анатолий Панасюк, тоненький и быстрый, похожий на подростка; мастер на все руки Павел Черкасов; Петр Король, прозванный за силу Добрыней Никитичем, и Анатолий Романовский — всегда молчаливо-задумчивый. Они разведали, где хранится листовое железо, раздобыли инструменты.

Степан Чумаков изготавливал оболочки для смертоносных мин и думал о том времени, когда снова займется мирным трудом.

Рос он без отца и матери. В колхозе обучили специальности, трактор доверили. «Отблагодаришь здесь Родину добросовестной работой, а в армии — верной службой». Этого наказа он никогда не забывал. Ходил в стахановцах, уважали его в совхозе имени Челюскинцев. На девушек уже начал заглядываться. Особенно на одну из родного хутора Египкина. Обещала приехать к нему.

С трактора он почти сутками не сходил — летняя страда. На рассвете в воскресенье остановил свой «ХТЗ», прилег у только что выведенной борозды. Земля мягкая, теплая, словно постель. Легкий ветерок обдувает, и кругом тишина. Не заметил, как уснул. А проснулся оттого, что кто-то крикнул в ухо:

— Война!

На второй день пошел к директору совхоза проситься на фронт.

— Здесь тоже фронт, — коротко ответил директор.

Гремело над Днестром и Южным Бугом, враги приближались к Днепру. Всесоюзная кочегарка разделилась на два лагеря, трудовой и боевой: в первом эвакуировались, во втором брались за оружие.

Кадровые дивизии Провалова, Шарагина, Петраковского получили пополнение из Донбасса. Шахтерские дивизии были крепкими, как антрацит, громили врага.

Чумаков явился в райвоенкомат.

— Ждите повестку, — сказали ему.

— Да поймите, не могу ждать! Направьте в действующую армию!

— Нужен будешь — позовем. Жди.

Сколько же можно? Односельчане давно на фронте. Да что он, Чумаков, хуже их, что ли? Мало лет еще? Так сейчас такое время: стар и млад на борьбу с фашистами поднимаются.

Никогда коммунары не будут рабами!

С котомкой за плечами двинулся Степан Чумаков к Артемовску. Шел вдоль бескрайних полей пшеницы, мимо сиротливых комбайнов. Некому было убирать хлеб, рабочих рук не хватало.

Попытался он пристроиться к маршевой роте, но командир заявил:

— Случайных не берем.

— Какой же я случайный? — возмутился Чумаков. — Вот мой комсомольский билет.

Доложили комиссару. Тот полистал комсомольский билет, вздохнул.

— Не обучен ведь ты, братец. Ну как мы тебя возьмем? Шагай-ка в Красноармейск. Там комсомольцы-добровольцы собираются.

Но из Красноармейска комсомольский полк уже выступил под Харцызск. В общем, намучился Чумаков. Зато добился своего: теперь он в полку с такими же ребятами, как сам. Правда, мечтал с трактора на танк пересесть, так как считал, что боевой танк — тот же гусеничный трактор, только потяжелее... А пришлось вот корпуса для мин мастерить, чтобы взрывались гитлеровские танки.

Ребята работали проворно — готовили «подарочки» врагу. Когда к ним заглянул замкомбата Евтушенко, остался доволен темпом.

— Одно мне не нравится, — потер он лоб.

— Что же? — заинтересовался Пластинин.

— Беспечность наша, вот что. Все операции производятся буквально на пороховой бочке. А тут еще «мессеры».

Саперы вырыли глубокие щели, стали тщательнее наблюдать за небом. И продолжали делать мины. Ставили их на участках недалеко от Каменска.

Глава пятая

1

Поступил приказ прекратить минирование. Ребята хорошенько отдохнули, позаботились о миноискателях, щупах, кошках. Теперь они будут разминировать.

В подразделениях приводили в порядок оружие. Павел Черкасов разобрал затвор винтовки, протер тряпкой. Поделился с Толей Романовским:

— Фашисты хотели обойти Ростов с северо-запада, да наших минных полей испугались. Нашли дорогу поближе... Говорят, Ростов накрылся.

— Может, брехня, Павло? Болтали же про Москву! Будто из пулеметов ее достали. А седьмого ноября парад на Красной площади был. Все честь честью, словно в доброе мирное время! Стало быть, никто еще не придумал таких длинных пулеметных стволов, как языки у болтунов, а?

— Сегодня должна быть политинформация, — вмешался Анатолий Панасюк, шевельнув светло-золотистыми, как поспевшие колосья, бровями. — Вот и спросим у политрука.

Но и Петр Логвинович Киселев не разрешил их сомнений. Обстановка на фронте была сложная. Советские воины мужественно защищали свои города и села. Однако враг наступал, вооруженный до зубов, сильный, хладнокровный. И если сегодня еще Ростов был наш, то завтра его могли уже занять фашисты. Надолго ли? Вот тут все единодушно верили: нет, ненадолго. Наступит время — побегут оккупанты с нашей земли без оглядки.

— Да, нацелились полчища Клейста на цитадель Тихого Дона, — размышлял вслух Киселев, вода указкой

по карте. Ребята сидели очень тихо, напряженно смотрели. — Но по всем признакам наш фронт перейдет скоро в наступление.

— Да когда же? — вырвалось у Черкасова.

— Скоро. Вот ведь поступил приказ готовиться к разминированию... Значит, скоро.

Комиссар оставил своим бойцам пачку газет. Пусть почитают на досуге. А на газеты набросились сразу, едва он вышел. До чего же грозные, бьющие по сердцу заголовки! «Враг будет разбит», «Не опозорьте семьи нашей».

Какая-то женщина написала: «Лучше быть вдовой героя, чем женою труса».

2

Семнадцатая пехотная фашистская армия устремилась на Ворошиловград. Пока хлестали затяжные осенние дожди и транспорт застревал в непролазной грязи, гитлеровцы отсиживались под крышами, в тепле. Но лишь дунули степные ветры, разогнали облака, подсушили грязь, как фашисты двинулись на город, который все еще трудился для фронта.

Немецкий генерал Шведлер знал: в обороне у нас не густо, но он никак не предполагал, что советское командование готовит на этом участке Южного фронта контрудар. Ни наземная, ни воздушная разведка противника не обнаружила 218-й стрелковой дивизии, которая пришла из Белой Калитвы отдохнувшей и пополненной.

Полки этого соединения с ходу врезались на машинах в плотные колонны противника, ударили по ним из пулеметов под Родаково, на подступах к Ворошиловграду. И отсюда под натиском армейской

группы советского генерала Камкова враг начал откатываться к Артемовску, пятиться на Краматорск и Славянск.

Были освобождены Красногоровка, Сентяновка, Персиановка, Голубовка, Перещепная, Ореховка, Берестовая. Но 1-й танковой армии Клейста все же удалось ворваться в Ростов... Чтобы помочь 56-й отдельной армии, сражавшейся за цитадель Тихого Дона, 37-я армия и другие соединения группы Камкова наносили яростные удары по вытянувшемуся флангу противника, угрожая заходом в тыл 1-й танковой армии фашистов.

В составе 37-й армии действовали и подразделения комсомольского полка. Молодые бойцы под пулями разрывали проволочные заграждения, пролагали проходы для наших танков и пехоты, очищали минные поля. Случалось, и сами вступали в бой, помогали пехотинцам.

Роте лейтенанта Комочкина дали задание разминировать небольшой район. Саперы пришли в нужное место, а там — гитлеровцы. Что делать?

— Приказ есть приказ, — сказал командир. — И его надо выполнять.

Однако предварительно нужно было выкурить немцев. Саперы бросились в атаку. Разгромили группу противника, освободили населенный пункт. Потом занялись разминированием.

А в это время в редком перелеске недалеко от реки собрались командиры и политработники. Совещались. Прикидывали, как бы овладеть мостом. Мост находился под усиленной охраной противника, и потому старший начальник танкистов так грустно смотрел на капитана Семятковского, командира комсомольского батальона.

— Я знаю, если бы нужно было уничтожить этот мост, ваши сорванцы взорвали бы его в два счета, — говорил он, поглядывая на свинцовые, холодно

блестевшие изгибы реки. — Но мост нам необходим целый! Понимаете? Что посоветует товарищ капитан? Вот комиссар батальона, вот командир седьмой роты лейтенант Снегура. Он человек опытный, бывший моряк знаменитой Днепровской флотилии. Может, вместе что-нибудь придумаем, товарищи? А что комсомольцы скажут?

Комсорг седьмой роты Илюша Холодов прищурил голубые с хитринкой глаза. «Дерзнуть, что ли?»

— Поручите нам, комсомольцам, товарищ комбат, — сказал он, и шелковистые щеки его нежно порозовели.

«Говорит, словно о комсомольском поручении, — отметил про себя старший командир. — Эх, возраст, возраст... Ну да, может, это, по их понятию, и есть самое настоящее комсомольское поручение?»

А комсомольский вожак уже что-то соображал. И, видимо, довольный своими мыслями, улыбнулся.

— Пускай чуть стемнеет.

В вышине вспыхивали ослепительные ракеты. На миг ярко освещали спокойную гладь воды, балки моста. На мосту — ни души.

Илюша Холодов и его товарищи залегли у крайних развесистых кустов, ветки которых топорщились, укрывали надежно.

— Двинемся по-пластунски, — тихо произнес комсорг. — Впереди Миша Тарасевич, Толя Греков и Саша Перескок. Гриша Мигуля, Филя Смирный, я и остальные — за вами. Ты, Толя, посильнее нас всех. Нападешь на часового. С кинжалом. Стрелять лишь в крайнем случае. Если что, нас поддержит огнем отряд Снегуры. Все понятно? Ну, поползли!

Они торопливо работали руками и ногами. А тьма такая — в трех шагах друг друга не видно. Небо низкое, забито тучами.

Вот и мост. Малейший стук по настилу — и часовой насторожится. Где только он? При вспышке очередной

ракеты разглядели, что часовой на противоположном конце моста. Ничего себе, верзила! Даже Толе Грекову трудно будет справиться с ним. Ну да весь расчет на неожиданность.

Часовой шел прямо на них. Потом остановился, облокотился на перила — все это ясно видно при свете ракет. Ишь ты, Донцом любуется. Мало ему Рейна и Одера. Кто звал его сюда? Заявился и разбойничает, хаты жжет, детей убивает...

Ага, вон он, пулемет на треноге, и солдат около него. Как это сразу не заметили?

Часовой повернулся и затопал по настилу. Следом за ним поползли комсомольцы. У пулемета немец опустился на колени, будто молиться собрался. Наклонился, как в поклоне. И пошел палить из пулемета. Свинец ехидно запел над головами ребят.

Обезопасив себя стрельбой из «машингевера», немцы притихли возле караульной будки. Нет, они никак не ждали нападения.

Когда начался переполох у немецкой караульной будки, Снегура скомандовал:

— На мост!

Его отряд поспешил на помощь группе Холодова, но те уже сами справились с охраной. Караульные попытались было сопротивляться, да их тоже быстро успокоили.

И двинулись по мосту за отрядом Снегуры машины с красноармейцами. Одна за другой. Впрочем, фашисты опомнились. Мост они уже потеряли. Что им оставалось? Вознамерились поднять его на воздух, кинулись к адской машине. Но Холодов с товарищами опередили их. Взрыв не состоялся.

Заняв здесь плацдарм, части из группы Камкова начали расширять его. Наша 37-я нажала на 17-ю фашистскую армию. А 9-я и 18-я советские армии

продолжали наносить фланговые удары по 1-й танковой Клейста.

56-я армия получила поддержку и, выбрав благоприятный момент, вышибла гитлеровцев из Ростова. Захлопнулись ворота на Кавказ.

А было это в 1941 году, когда Красная Армия только-только набиралась опыта.

3

Отброшенные на запад оккупанты зацепились за берег Миуса. Принялись строить там доты и дзоты, заковывать их в железо и бетон. Лишь бы закрепиться как-нибудь. Тут уж не до зимних квартир в Ростове...

Зима началась обильными снегопадами. Слой снега покрыл взрытую снарядами и минами степь, припудрил кусты и крыши — все выбелил. Только воды Миуса сурово темнели. Отвесные скалы по берегу реки гитлеровцы использовали под огневые точки. Малейший шорох на нашем берегу — и скалы огрызаются злобной пальбой.

Наши войска готовились к броску через Миус. Потому так бурно проходили партийные и комсомольские собрания в полку. Обсуждались предстоящие боевые операции.

Старший лейтенант Иван Григорьевич Блажко приглядывался к течению реки, искал броды. Несколько дней тому назад было резкое потепление, и растаявший снег поднял уровень воды. Глубок Миус, выглядит пугающе неприступным.

«Да, это тебе не песню по нотам разучивать», — подумал о себе, как всегда во втором лице и с некоторой иронией, Иван Григорьевич. До войны был он учителем пения. Школьный хор самозабвенно выводил под его руководством:

Широка страна моя родная!
Много в ней лесов, полей и рек...

Ох, много. Как же вот эту реку преодолеть?

— Понимаешь, броды надо прощупать и поднять в двух местах, — сказал Блажко Васютину, потирая озябшие красные руки. — Танки пойдут.

Надо, так надо. Вооружились оба длинными шестами и полезли в реку. До чего ж холодна водица! Обжигает, словно крапива. Ноги сразу заоченели. зуб на зуб не попадает. А Васютин и без того простуженный — успел накануне насморк схватить. Сейчас его душил кашель, сотрясал тело. Но ведь даже тихонько кашлянуть нельзя, чтобы не вызвать на себя огонь. Приходилось зажимать пальцами нос, закрывать рот рукавом.

Где же тут помельче-то?

Наконец броды разведаны. Теперь предстоит уложить каменный настил, чтобы уменьшить глубину. И тоже без шума. Иначе сорвется намеченная операция.

Камни заготовляли тут же, недалеко от берега. Анатолий Шуклин с группой комсомольцев выковыривал их из мерзлой земли. Конечно, с помощью взрывчатки дело пошло бы веселее, но если уж чихом да кашлем боялись навлечь беду, то о взрыве и не помышляли.

Николай Фурманов, Федор Хилько, Иван Гридасов, Михаил Морозов, Семен Сердюк, Валентин Шибинский, Иван Рыков, Иван Агейчин и Александр Бутырин, образовав живую цепочку, укладывали увесистые камни на дно Миуса. Действовали слаженно. От усиленного движения рук хоть немножко согревались. Но если случалась заминка — начинали дрожать.

Задание выполнили до рассвета. Размечтались, как сбросят мокрую одежду и завалятся спать. Однако до поселка далеко. Когда еще туда попадут.

— Давайте костерок за бугром соорудим, — предложил кто-то. — Малость погреемся.

Ваня Рыков схватился за топор и полез на вербу. Один сук у нее надломленный, должно быть совсем сухой. Хорошо гореть будет. Только рубанул топором по суку, как за рекой всполошились. Ваня так и бултыхнулся в воду вместе с вербой, под самый корень срубленной разорвавшейся немецкой миной.

— Медсестру сюда! — крикнул Толя Шуклин.

Смотрят все и удивляются: Ваня выбрался на скользкий берег целехонек, без единой царапины. Его только оглушило.

Товарищи подхватили Рыкова с обеих сторон и направились было в поселок. Но остановились, потому что из-за укрытия показались краснозвездные танки. Глухо ворча, бронированные машины поползли к реке. Вот застучали гусеницами по каменному настилу, а за танками, как за подвижными бастионами, побежали пехотинцы. Это были старые знакомые, из 99-й дивизии. С ними вместе комсомольцы наступали.

— Здорово, пехота! — приветливо помахал рукавицей Шуклин.

Что там такое? Головной танк на той стороне Миуса остановился — напоролся на мину. Застыли и другие. А вражеская артиллерия уже откликнулась на взрыв. Пехотинцы залегли и начали окапываться.

Наши артиллеристы подкатили к берегу орудия. Во врагов полетели снаряды. Однако это не спасло положения. Как двинется вперед танковая группа и сопровождающие ее пехотинцы, если там, впереди, мины?

— Ну, ребята?

Васютин обвел товарищей взглядом. И тут же, поняв его, Блажко крикнул:

— Добровольцы, за мной!

Сам он первый кинулся в бурлящую воду. За ним остальные. Выбрались на противоположный берег, принялись шарить миноискателями и обыкновенными щупами. Где затаились предательские мины? Рядом с Иваном Григорьевичем — Коля Фурманов. Посмотреть на него — большой ребенок. Щеки, как лепестки свежие. А глаза — глаза уже взрослого человека, пожившего, перестрадавшего. Он настоящий виртуоз — Коля Фурманов. Финским ножом ковыряет мерзлоту, обезвреживает мину за миной так спокойно и просто, будто репки из огородной грядки выдергивает.

Федя Хилько тоже ловко действует. Маленький, да удаленький. Такой холод, а ребятам жарко. Некогда пот смахнуть — спешат.

Фашисты строчат из пулеметов. Дзынь, дзынь... Бух, бух... Ну и симфония! «Не предполагал ты там, в своей школе, что придется слушать такую музыку, — усмехается про себя Блажко. — Вот тебе и до-ре-ми-фа- соль, товарищ учитель».

Упал красноармеец Пискунов: одна пуля пробила ему ногу, другая впилась в бок. А он все к миноискателю тянется. Или боли сгоряча не чувствует? Появилась санитарка, утатила раненого сапера в укрытие.

— Тридцать шестая мина и последняя! — сказал Фурманов, распрямляясь.

Советские танки ожили. Поднялись пехотинцы. Атака возобновилась.

Глава шестая

1

Бои вспыхивали то на одном, то на другом участке Южного фронта. На передовую едва успевали доставлять патроны и снаряды.

Машины с боеприпасами двигались по трассе Лисичанск — Ямы нескончаемым потоком. Казалось, нет такой силы, которая остановила бы его. Но жесткий, сверкающий изморозью брезент вдруг затрепетал, словно легкое покрывало. Началась вьюга. Ветер протяжно выл, пересыпал снег с места на место; обнажались кочки, засыпались колеи, трассу затянуло. Машины буксовали, из-под колес летела снежная каша.

Санитарный автобус с трудом прокладывал себе дорогу. Но вот он прочно застрял в сугробе, и остановилась вся колонна. Хмурые шоферы доставали из кузовов лопаты, крушили снежные барьеры. Да где там! Здесь откопают, тут наметет. Высоки сугробы, как стены, и плотные, будто спрессованные. Моторы машин рокочут, не переставая: заглуши их, потом, после охлаждения, не заведешь в такой кутерьме.

— Сюда бы целый полк! Где же нам справиться! — швырнул бесполезную лопату один из шоферов. — Что делать-то?

Ветер все выл. Скаты тонули в снегу, точно в трясине, — на одну треть, на половину, по самые оси... И ничем не вызволить из проклятого снежного месива. К тому же местность неровная. Где склон, где подъем, на который никак не вскарабкаешься.

И вдруг откуда-то взялся полк. Разогнули спины люди, замерли в изумлении.

В самом деле полк! Двигается пешая колонна. Ритмично покачиваются бойцы в шинелях. И все, как один, — молодые. У каждого винтовка на ремне, в руках саперная лопата.

С левого фланга откалывался взвод за взводом. Полк расчленился, вытянулся вдоль заметенной дороги. И как в атаку, ринулся на снежные заносы.

Саперы орудовали лопатами, будто винтовками в рукопашной, только снежная пыль летела.

Командовал полком Михаил Александрович Насонов. Всего лишь месяц, как стал командиром, а комсомольцам казалось, что он с ними давным-давно. Подойдет, глянет веселым глазом:

— Ну что, юноши?

И юноши заулыбаются в ответ — так уж сумел расположить к себе подчиненных Михаил Александрович. Нет, он не снижал к ним требовательности, не делал скидку на молодость, но этим еще больше подкупал ребят. А если распекал за что-нибудь — никто не обижался.

Сейчас он шагал по трассе, забитой снегом, стройный и стремительный, словно был так же молод, как его питомцы.

— Политрук Бугриев! — окликнул Насонов. — Позовите-ка комсорга Холодова и сами приходите сюда.

Когда подошел Илюша Холодов, командир оглядел его с ног до головы.

— Голубь мой, да ты уши поморозил! А ну, три снегом!

Бугриев принялся помогать Холодову, и скоро уши комсорга запылали огнем.

— Вот так, — удовлетворенно произнес Насонов, потом пошутил: — Знает ли Холодов, как бороться с холодом?

— Больше греться, товарищ командир полка, — не растерялся Илюша. Потряс перед собой лопатой. — С

помощью этого инструмента греться.

— Ишь, ты! Ладно, поговорим серьезно. Как вы, политрук и комсорг, думаете организовать обогрев?

Выслушав их, Михаил Александрович одобрительно кивнул. Передал Бугриеву сводку Совинформбюро.

— Здесь интересное сообщение о боях под Москвой. Просмотрите, а в перерыве расскажите все. Ну, юноши, я пошел.

Ему надо было еще повидать Киселева, Артюшенко, Сашу Лыжина и Колю Пятницкого. Все должны узнать как можно скорее, что немецкие войска под Москвой разгромлены, освобождены Истра, Калуга, Калинин, другие города и поселки. Оккупанты отброшены на сотни километров от родной нашей столицы. Разве можно откладывать такое сообщение на завтра?

Новость передавали по цепочке. Еще проворнее задвигались лопаты — силы словно прибавилось. Шоферы не знали, как и благодарить.

— Спасибо, братишечки!

— Вовек не забудем!

Метель не унималась. Да только где ей людей одолеть? Закончив расчищать стометровку, курносый смешливый красноармеец выкинул на радостях «антраша» — произвел этакое замысловатое движение ногами.

— Молодец, юноша! — похвалил его Насонов, приближаясь. — Как зовут тебя, голубь мой? Откуда будешь?

Молодой боец смутился, опустил колючие ресницы.

— Иван Швец я. Из Днепропетровской области.

— Молодец Иван Швец!

На полковой полуторке Михаил Александрович добрался до третьего батальона. Ребята дули там на озябшие пальцы, а их рукавицы — хоть выжимай. Полы шинели залубенели, совсем не гнулись. Сапоги

пропитались влагой, смерзлись и стучали, как деревянные колодки.

— Закончили свои стометровки? — спросил Насонов.

— Кончили, да что толку? — Рослый боец пожал широкими плечами. — Метет, как из прорвы! Шагов десять прочистишь, а сзади снова гребни повырастали. Придумать бы что-нибудь, товарищ командир!

— Придумаем, товарищ... Как тебя?

— Мазепа. Виктор.

— Придумаем, голузь мой, Виктор Мазепа. А пока скажи-ка, где комбат? Вот на этой машине отправляйтесь отдыхать. Да просушитесь хорошенько!

Семь дней и семь ночей бушевала вьюга. И всю эту неделю комсомольцы сражались со стихией. По очереди обогревались возле печурок, засыпанных антрацитом, набирались тепла и — снова на холод.

Освобождали от снега трассу, чтобы фронт получал боеприпасы бесперебойно.

2

Печка накалилась так, что до нее невозможно было дотронуться, обдавала жаром, но Павел Черкасов и Виктор Мазепа не пересаживались подальше, даже не отодвигались. От шинелей, развешанных на протянутом проводе, шел пар. Ботинки тоже курились. Остро пахло сырой кожей.

Павел вытянул босые ноги, пошевелил пальцами.

— Бумагой поверх портянок обертывать надо, Павло, — заметил Мазепа. — Теплее будет.

— А ведь правильно! — отозвался Черкасов. — Бумага, она тепло сохраняет. Да кроме тетрадки, у меня ничего нет. Израсходую тетрадку, все равно письма писать некому... Мой дом ты знаешь где.

Черкасов немножко кривил душой, когда говорил про письма. Он не переставал надеяться, что придет весточка от Оксаны, дивчины с глазами-васильками. Где сейчас эта девушка? Хотела тоже на фронт пойти... Неужели они для того лишь познакомились, чтоб никогда больше не встретиться? Оксана, Оксана... Откликнись!

Сквозь трещины в чугунной плите печки просвечивал огонь. Бабушка Христина, высохшая, морщинистая, подбросила еще антрацита. Позвонки костлявой ее спины выпирали из-под ситцевой кофты. А голос был певучий, ласковый.

— Грейтесь, милые! Намерзлись там, на юру-то. Ох, война, война! Вот вчера девушка заходила, грелась... Я бы, говорит, тоже воевать пошла. Это что ж такое, бабы, и те воют... А сама-то шкилет-шкилетом, измучилась бедная. Оксаной зовут. До родных добирается...

— Оксаной? — очнулся от своих дум Черкасов. — Бабуся, а какая она из себя?

— Я ж говорю, шкилет один! В дырявом пальто. Ботинки, как у шахтера. Личико махонькое, с кулачок, а глазищи черные... И коса черная...

Нет, не она. Не его Оксана. Да и откуда ей быть здесь? Это ж чудо — если они увидятся. А он, Павел Черкасов, не очень-то верит в чудеса. Отучила война от сказок с их обязательными чудесами.

Бабушка Христина между тем продолжала рассказывать, как шла по открытой степи девушка. Ни бугра, чтоб спрятаться от северного ветра, ни кочки. Чулки на коленках драные — прохудились за дорогу. Щиплет мороз неприкрытую кожу. Повернулась девушка спиной к ветру, так и пошла — спиной вперед. Добралась до жилья, а коленок и не чувствует совсем...

На восьмой день ветер стих. Прояснилось. Но ударили такие лютые морозы, что птицы на лету замерзали, безжизненными комочками падали вниз.

Василий Васютин вышел из теплого помещения. Огляделся, глубоко выдохнул — струя пара изо рта растянулась чуть не на целый метр. В небе — солнце. Вот уж правда: светит, а не греет. Васютин захватил горстью сыпучий снег, подбросил, снежинки сразу вспыхнули разноцветными огоньками.

Полюбовавшись ими, он пошел искать командира роты. В подразделение прибыл комиссар батальона Михаил Иванович Артюшенко. В связи с этим и вызывали Васютина.

Сам Артюшенко стоял рядом с Блажко у железнодорожной насыпи. Разглядывал какую-то девочку, закутанную так, что один носик торчал наружу.

— Откуда ты? — допытывался он у нее.

— Дяденька, да из Гриневки я!

— Она же не близко, твоя Гриневка. И мороз сорок градусов...

— Дяденька, ты мне покажи, кто тут минами ведает.

— Да зачем тебе?

Из вороха шалей послышались всхлипы, носик сморщился.

— Де-ду-сю...

— Ну, ладно, ладно, что с твоим дедушкой?

— Ми-ной...

Блажко и Артюшенко переглянулись.

— Беги домой, девочка, — сказал Блажко. — Пришлем вам в Гриневку красноармейцев с миноискателями. Так и передай своим. Да смотри, сама не наскочи на мину-то, их тут много под снегом. Слышишь? Будь осторожнее.

Повязанная несколькими шальями голова качнулась в знак благодарности, и девчонка ушла.

Тут как раз Николай Фурманов привел отделение минных разведчиков. Доложил.

— Вольно! — скомандовал Блажко. — Слушайте внимательно. Последнее время гитлеровцы хвастаются магнитными минами. Вот и здесь, под снегом, они сидят, может быть. Надо проверить. А как? Ну, кто подскажет?

— Разрешите? — обратился к ротному Васютин. — Там, возле сарайчика, подрезные санки. Если приделать к ним стальные прицепы да потянуть на веревках, магнитные мины прилипнут за милую душу. Уж знать-то о себе дадут, во всяком случае.

Через полчаса Васютин и Фурманов тянули санки за концы длинных веревок по глубокому снежному покрову. Чтобы самим не проваливаться в снег, друзья приспособили, как лыжи, обыкновенные доски. Прикрепленные к санкам крышки дисковых мин служили миноискателями.

Прочесывание не заняло много времени, зато дало верные результаты. Магнитных мин тут не было.

— Приступить к разминированию обычным способом, — дал команду Блажко.

Но на какую глубину поставлены мины? Даже опытные саперы, такие как Федя Хилько и Толя Шуклин, доказывали, что глубже, чем на четверть метра, немцы не засунут заряды.

Положил конец сомнениям Фурманов. Он вонзил в крупно-зернистый снег острую лопату, присел на корточки, стянул перчатки и принялся разгребать льдистую крупицу голыми руками. Нащупал стынувшими пальцами трехрожковую мину, высвободил ее из снега, вставил предохранительную чеку и вырвал из нее «змеиное жало».

Так он обезвредил несколько мин.

— Ты что же, младший сержант, все поле перепахать задумал? — спросил его Артюшенко. — В земле ищешь? А, может, мины только в снегу, на поверхности?

— Нет, товарищ комиссар, — возразил сапер. — Тут и поглубже есть. Притаились жуки усатые... И не в два, а в три яруса... Нажимные мины попеременно с минами натяжного действия. — Он поднес пальцы к губам и начал дуть на них, чтобы хоть немножко согреть.

— А ты молодец! Перчатки-то где?

— В кармане. Одна морока с ними. Голыми-то руками сподручнее: скорее почувствуешь корпус мины, особенно усик проклятый.

— Руки, однако, беречь надо. Пригодятся еще.

Из рассказа командира роты комиссар знал, что Николай Фурманов и Василий Васютин в прошлый раз обезвредили мин столько, сколько хватило бы на целый взвод, и отошел, чтобы не мешать ребятам работать.

Фурманов «гнал траншею» рядом со своим дружкой Васютиным. Они всегда так — негласно соревновались.

Не поворачивая головы, Николай спрашивал:

— Ну как, Василек?

Тот только молча усмехался.

И вдруг взрыв! Болезненно сжалось сердце у Николая. Оглянулся, а там, где только что стоял друг, — широкая воронка. Василий лежит неподвижно, и снег под ним медленно краснеет, пропитывается кровью.

Его унесли на носилках.

Как это могло случиться? Васютин нашел трехрожковую мину, хотел смахнуть с нее снег, прилипший к железному корпусу. Все, как всегда. Впрочем, нет, не все: впопыхах забыл, оказывается, вставить предохранительную чеку. Зацепил волосок — и взрыв.

Взволнованные ребята переговаривались между собой. Кто-то высказал предположение, что комсорг машинально отбросил мину после щелчка. В тот момент она и взорвалась. Иначе, удержи он ее — разнесла бы в клочья.

— Не мог он отбросить! — возражал Фурманов, едва сдерживая слезы. — Никогда бы он этого не сделал, потому что товарищи рядом... Мина сама отпрыгнула! Ведь когда такую мину зацепишь за усик, раздаётся хлопок вышибного заряда. Вылетев из-под снега, она рвется на высоте двух метров! Так что вышибной заряд отбросил мину...

Он пошел к командиру полка Насонову и сказал, что обязуется выполнять задание за двоих: за себя и за Василька. То, что положено сделать другу, просил поручить ему, Фурманову. И не было сейчас в его лице ничего мальчишеского, даже щеки словно увяли. Голос, всегда такой звонкий, срывался:

— Полк потерял лучшего минера...

— Почему же потерял, голубь мой? — спросил строго Михаил Александрович. — Васютин еще вернется к нам!

Тогда впервые за эти дни Коля Фурманов улыбнулся. На щеках опять появились ямочки.

4

Комиссаром полка стал Михаил Ильич Демин.

Он следил за действиями добровольческого комсомольского полка со дня его образования. О молодых бойцах много писали во фронтовых, армейских и дивизионных газетах. Когда Демин в феврале 1942 года вызвали в Политуправление Южного фронта и предложили пойти в 38-й полк, он согласился, ни минуты не колеблясь. Помощник начальника политуправления по комсомольской работе старший батальонный комиссар Владимир Дмитриевич Щербатых представил его бригадному комиссару Леониду Ильичу Брежневу, заместителю начальника политуправления фронта. Обговорили все вместе, и вот Демин в полку.

На первом партийном собрании в Серебрянке к нему внимательно присматривались. Говорит неторопливо, убедительно, будто учитель на уроке. Да только больно уж молод этот учитель — на вид никак не старше «учеников»... Двойные «шпалы» в петлицах, красные звездочки на рукавах. И такой здоровый густой румянец.

— Мы должны больше думать об оперативности информации, — обращался к коммунистам Михаил Ильич, и сам, в свою очередь, незаметно изучал их. — Скажем, совершил воин подвиг. Надо тут же, немедленно организовать все так, чтобы об этом узнали остальные. Выпустить боевые листки, провести беседы с бойцами. Одно дело, когда они узнают о храбрости людей, пусть вполне достойных, но незнакомых им, другое — когда герой рядом, это твой товарищ, с которым вместе спишь, ешь. Смотрите, сколько у нас отважных ребят! Не бойтесь хвалить их, они все время рядом со смертью ходят. Такие не зазнаются.

В полку росло число желающих наведаться в тыл врага. И первым всегда рвался туда Федя Зайченко. Тот самый, которого не хотели принимать в полк из-за малого росточка. Напереживался он тогда. А когда наконец приняли почтальоном, стал носить письма товарищам на передовую. Письмо на фронте — всегда радость. Не терпится потрогать его, вскрыть конверт.

Зайченко спрячет письмо и требует:

— Покажи, как мину снаряжать, тогда отдам.

Чего только не сделаешь ради долгожданной весточки! Так и обучился упрямый и пытливый Зайчонок профессии сапера. Уже ходил вместе с другими на задание, участвовал в сражениях.

На этот раз он шел один.

Гитлеровское командование готовило новое крупное наступление на юге страны. По донесениям разведки, в лесах у Славянска немцы сосредоточили много танков.

Надо было засылать саперов в тыл противника, чтобы вывести из строя как можно больше техники.

...Днем пригревало. Снег подтаял, сделался ноздреватым, покрылся сверху хрусткой прозрачной корочкой. Она обламывалась сама собой, а кое-где даже скопилась вода. К концу дня все замерзло.

Небольшой человек в маскхалате перевалил через бруствер и скрылся в сумерках. Это был Федя Зайченко, обвешанный смертоносным грузом. Двигался он как-то боком, неуклюже, оттого что мешала ноша. Кристаллики льда дробились под коленками. Руки и ноги цепенели. Немного передохнув, Федя поднялся со смерзшегося комками снега и только шагнул, как поблизости ударил пулемет, застрекотал.

Зайченко прижался к земле. Хоть колючая, скользкая, а все опора. Слиться с ней воедино, чтобы не обнаружил враг. От одного предположения, что его заметили, Федю бросило в жар. Жутковато стало. Но он представил, как укоризненно смотрит на него командир полка Насонов, а друзья усмеваются: «Эх, Зайчонок, Зайчонок...» — и тут же встрепенулся.

«Что это я? — забеспокоился Федя Зайченко. — Неужто и в самом деле у меня душа заячья?» И пополз вперед, не прислушиваясь больше к трескотне пулемета. Свернул на тропку, присел под деревом. «Ну вот я и в тылу», — вздохнул он с облегчением, словно тыл был наш, а не вражеский. Самое опасное только начиналось.

Федя спрятал маскхалат в сумку и, теперь уже не таясь, зашагал к поселку, который виднелся вдали. Если встретятся немцы, скажет, что местный житель, может, и отвяжутся. Он нарочно успокаивал себя. Ведь в случае чего груз сразу бы выдал его...

Перед поселком кустарник, а там кто-то бродит — ветки трещат. Насторожился Федя. И тут прямо на него вышла девчушка. Вся в тряпье. Сушняк собирает.

Уставились они друг на друга и так стояли некоторое время, не двигаясь. Потом лицо девчушки осветилось улыбкой. Уж как она признала в нем советского воина, одной ей ведомо, только хитро посмотрела на его телогрейку и махнула залатанной варежкой в сторону передовой.

— Ты оттуда ведь? — вытянула из кармана кусок пресной лепешки, доверчиво протянула. — На, сама пекла. Пойдем в хату, обогреемся.

Он молчал. Ей, видно, довольно было того, что она говорила за двоих. Задавала вопросы и сама отвечала на них, да с такой чисто женской заботливостью, будто не девочка-подросток, а умудренная жизненным опытом хозяйка.

— Чаю горячего попить хочешь? Хочешь. Немцев туточки нема, ты не сомневайся. Продрог ведь? Конечно, нос вон красный... Немцы-то все, слава богу, в городе.

Он пошел за ней.

— Светлана, ты с кем там? — выглянула из хаты женщина.

— То мамка моя, — с готовностью объяснила Светлана Феде. — Ты иди, иди. Ведь отдохнуть-то надо?

Мать, в отличие от дочери, говорила мало. Лишь спросила:

— В город?

Федя кивнул. Пока он пил чай, Светлана подробно рассказала, как лучше пройти в город, чтобы не попасться на глаза фашистам. «Туточки овражек, там балочка».

В степи он снова натянул на себя маскхалат. Приближаясь к городу, еще издали заметил множество машин. Танки, самоходки, накрытые брезентом. Часовых не видно. Лишь по хрусту снега определил, что они прохаживаются где-то рядом.

Изучив на слух их маршрут, обернул ботинки тряпками, чтобы не скрипели, и пополз вперед.

Прикинул взглядом: «Вот здесь одну мину поставлю и тут, и там». Проковырял финским ножом отверстие в мерзлом грунте и уложил туда мину с детонатором. Дальше пополз. Еще одну закопал. Достал третью. И вдруг совсем близко послышались шаги. А мина лежит, не замаскированная снегом. «Заметят черное пятно на белом фоне — тогда все пропало. И остальные найдут, размаскируют», — в одно мгновение пронеслась в голове эта мысль, а в следующее Зайченко плюхнулся на мину животом, прикрыл предательское пятно. Вовремя. Потому что мимо протопал наряд гитлеровцев.

Замела поземка. Федя продолжал возиться в снегу. Его как будто лихорадило: то мерз, то становилось жарко. Начиналась метель. словно белым саваном прикрывала все вокруг.

На третий день он вернулся в часть. В полдень его пригласил к себе командир полка, горячо пожал руку. Комиссар преподнес подарок. Думал — обрадуется парень.

А тот вежливенько так поблагодарил и сказал:

— Вы извините, но подарок мне — что конфетка ребенку. Хоть сладко, да толку мало. Вы лучше примите от меня вот это. — И подал аккуратно сложенный листок.

— Заявление в партию? — Брови Демина удивленно поползли вверх. — Рановато же, Федя. Тебе ведь шестнадцать лет...

— Шестнадцать лет и пять месяцев, — уточнил паренек.

— Мало.

— Почему мало? — обиделся Федя. — Вы же сами говорили: «Неважно, сколько лет человеку, важно, как воюет». Я хочу воевать коммунистом. Вы должны помочь мне!

— Ладно, разберем на бюро.

Феде Зайченко отказали на бюро. Не его ли чувства выразил поэт Илья Френкель в своих стихах:

Он еще и щек своих не брил —
Между прочим, пятерых убил.
Он еще девчонок не любил —
Пятерых фашистов застрелил.
В партию не приняли его,
Плакал он — обидно до чего!
Плакал он, решение узнав,
Что же делать — не велит Устав...

Впрочем, Федя знал, что делать. И те, которые считали: попереживает да и смирится, явно недооценивали молодого бойца. Ведь сталкивались уже с его упорством... Парень так долго осаждал комиссара Демина, что тот обратился в политуправление фронта. Там разрешили принять Зайченко в партию в порядке исключения из общего правила.

Так семнадцатилетний комсомолец Федор Зайченко стал кандидатом в члены партии.

Глава седьмая

1

Высокий белый потолок, белые-белые стены... Василий Васютин смежил веки. Долго силился понять: где он? Наконец сообразил. Да в госпитале же! Припомнил злополучную мину с тонюсенькими рожками. Как выпрыгнула из рук, как взорвалась. Дальше — провал в памяти.

Когда стал поправляться, узнал, что привезли его сюда обескровленного, совсем слабого. Врачи дали ему свою кровь. И медсестра, тихая белокурая Мария, — тоже.

Двигалась она по палате неслышно. Вот опять склонилась над ним, а когда подошла, он и не заметил, хотя на слух никогда не жаловался.

— В разведчицы бы тебе, Машенька.

Девушка робко улыбнулась его попытке шутить, поправила сбившееся одеяло. Легки и приятны были ее прикосновения. Словно сестра родная хлопотала. Полежать бы тут еще, окрепнуть как следует.

— Машенька, ты здесь?

— Здесь, здесь, ты отдыхай.

Но отдыхать не пришлось. Какой уж отдых, если немцы готовятся к наступлению на юге? Больше всего на свете Васютин боялся отстать от родного полка. Уйдут однополчане. Да как же он без них? Как они без него? Пошел к начальнику госпиталя.

— Прошу меня выписать.

— Вам лечиться нужно!

— Прошу выписать, я почти здоров.

Воспротивился не только начальник госпиталя, но и лечащий врач. Врач особенно расстроился, все протирал

очки платочком.

— Не бережет себя молодежь...

Василий продолжал настаивать на своем. И его выписали с условием дать расписку, что долечится в полковой санчасти.

— Прощай, Машенька!

Мимо полковой санчасти он промчался, не останавливаясь. Прямым ходом — к Ивану Григорьевичу Блажке. Тот стал уже капитаном, командовал батальоном.

— Помощь пришла! — воскликнул он при виде комсорга четвертой роты. — А тут ребята все уши прожужжали, про тебя спрашивают.

— Где они?

— На Донце. Мостами занимаются. Но ты не спеши, неважно еще выглядишь...

Где там «не спеши»! В штабе, что ли, сидеть? На следующий же день Василий Васютин был среди товарищей. Одна рука на перевязи, но другая-то действует. Зашибет больную руку, стиснет зубы — никто и не заметит, что ему больно.

— Где же Николай? — беспокоился Васютин. — Уж не случилось ли с ним чего?

— Все в порядке с твоим другом, — отвечал Латышев. — В Ямах он, особое задание выполняет.

Васютин не стал дожидаться возвращения Фурманова. Сам к нему направился. Шутка ли — сколько не виделись!

Коля Фурманов прислушивался к миноискателю: не запищит ли умный прибор. За спиной осторожные шаги. Кто бы это мог быть? Посмотрел и глазам не поверил.

— Василек! Неужели ты?

— Я, Коля, я.

Обнялись по-братски. Потом отстранились, стали разглядывать один другого.

— Э, похудел-то как, Василек!

— Ничего, были б кости, мясо нарастет.

Тут какая-то старушка появилась. В тулупчике, в валенках.

— Сыночки, загляните до нас! Фашист мину заховал, скотина-то боится. Ой, лышанько мое...

Пошли следом за старушкой в дырявый хлев. В переднем углу — тощая коровенка на короткой привязи. Ее не спускали с поводка: как бы ни наскочила на мину. Васютин пошарил по углам — ничего. Приблизил инструмент к буренке, та задрожала в испуге. И вдруг: «пи-ик!»

Фурманов принялся разгребать теплый навоз. Отыскал мину, вывинтил взрыватель.

— Отвязывайте корову, — сказал он хозяйке. — Больше бояться нечего.

— Сыночки, да какое ж спасибо вам...

Она пригласила их отведать молока, густого, с пенкой. Неказистая вроде коровенка, а молоко вон какое вкусное. Пили бы да пили. С тех пор друзья стали желанными гостями в этом доме. Оставляли у хозяйки свои вещи на время. Однажды сложили в сених кучку обезвреженных находок, прикрыли кошелкой. А несколько брусочков тола забыли на скамейке. В тот вечер старушка лукаво улыбалась им.

— Давненько я бельишко не стирала...

— Может, мы мешаем, бабуля? — спросил Фурманов.

— Что вы! Нисколечко! Не ругайтесь только: я пару кусочков мыла взяла у вас... Тут на скамейке были. Сунула в печурку просушить...

— Бабуля, то ж не мыло, а взрывчатка, — с напускной строгостью сказал Васютин. — От нее ж танки немецкие пополам рвутся!

Услышав страшные слова, старушка с неожиданной живостью вскочила на приступок. Сгребла в тряпку толстые брусочки, похожие на мыло, и закричала.

— Ой, лышанько мое! Скорее берите ваши бомбы, сыночки! Не то хата моя разорвется!

— Не пугайтесь, бабуля, — успокоил ее Фурманов, забирая бруски. — Теперь они не кусаются. Видите: зубки мы у них повырывали?

2

Василия Васютина и Николая Фурманова вызвали на КП. По дороге они наговорились, как меду напились. Вспомнили школьные годы, разные мальчишеские проделки, без которых не обходится ни одно детство.

Когда постучали и зашли, комиссар полка поднялся из-за стола им навстречу.

— Фурманова знаю, а это... Васютин? Комсорг четвертой, знакомьтесь, Леопольд!

— Кушкис, — назвал себя крепкий чернявый парень. Пожал руки Васютину и Фурманову. — Как самочувствие, товарищ Васютин?

— Спасибо, хорошо.

Демин, поглядывая на смуглого рижанина, объяснял ребятам:

— Политуправление о нас позаботилось. Прислало комсоргом опытного вожака молодежи, закаленного фронтовика. Товарищ Кушкис прибыл к нам из гаубичного полка. Номер части тот же, только без нуля. К тому же фуражка артиллериста похожа на головной убор сапера. Не так ли? Там снаряды, тут мины — лишь бы фрицы показывали спины...

Кушкис не успел сменить форму, зато сумел побывать в каждом подразделении, поговорил с комсомольцами, познакомился с активом. Люди в полку ему понравились: энергичные, задорные, отважные до дерзости.

— Я слышал о вас много лестного, — сказал Васютину и Фурманову Леопольд Денисович.

— Еще бы! — засмеялся довольный комиссар. — Они же вдвоем снимают мин больше, чем целый взвод! — Он торжествующе посмотрел на Кушкиса. Новый комсорг полка ему нравился, и потому настроение было отличным. — Ну, теперь к Михаилу Александровичу.

Все четверо направились к Насонову.

— Здравствуйте, здравствуйте, голуби мои! — приветливо закивал тот. — Выздоровел, значит, Васютин?

— Все в порядке, товарищ май... Ох, извините, товарищ подполковник.

— Вот сколько нового у нас, — заметил Демин.

Командир полка вызвал их, чтобы сообщить: нужны добровольцы для сопровождения в тыл противника группы армейской разведки. Предстоит пробираться через минные поля — свои и немецкие. Опасный маршрут. Так что следует основательно подумать, прежде чем согласиться...

— О чем говорить? Мы готовы, — заверил Коля Фурманов.

Василий Васютин поддержал его.

Насонов развернул на столе топографическую карту, испещренную цветными знаками. Впятером склонились над ней. И тут появился шестой. В отглаженном костюмчике с продолговатой, клинышком, бородкой — сугубо штатское лицо, смахивает на ученого. Но походка моряцкая, вразвалку. Подошел к столу и с независимым видом опустился на скрипнувшую жалобно табуретку. Оказывается — старший группы разведчиков.

Командир полка отрекомендовал ему проводников — Фурманова и Васютина. Гость подскочил, будто на него ушат холодной воды выплеснули, растерянно заморгал. Когда немного успокоился, тревожно спросил, машинально поглаживая клинышек бородки:

— Такие молодые?!

— Пусть вас это не смущает, — ответил Насонов. — Конечно, не успели хлопцы возмужать, зато они — настоящие мастера своего дела. Сами убедитесь.

— Мда-а...

На машине добрались до станции Яма, где проводников ожидали с нетерпением. Люди в штатском томились под акациями, вяло перебрасывались репликами. Они все разом замолчали, тоже ошарашенные, при виде юных саперов. Старший, тот, с бородкой, стыдливо прятал глаза, чтобы не встретиться взглядом с кем-нибудь из своих.

— Видали, кого подкинули? — заворчал коренастый усач. — Безусых! На пути — минный питомник, а вместо провожатых детсадники...

— У них весь полк такой... Безусый! — выдавил из себя смешок какой-то остряк-самоучка.

— Хватит, черт побери, — взвился старший, злой на всех на свете. — Отрастили, понимаешь, усы...

Не очень-то уютно чувствовали себя среди этих людей Василий Васютин и Коля Фурманов, особенно последний, и так страдающий излишней застенчивостью. Однако надо приниматься за дело. Ребята настроили миноискатели. Привычными жестами надели на голову наушники, защелкали тумблерами добавочного сопротивления. Потом доложили старшему о готовности.

— Пошли! — скомандовал тот.

3

Воздух пропах сыростью. Под ногами сочилось и хлюпало в ямках. Широкая лощина, по которой саперы вели разведчиков, простиралась на юго-запад. Растрепанные пучки прошлогодней, словно жеваной

травы, редкие кустики, бугорки — везде могли таиться мины. Тем более, что ничего этого на расстоянии не видно. Долина чернела, как бездонная пропасть. Лишь местами выделялись белыми овчинками еще не растаявшие кучки снега. Вся надежда на слух — нужно уловить тончайшие сигналы прибора. А когда ухают минометы, как их уловишь?

Впереди шел Василий Васютин. За ним, уступом, Николай Фурманов. Потом старший, усач и остальные, след в след, насколько это можно было во тьме. Шагнешь чуть в сторону — и все, конец. Сам пропадешь и группу выдашь.

С ближайшего пригорка застрекотал пулемет. Рядом защелкали пули. Но это посторонние звуки, из-за них отвлекаться нельзя. Вот и знакомый писк. Васютин наклонился: своя. Не тронул ее. Пропустил Фурманова и следующих за ним людей и только тогда двинулся сам.

Слева полоснула ракета. Брызнул ослепительный фиолетовый свет. Люди оцепенели. А Фурманов присел на корточки, приговаривая:

— Эва! Явно неприятельская мина! С усиками. Зацепишься — выпрыгнет и разорвет.

— Черт бы побрал эти усики, — пробормотал старший разведгруппы с расчетом, чтоб услышал усач. Он уже оценил молодых саперов и теперь чувствовал себя неважно оттого, что сомневался в них.

Усач намек понял, но промолчал. Чего там — стоящие ребята. Ну, ошибся он, с кем не бывает?

— Оставляй такую мину рискованно, — начал объяснять Васютин старшему. — Если взорвать — привлечем внимание противника.

Финским ножом Фурманов стал подрубать ледок на поверхности. Счистил с корпуса землю. Ощупал взрыватель. Точно такая мина щелкнула однажды между коленями друга. Еле отлежался... Вставил

Фурманов предохранительную чеку, считает взрыватели:

— Один, два, три...

— На, платок, — предложил Васютин, — смахни пот со лба.

Разведчики терпеливо ждали, сидя на корточках.

— Ну, что там у них?

— Ничего, разряжают!

— А скоро ли?

— Это уж они сами знают.

Пошли дальше. Старший и усач, помирившись во время вынужденного отдыха, тихо переговаривались.

— Меня дрожь пробирала, когда они с усатой миной копались, — признавался усач. — Вот ребята!

— Ну и руки у них! — вторил ему старший. — И ведь не дрожат, а?

Наконец саперы и разведчики за спиной у противника. И не хочется им думать сейчас, что через два дня предстоит обратный путь, не легче, а, может, и потруднее сегодняшнего.

4

Поблизости загромыхали снаряды. Иван Григорьевич Блажко потянулся на лавке, встал, накинул на зябнувшие плечи грубошерстную шинель. На столе коптила всю лампа, стекло потемнело от сажи. Чайник еще был теплый — значит, недолго спал. Ничего, голова уже свежая. Блажко прикрутил фитиль, отодвинул папиросы и прислушался к голосам Артюшенко и Кушкиса. Вот ведь заговорились. И за лампой не уследили.

— Надо, Михаил, принимать и остальных ребят в комсомол, — убеждал комсорг полка. — Как же так? Их

товарищи — комсомольцы, а они еще нет. Обидно им. Достойны же!

— Конечно, достойны, Леопольд. Да не успеваем! А тут еще случай с комсоргом. Ведь при смерти был Васютин...

— Учтите, нам, кроме того, придется заняться рекомендациями в партию. В каждой роте у нас будет не два-три коммуниста, а двадцать пять — тридцать. Полнокровная парторганизация! Представляете, какая сила?

— Мы уже оформили документы на Дмитрия Багно, Илью Харитонову, Василия Васютина...

— А как с перепиской?

— Плохо. Многие вообще не получают писем. Ни от родных, ни от друзей. Все из-за оккупации. А ребята скучают, сами понимаете.

— О переписке был разговор в политуправлении. Надо бы установить письменную связь с тружениками тыла. Мы уже написали в Ворошиловград, в Грузию. Центральный комитет комсомола Украины поможет нам. Да и ЦК ВЛКСМ. Свяжут с разными городами и селами. Молодые рабочие ворошиловградского завода имени Октябрьской революции обещают прислать к нам свою делегацию. Ничего, все наладится постепенно. Нужно ворошиловградцев как следует встретить.

— Постараемся, Леопольд. То ж мои земляки! Я сам там слесарем работал.

— Вот и встретитесь с земляками.

Блажко подсел к Кушкису и Артюшенко. Пригляделся к их запавшим, сухо блестящим глазам. Носы и те одинаково обострились, на щеках — тени.

— Да вы никак за всю ночь ничуть не поспали? — спросил он. — Надо же хоть немножко отдохнуть, товарищи!

— Где тут уснуть, гремит поминутно, — отозвался комсорг полка. — Затишье называется.

— А меня и не тянет что-то, — сказал комиссар батальона и потер виски. — Бессонница.

Блажко прошелся по комнате. Прислушался.

— Наверно, наши хлопцы фрицев растревожили. Ведь в такое время обычно спят, как сурки. Взгляну: не идут ли наши проводники. Что-то долго их нет.

Решили все трое глотнуть на улице свежего воздуха. Выбрали удобное место, стали по очереди смотреть в бинокль. Но комбат не любил долго стоять в одной позе. Ему все хотелось двигаться, действовать. И скоро он заявил:

— Холодно что-то, а? Пойду готовиться к занятиям по изучению трофейных мин.

— Новые образцы получили? — поинтересовался Кушкис.

— Нет пока. Приходится изучать по описанию.

Возвратясь в хату, Иван Григорьевич Блажко сел за стол. Придвинул поближе лампу, раскрыл книжонку. Нашел страницу, где говорилось о трофейных минах. Совсем мало сказано о новых, прямо с мизинчик. Он попытался читать, но мешало беспокойство за Колю Фурманова и Васю Васютина. Где они сейчас?

И тут в окно стукнули. Он выскочил из хаты. Глянул на смутные фигуры, двигавшиеся на него из темноты. Обрадовался:

— Они! Что-то несут... Неужели ранили кого? Часовой, позови санинструктора!

Но вот уже ребят совсем ясно видно. В руках у Васютина — ручной пулемет «МГ-36». На спине Фурманова — тяжелый груз в немецком маскхалате.

— «Машингевер»! — поразился Блажко. — Где взяли?

— На обратном пути подобрали, товарищ комбат, — пояснил Фурманов.

— Как это «подобрали»? Валялся, что ли?

— Сначала из него фриц палил вон с той высоты, — указал Васютин. — Выползет из укрытия и поливает

свинцом справа налево. Отстреляется и опять на карачках в берлогу. Замучил! На обратном пути мы его подкараулили, подсунули минку-«сюрприз». Только вылез — она и ахнула.

Кушкис помог затащить в хату фурмановский груз. Развернул маскхалат, пожал плечами. Но Блажко так и возликовал:

— Да вы знаете, Леопольд, что это такое? Мины новейшего образца! Те, которые нам нужны позарез, последний образец! Их же противник в секрете держал! Ну, молодцы, раздобыли все-таки.

Василий Васютин и Николай Фурманов улыбались.

— Ай да ребятки, дайте обниму вас! — никак не мог успокоиться комбат.

Васютин вдруг вскинул руку и отрапортовал:

— Товарищ капитан, задание командования выполнено!

Через несколько дней обоим саперов наградили орденами Красной Звезды.

Глава восьмая

1

Рай-Александровка растянулась вдоль ручья километров на десять. Сюда и прибыл Юрасов.

В начале марта части 218-й стрелковой дивизии выбили оккупантов из насиженных мест. Сразу здесь обосновались КП дивизии, госпиталь, все тылы. Когда же гитлеровцы предприняли контратаку, тылы начали спешно эвакуироваться. Машины карабкались на северную возвышенность, буксовали, потому что днем пригрело, снег расплавился, и дороги развезло. Моторы ревели, но колеса прокручивались вхолостую.

А тут в атаку двинулись фашистские танки.

Шестьсот шестьдесят седьмой стрелковый под командованием Петра Тимакова держался стойко. Одна за другой вражеские машины выходили из строя. Капитан Телухин командовал:

— Бронебойщик Пашенцев! По левому — огонь!

Юрасов — представитель дивизионной газеты, корреспондент фронтовой «Во славу Родины» — стоял с фотографом возле истребителей танков. Они фотографировали.

Через несколько дней Юрасов Иван Петрович заменил в бою выбывшего из строя комиссара дивизионной разведки, а потом предстал перед начальником политотдела Власовым.

— Ну, газетчик-разведчик, — сказал тот. — Тебя отзывают в политуправление. Как бывший комсомольский работник назначен ты комиссаром батальона комсомольского полка.

И вот опять Юрасов в Рай-Александровке, но уже не пишет статьи о комсомольцах, а вместе с ними минирует

подступы к рубежу обороны.

Первый батальон получил приказ перейти на участок 295-й стрелковой дивизии. Майор Белоконь проинструктировал командиров, разъяснил, кому, где и когда быть. Сам отправился по морозцу с первой ротой, а заместителю и комиссару батальона назначил срок — через час выходить.

В низине скопился снег. Лежал грязноватыми пластами и медленно таял. С утра его льдистая корка хрустела под ногами, как раздавленное стекло. Под лучами солнца слабела, сама ломалась. Люди увязали в мокром снегу.

Пришлось направить колонны на возвышенность, где снег уже стаял и земля слегка подсохла. Но здесь была новая беда — могла достать вражеская артиллерия.

Замкомбата Ивахненко поручил красноармейцу Мартынову наблюдать за головным дозором и впереди лежащей местностью. Парень рослый, далеко видит. В случае чего — предупредит.

— Товарищ лейтенант, водная преграда, — доложил через полчаса Мартынов. — Приготовьтесь плавать.

Он стоял возле замкомбата, возвышаясь над ним чуть не на голову.

— Ты, брат, первым у меня поплывешь, — пообещал Ивахненко.

— Да я что? С моими сапогами запросто. Как вот вы с вашими маломерками? Сапожки-то у вас игрушечные...

В самом деле, ведь большинство бойцов — в ботинках. А озерцо на пути внушительных-таки размеров. Первыми ступили в него высокие саперы в длинных сапогах. Ничего, идти можно. Правда, сам Ивахненко зачерпнул воды голенищами. Заметил это Мартынов и встревожился.

— Давайте, товарищ лейтенант, на закорки ко мне!

— Ничего, Сашок, доберемся. Вот только бы из-за бугра не ударили. А то очень уж не хочется в воду

ложиться.

Он словно предчувствовал: снаряды врага стали падать совсем близко. Хорошо хоть сзади. Они и подгоняли людей. Все бросились в воду, не разбирая уже, кто во что обут. Озерцо преодолели быстро.

Выбравшись на сухое место, Мартынов остановился, не сводя глаз со своего левого носка, шевельнул в недоумении черными бровями.

— Как сапоги? — спросил Юрасов.

— Немного того... Пропускают аш два о.

— Мои тоже пропускают и выпускают, — улыбнулся Юрасов. — По воде идешь — наберешь ее, согреется она в сапогах. На сухое выйдешь — теплую выпустишь. Снова в воду — и снова холодную набираешь. Вот такой круговорот получается.

Началась непролазная грязь. Одну ногу вытащишь, вторая застревает. Сапоги тяжеленные, налипло на них — не поднимешь сразу. Вышли на лед Бахмутки. За рекой село. Вот бы где обогреться! Но что такое? Пригляделись внимательнее, а из окон вместо стекол пучки соломы торчат, затычки тряпичные. Тут и там закопченные трубы, вовсе без стен и без крыши. Но из страшных этих труб дымок вьется. Значит, живы хозяева.

2

Одна рота остановилась на окраине. Целая хатка, плетень и тот нетронутый — загораживает ее со всех сторон. Шагнул Саша Мартынов на крыльцо, а из двери навстречу ему — женщина.

— Окаянные! Окаянные!

Заслонила руками как от удара. Растрепанные волосы по плечам разметались, глаза безумные.

— Окаянные!

И скрылась в саду. Что делать? Бойцы стояли, переглядывались, с ноги на ногу переминались, пока женщину не привела худенькая черноглазая девушка с удивительной белой косой.

— Что вы, тетя Варя, что вы! Это же свои, — уговаривала она ее. Та дрожала и льнула к ней. А девушка все кивала бойцам, кивала.

— Кто так напугал? — спросил Юрасов девушку.

— Фашисты проклятые, кто же еще! Сына у нее убили, ну и помутился рассудок...

Оксана — так звали девушку — видела все это своими глазами. Она пришла сюда, в Звоновку, после долгих странствий в тылу противника. До своих отсюда — рукой подать. Но ее уговорили задержаться — враги отступают, может, и родное село скоро будет свободным. Там отец с матерью...

Хозяйка, у которой переночевала Оксана, сказала ей:

— Ишь ведь как ты оголодала, косточки одни. Пережди у меня. В тесноте, да не в обиде. Лишь бы обидчики обошли стороной.

И девушка осталась.

Сын хозяйки, ласковый мальчик с легкими, как пух, волосами, быстро привязался к квартирантке. Показал ей звездочку, подаренную красноармейцами.

Когда нашим пришлось уходить из деревни, сержант, квартировавший у них, оставил на память эту звездочку. Он очень волновался, даже шрам у виска порозовел. «Мы, Тарасик, обязательно вернемся. Ты жди нас, слышишь? А звездочку спрячь пока». Тарасик, в свою очередь, протянул сержанту свой пионерский галстук: «Возьмите». Но сержант только бережно подержал галстук в руках и вернул. «Сохрани его до нашего возвращения, ладно? Тоже спрячь. Потом дашь мне, и я донесу его до самого Берлина».

Однажды Тарасик проснулся от близкого выстрела.

— Мама! — позвал он, свесившись с печки. Но матери и квартирантки дома не было — ушли на другой край деревни муки занять.

А во дворе уже хозяйничали немцы. Там кудахтали куры, не переставая, визжал поросенок. Шарик не лаял — его-то, видно, и пристрелили в тот момент, когда Тарасик пробудился.

Только он спрыгнул с печки, как в хату стремительно вошел немецкий офицер. Видно, успел обыскать чулан и сейчас разворачивал сверток, где лежали звездочка и галстук. Полыхнул красный шелк.

— О, ты есть пионер! — ткнул в Тарасика галстуком офицер.

— Да, — тихо сказал мальчик.

— А это? Чья есть звезда?

Тарасик молчал.

— Ну?

Офицер примерился и ловко ударил его по щеке.

— Где есть русский зольдат?

Тарасик сжал зубы. Не моргая, глядел в светлые холодные глаза немца.

Тот остервенел. Принялся хлестать его без передышки. Потом вытолкнул во двор. Там немецкие солдаты подхватили Тарасика и поволокли по снегу к реке. Поставили перед прорубью на холодном ветру.

— Где есть русский зольдат?

Босые ноги примерзли ко льду. Горели, словно стоял на раскаленных углях. От порывистого ветра вздрагивала темная вода в проруби. Вздрагивало и тело Тарасика. Но внутри у него словно все закаменело. Должно быть, тяжел был его детский взгляд, потому что офицер вдруг закричал:

— Не смотреть!

И тронул кабуру. По знаку офицера два солдата схватили мальчика за локти, оторвали от обжигающего

льда и стали медленно опускаться в ледяную воду. По колени, по пояс, по горло...

На берегу собралась толпа. На нее наступал солдат с автоматом, разгонял. Местные жители пятились, но не расходились. И тут в толпу ворвалась мать Тарасика. Предчувствуя недоброе, еще не совсем понимая, что происходит, она содрала с головы платок и закричала:

— Спасите, люди!

Солдат толкнул ее автоматом, и она упала. Оксана подняла обезумевшую женщину. Обе увидели, что в прорубь толкают не кого-нибудь, а Тарасика. Опустят — поднимут, опустят — поднимут.

Нечеловеческий, протяжный и дикий вопль заставил людей содрогнуться. Кто бы мог подумать, что так кричит женщина? Но эта женщина была мать, у нее отнимали сына. И она поползла по снегу к проруби.

— Сынок!

Оксана бросилась за ней. Солдат поднял автомат и деловито, будто соизмеряя силы, стукнул по голове одну, затем другую. Обе потеряли сознание.

А зачоченевшего Тарасика снова опустили в прорубь и больше не подняли. Когда он вынырнул, вцепившись пальцами в острый край льдины, офицер каблуком изящного сапога наступил на израненные пальцы.

Тарасик утонул.

Мать его сошла с ума.

Черная коса восемнадцатилетней Оксаны стала белой.

3

Подразделения двигались к передней линии нашей обороны. Справа и слева рвались мины, осколки вонзались в землю вокруг людей. Люди падали и опять поднимались. Отсюда, из этих мест, птицы улетели,

звери убежали, а бойцы Красной Армии не имели права уйти. Они стояли насмерть.

Саперы помогали пехотинцам углубить и благоустроить окопы, где люди находились до утра. Утром здесь появились комбат с комиссаром. За ночь они побывали во всех подразделениях и ничего — убереглись. Действительно, «смелого пуля боится, смелого штык не берет».

— Наши танки пойдут на разведку, — сказал Белоконь командиру третьей роты. — Подготовьте саперов для их сопровождения.

Из лощины выкатились камуфлированные КВ. Остановились на опушке перелеска. Белоконь переговорил с командиром танкистов и подал знак на посадку. Боевые машины взревели, заскрипели гусеницами и помчались к Липовке, захваченной немцами.

Командир первого батальона долго смотрел им вслед.

— Враг насторожен, трудно застать его врасплох, — рассуждал он вслух сам с собой.

— Может, и обойдется, Федор Наумович, — попытался успокоить его Юрасов. — Проведут разведку благополучно и вернутся.

— Ох, браток, чует сердце беду...

Саперы сидели на броне танков. Танкисты — внутри, они — снаружи. Марченко, старший группы минных разведчиков, прижимался к башне головного. По сторонам машин рвались снаряды и мины. Цокали пули и по броне танков. Саперы только плотнее приникали к холодному металлу.

Вот танки приблизились к переднему краю неприятельской обороны. Замедлили скорость движения. Саперы спрыгнули на землю и поползли с миноискателями к проволочному заграждению. Огонь в упор вынудил машины остановиться. Непробиваемая

броня спасала танкистов. Но тут снаряд угодил в чувствительную группу головного и поджег его. Экипаж стал выбрасываться на землю. Катались, гасили на себе одежду.

А саперы-комсомольцы под шквальным огнем орудовали миноискателями, щупами, финскими ножами. Обезвреживая мину за миной, расчищали проходы для танков. Уже убиты комсомольцы Макорта и Дереневский, тяжело ранен Гужва, истекает кровью Зиничковский. Оставшиеся в живых продолжают начатое.

— Отходите! Спасайтесь за машинами! — закричали танкисты, осознав, что положение безвыходное.

Да кто же услышит крики в таком грохоте? А если бы и слышали, все равно саперы не побежали бы прятаться за танками. Им дали приказ, и они его выполняли. Пока двигались. Пока дышали. Потому что комсомольцы не отступают.

Бесчисленное количество тяжелых мин разорвалось там, где только что были саперы. Они были, и их не стало.

Лишь один Марченко чудом уцелел.

— Уходи, мы прикроем огнем, — сказал ему командир экипажа танкистов.

— Нет! Здесь остались все мои товарищи, — твердил Марченко. — Я с ними.

— Но товарищи твои мертвы, а ты жив. Им уже не поможешь. Иди немедленно на КП и расскажи все. Иначе гитлеровцы захватят нас живыми. Понимаешь?

Он понял. Под прикрытием огня танкистов кое-как добрался до своих окопов. Но когда в сумерках на помощь танкистам пришли наши бойцы, живых там уже не осталось. Раненых и тех не нашли. Все погибли, но не сдались. Недаром чувствовало беду сердце комбата Федора Наумовича Белокопя.

Глава девятая

1

Бугристую долину пересекала река Серебрянка с высокими берегами. Небольшое село, которое раскинулось на взгорье, тоже называлось Серебрянкой. Может, из-за серебристых пирамидальных тополей? Летом их листва, должно быть, так и отливала серебром. А сейчас между оголенными ветками виднелись корявые стволы.

В одной из хат располагался штаб комсомольского полка. Там сидел за столом Демин и просматривал донесения из батальонов. Светло-голубые глаза его пробегали строчку за строчкой, губы складывались в улыбку. Ну и молодцы!

А было это так...

Поднялась вода в Северском Донце, подперла Бахмутку, скованную льдами. И вот та взбунтовалась, вспучилась, стала рваться на свободу. Толстый ледяной покров треснул под мощным напором. Отрываясь от берегов кусками, лед ломался и крошился. Льдины срывались с места, плыли по течению. Они с грохотом надвигались одна на другую, нагромождали многоярусные торосы.

Командование фронтом забеспокоилось. И было о чем. Противник находился недалеко от района, где Бахмутка впадает в Северский Донец. Гитлеровцы не раз пытались отбросить наши части за водные рубежи. Спасти мосты — значило сохранить нормальную связь с тылами. Машины и без того едва успевали доставлять боеприпасы на передовые позиции. А без мостов что делать? Чем бить по врагу, если снаряды кончатся? Тогда уж фашисты наверняка усилят контратаки.

На берег реки вышли комсомольцы. Подрывники с альпенштоками в руках, с пакетами взрывчатки за плечами охотились буквально за каждой льдиной, которая могла угрожать мосту. По указанию лейтенанта Ивахненко на ледяных площадках приспособляли заряды с детонаторами, с подожженными концами бикфордовых шнуров. Взрывы дробили лед.

Река сверкала стекловидными кристалликами, шипела и пенилась. А торосы подплывали и напирали. У моста рос неподвижный барьер. Каждую минуту устой моста могли не выдержать и рухнуть.

Майор Белоконь метался от одной спасательной группы к другой. Отдавал распоряжения увеличить заряды, удвоить число подрывников, подбадривал людей...

Юрасов предложил ему попробовать баграми.

— Что вы! — устало махнул рукой Белоконь. — Тут аммоналом да толком не возьмешь!

Однако понаблюдал, как тот направляет багром под мост льдину за льдиной, и согласился.

Люди взялись за колы. Дело пошло быстрее. Наконец опасный затор ликвидировали, и по мосту снова покатали машины.

Так действовал первый батальон.

Второй под руководством комиссара Артюшенко тоже не растерялся. Когда мост на Бахмутке затрещал под напором ледовой массы, саперы немедленно разобрали пять пролетов, пропустили скопившиеся льдины и снова восстановили мост, еще больше скрепив его.

Больше всех досталось третьему батальону. У них там по руслу Бахмутки попеременно со льдом поплыли немецкие мины. Отделение саперов под руководством комсорга седьмой роты Илюши Холодова бросилось в воду, вылавливая мины сачками, а то и голыми руками.

Тридцать плавучих мин поймал и обезопасил сам комсорг.

Лед прошел. Река вроде бы очистилась. И вдруг опять напасть! Из воды начали бесшумно выныривать огромные льдины нижнего слоя. Значит, в короткий период сильного таяния, когда обе реки были затоплены, лед опустился на дно, а теперь он всплывал. Второй ледоход... Однако и с ним справились.

Об этом писал Демину комиссар третьего батальона Киселев.

«До чего ж молодцы!» — снова подумал Михаил Ильич Демин, дочитав политдонесения. Поднялся, походил по горнице, заглянул в окно, где разомлевшие от весеннего солнца куры скребли влажную землю. Сел за стол и стал набрасывать доклад начальнику политуправления фронта.

2

Буйно зеленела апрельская трава, лезла из каждой щели, топорщилась. Клейкие почки на тополях полопались, из них высунулись острые язычки листьев.

Демин, Кушкис, Пятницкий, Чумаков и Зайченко встречали комсомольскую делегацию. Молодежью ворошиловградского завода имени Октябрьской революции было изготовлено в нерабочее время сто двадцать автоматов. Их-то и привезла делегация в подарок комсомольцам 38-го отдельного комсомольского инженерного полка.

Статная девушка в черном демисезонном пальто и мягком сером берете, поблескивая глазами, шагнула навстречу комиссару.

— Галина Серикова, секретарь Октябрьского райкома комсомола, — назвала она себя. — А это комсомольский актив завода. Зоя Востокова, Аня

Куликова... — Делегатки, чьи имена она произносила, слегка розовея, приветливо кивали. — По поручению тружеников тыла прибыли к вам с нашими скромными подарками.

— Спасибо, родные!

Комиссар полка Демин пожал по очереди руку каждой. Да, это были рабочие руки, маленькие с жесткими ороговевшими мозолями, те самые, которые делали оружие для фронта.

Саперы вскрыли ящики. Там рядами лежали новенькие ППШ, смазанные солидолом.

Состоялся митинг. Галина Серикова рассказала, как молодые работники завода оставались после напряженной смены, чтобы изготовить эти автоматы. Чуть ли не круглыми сутками находились в цехе, почти не спали.

Комсорг одного из цехов Зоя Востокова, хрупкая девушка со светлыми кудряшками, сказала, что товарищи по труду согласились отпустить ее на фронт, а производственные задания, предназначенные ей, взялись выполнять сами. Она тут же попросила командование зачислить ее в полк рядовым бойцом.

Тогда и пополнился полк молодежью из Ворошиловградской области, из Ворошиловграда, Старобельского, Лисичанского районов. Всего пришло двести семьдесят человек.

Подарки вручали прямо на митинге. Иван Григорьевич Блажко вызывал бойцов по фамилии. Первым назвал Василия Васютина.

Галина Серикова протянула ему автомат.

— Примите от нас это оружие и разите врага!

Васютин сжал автомат уже окрепшей после ранения рукой.

— Будем крушить фашистов до полного их истребления, — торжественно пообещал он.

Приезд комсомольской делегации совпал с поручением саперам нового боевого задания.

3

Все три батальона собрались в Лисичанске. Вечером состоялся концерт. В просторном зале одноэтажной бревенчатой школы, где раньше сидели на скамейках ученики, сейчас разместились бойцы комсомольского полка. Шумели они ничуть не меньше своих предшественников — школьников. Перебрасывались шутками, охотно и много смеялись, громко хлопали в ладоши. Потертый бархатный занавес шевелился, но пока не раскрывался — за ним готовился к выступлению хор полковой самодеятельности.

На сцену легко забрался Демин, встал перед занавесом, и зал примолк.

— Дорогие товарищи! — сказал комиссар полка. — Совсем недавно вручили правительственные награды нашим славным воинам: Васютину, Фурманову, Блажко, Усикову, Харитонову, Шиенко, Бачинскому, Варенникову и многим другим. Отличившимся в боях красноармейцам присвоены сержантские звания. И, кроме того, двадцать шесть комсомольцев приняты в кандидаты партии!

В зале дружно захлопали. Там отлично знали, что стоит за этими скупыми перечислениями последних событий. Заерзал на месте и подтолкнул локтем друга Иван Швец — один из двадцати шести кандидатов партии. Как же он волновался на бюро! Подумать только, на минном поле бывал абсолютно спокоен, а когда члены бюро спросили про биографию — ни с того, ни с сего руки задрожали. Стал мешать русские слова с украинскими. Рассказывал, что родился на Днепропетровщине, работал в колхозе трактористом, а сам думал: «Неужели не примут?»

Приняли единогласно.

Биографии Михаила Хакимова, Дмитрия Багно и других комсомольцев мало чем отличались одна от другой: сначала школа, потом фронт. А здесь в полку ребят очень даже хорошо знали, потому что числилось за ними немало славных дел.

Когда перестали бить в ладоши самые неугомонные, Демин предоставил слово Блажке. Тот объявил первый номер программы, и загремели трубы оркестра.

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой!
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!
Пусть ярость благородная...

Хор исполнял песню за песней. И зал волновался, подхватывал тоже. Пели все, кто умел и не умел, так что стекла в расшатанных рамах тихонько позванивали да колыхался всеми складками сдвинутый в сторону занавес.

Понравилась, конечно, песенка о саперах. Незатейливая, потешная, сочинили ее, так сказать, местные авторы, свои же ребята.

Потом выступила группа танцоров и плясунов, подготовленная Василием Васютиным. Ох, и стучали же каблуками! Помимо «общего руководства», Васютин был еще и исполнителем. Украинский гопак и русский трепак, с подскоком и вприсядку — чего он только ни выделывал, какие коленца ни выбрасывал.

Зрители азартно колотили ногами об пол.

— Сыпь, Василек!

— Жарь!

— А ну еще!

И он плясал снова и снова, встряхивал крупной черноволосой головой. Вздергивался резко очерченный подбородок. Уходил за кулисы и опять появлялся, потому что его вызывали на «бис».

Не одна санитарочка лишилась в тот вечер покоя. Полковые красавицы и раньше краснели при встрече с Васютиным, а тут он вовсе очаровал их. Ну и парень! Неутомимый. И воевать, и отдыхать умеет. Жаль, не взглянет ни на одну ласково... Разве могли они знать, что снится ему по ночам белокурая Машенька, медсестра из госпиталя? Будто склоняется над его постелью, подушку поправляет. «Машенька, ты здесь?» — «Здесь, здесь...» Тихий голос девичий, как шелест. Проснется — а Машеньки нет. Просто сон такой был.

4

Утомителен многодневный переход. Близится ночь, а с ней усталость. Но лишь на рассвете — трехчасовой отдых. Три часа, ни минуты больше. Затем подъем.

Бойцы выравниваются в колоннах и снова шагают, сначала в ногу, потом — вразнобой. Все выше и выше поднимается майское солнце. Воздух постепенно накаляется, становится пыльным. Трудно дышать в такой жар.

Каждый час после шести пройденных километров — привал. Правда, очень короткий, но все-таки можно передохнуть.

Павел Черкасов еще до привала ощутил тяжесть в ногах. Сначала что-то как будто жало, вроде бы рубец на портянке образовался. Немного погодя начала одолевать слабость. Так и повалился бы на дорогу! Благо разрешили отдохнуть.

Сел он на траву, обхватил голенища сапог руками, да и замер так, лишь бы не двигаться. За спиной —

ствол каштана, словно спинка от стула.

— Как дела, Павлик? — Над ним склонился санинструктор Виктор Устинов. — Не натер ноги?

— Немножко, — уклончиво ответил Черкасов, надеясь, что тот постоит-постоит, да и отойдет.

Но не тут-то было. Устинов всегда безошибочно определял на глаз, у кого что-нибудь болит. Если таковых не обнаруживал, предлагал ребятам хотя бы навазелиниться.

— Панасюк! — упрашивал, бывало, он. — Давай нос намажу, а то облупится, девушки любить не будут.

И Панасюк, широко улыбаясь, подставлял ему покрасневший на солнце нос.

Черкасов показать свои ноги санинструктору не торопился. Однако тот настоял. Пришлось стягивать сапоги, разворачивать портянки, пропахшие потом.

— Ого, как освежевал! — сказал Устинов. — Надо забинтовать.

Подошли походные кухни. Подкатила полуторка — кузов прикрыт брезентом. Остановилась в тени. Из кабины вылез старший политрук Юрасов.

— Какими судьбами к нам? — поинтересовался майор Семятковский, здороваясь.

— Прибыл на должность комиссара вверенного вам батальона.

— Так у нас же Киселев!

— Петр Логвинович станет парторгом полка, — объяснил Юрасов. — Прошу вас, Григорий Иванович, прикажите прислать солдат и разгрузить машину: мы привезли посылки, почту...

Через несколько минут ящики с надписью «Действующей армии» разбирались по ротам и взводам. В посылках были гостинцы, присланные тружениками тыла воинам, своим защитникам. Но дороже всяких гостинцев — письма. В каждой посылке по письму. Их тут же расхватали, принялись читать.

В своих весточках девушки, точно по общему уговору, высказывали надежду увидеться после победы. Попадались и фотокарточки. Чистые девичьи лица. У одной — кудри, у другой — локоны, третья с косами. Все они до единой казались очень красивыми. Фотокарточки бойцы рассматривали все вместе, передавали друзьям, но при этом счастливики, те, которым достались эти снимки, ревниво следили, чтобы они снова вернулись к ним.

— Тут одно персональное письмо! — объявил Юрасов, подняв вверх голубоватый треугольник. — Черкасов есть среди вас?

— Есть! — живо отозвался Павел Черкасов.

Он забыл про больные ноги, вскочил. И так, прямо без сапог, хотел бежать за письмом.

Но Юрасов опередил его. Протянул треугольник. Остальные с завистью наблюдали за Черкасовым.

— Павлик, от кого?

— Кто написал?

Ровненькие строчки. Незнакомый почерк. «Штаб Южного фронта. Для молодежной воинской части». Неужели Оксана? Ведь сказал ей этот адрес там, на станции, когда ехали в Красноармейск.

Ребята отступили, чтобы не мешать ему. Черкасов прислонился к каштану, вскрыл письмо. Конечно, от Оксаны. Только внизу дата полугодичной давности. Шесть месяцев шло к нему письмо.

За это время Оксана успела поступить в комсомольский полк медсестрой санитарной роты. Да, да, в его родной полк. Но он-то не знал, что она где-то близко — в письме ничего такого не было. Ей хотелось сделать ему сюрприз. Вот встретятся однажды. Не просто знакомые, а однополчане!

Он все перечитывал единственную страничку, не мог от нее оторваться. Услышал, как затарахтели бички, но

глаз не поднял. А жаль. Потому что на брочках сидели санитарки.

Его товарищи оживились, зашумели.

— О, какие феи!

— Девушки, как вас зовут?

— Вы откуда взялись?

Девушки отшучивались, прижимая к себе санитарные сумки. Одна из них, Востокова Зоя, бывшая работница ворошиловградского завода, махала вышитым платочком. Рядом с ней спокойно смотрела на ребят синими глазами-васильками Оксана. Та самая, письмо от которой с таким вниманием читал Черкасов.

Взгляд ее перебегал от бойца к бойцу, искал Павла Черкасова. Она не могла его увидеть, потому что он стоял за деревом. Глубоко вздохнула.

— Что, не нашла своего принца? — спросила Зоя.

— Нет, — грустно отозвалась Оксана.

— Ничего, еще встретитесь!

— Конечно.

Брочки проехали мимо. Обоз скрылся.

Перед сном Черкасов еще раз достал заветное письмо.

— От нее? — спросил Романовский.

— Да... Понимаешь, ведь однажды видел, двумя словами всего обменялись, а забыть не могу. С тобой бывало так, Толя?

— Нет, — засмеялся Романовский. — Я обычно долго присматриваюсь да приглядываюсь, девушке это надоедает, и она находит себе другого... Не везет мне с ними. Или им со мной, а?

— А я вот с первого взгляда влюбился.

— Повезло, значит.

— Наверно. Я вообще везучий.

Глава десятая

1

Полк прибыл в пункт назначения. Пока штаб уточнял полученное задание, доводил его до сведения исполнителей, Киселев собрал заседание партбюро.

Принимали в кандидаты партии Василия Васютина. Парторг Киселев прочитал вслух его заявление. «Мое сердце, моя кровь и моя жизнь принадлежат Коммунистической партии, Родине. Я оправдаю в бою высокое звание коммуниста».

Юноша рассказал, где родился, как рос. Вспомнил мать, отца, младшего братишку. Давно ли, кажется, провожали его с отрядом комсомольцев в Мелитополе, а уж сколько воды утекло... Мчится время, оглянуться не успеешь.

В тот же день в кандидаты партии был принят замполит второй роты Саша Лыжин.

И вот третий батальон вышел по лощине к Дмитриевке, укрытой со всех сторон раскидистыми деревьями, словно огромным зеленым шатром. Само село — как треугольник — располагалось в долине реки Нагольная. Эта речка звенела на каменистых перекатах, отгораживая наших бойцов от ближнего тыла.

Саперы принялись за работу: ставили мины, устанавливали спираль Бруно, так называемые «эмзэпэ», то есть малозаметные препятствия, прямо на нейтральной зоне, под носом у врагов, когда те сладко спали по ночам. Руководил всеми операциями замкомбата Даниил Евтушенко, невысокий, подвижный. Днем требовал от командиров рот и взводов, чтобы подразделения находились в надежных укрытиях и там готовились к ночной работе.

Как-то он позвал к себе Снегуру, Бенецкого, Ромашкова, Тимошенко и других командиров. Собрались в маленькой хатке у шаткого мостика.

— Нам поручено заняться изготовлением осколочно-заградительных мин, — сказал Евтушенко. — Только, пожалуйста, поосторожнее с ними.

Все заранее подготовили, и в скрытые места стали доставлять снаряды, сделанные еще в 1904 году. Снаряды-«дедушки», несмотря на столь почетный возраст, превращенные умелыми руками в мины, поражали врага огромным количеством осколков.

Лейтенант Ромашков, высокий, сухощавый комзвода, придирчиво щурился, наблюдая за Толиком Грековым и Мишей Тарасевичем, которые вывинчивали взрыватели. Манипулируя ключами и плоскогубцами, друзья старались до испарины. Однако Ромашков ничем не выражал своего одобрения, так как считал, что в таком деле лучше недохвалить, чем перехвалить. Потому и сводил белесые брови к переносице.

— Это вам не в боевом листке рисовать, — усмехнулся кто-то из комсомольцев, оценивая старание редактора боевого листка Миши Тарасевича и художника Толи Грекова.

Но те и внимания на него не обратили — некогда. Наконец взрыватели вывинчены. Корпуса обезврежены. Теперь снаряды смотрят Снегура и Ромашков.

— Этот можно использовать. Погляди-ка, Холодов, — обратился к ротному комсorghу Ромашков.

Илюша Холодов успел прослыть знатоком разных «сюрпризов» — мин, фугасов. Он даже научился укрощать плавучие мины.

— Да, этот можно использовать, — подтвердил Холодов. — Хорошая мина получится.

Никандров, Богач, Протас и Черняк вставляли в заряд модернизированные упрощенные взрыватели.

Точно такие же операции проводились и в соседней восьмой роте.

Взвод лейтенанта Колерова минировал в местах, где скорее всего мог появиться противник, на расстоянии пятидесяти-семидесяти шагов от его передовых окопов. Егор Васильченко и Прохор Гаврилов копали глубокие ямы, опускали в них осколочно-заградительные мины, или ОЗМ, как их кратко называли, и тщательно маскировали.

Такие «сюрпризы» удачно действовали в полосе 353-й, 383-й и 395-й стрелковых дивизий, особенно на участке 723-го стрелкового полка в районе Дубровки.

За ночь Юрасов и Евтушенко так находились по склонам возвышенности, с которой почти непрерывно строчили «машингеверы», что к утру еле ноги волочили. Только они прошли мимо каменного забора на окраине Дмитриевки, как пули высекли из него искры. Навстречу замкомбату и комиссару поднялся политрук Бугриев.

— Пекло у нас тут, — заметил он, здороваясь.

— Предупредите всех, что противник готовится к атаке, — сказал Юрасов. — Так что скоро еще жарче будет.

— Ничего, мы приготовились встретить гостей. Порядочно ловушек наставили.

В восьмой роте Евтушенко и Юрасова встретил коренастый лейтенант Сергей Алдушин, знаток минного дела, отважный разведчик. Он доложил, что немцы как-то оживились.

— Усильте охрану тех, кто работает. — Евтушенко посмотрел на запад. — Не исключена атака с их стороны. Так что будьте начеку.

У ручных пулеметов залегли Сергей Иванчиков и Костя Козлов. На другом пригорке заняли места у пулеметов Анатолий Романовский и Павел Черкасов. Эти были ребята с крепкими нервами, с моментальной реакцией.

Немцы сначала изредка постреливали, затем подозрительно притихли. Но пули все равно нет-нет да пощелкивали. Санинструктор батальона Виктор Устинов курсировал от одной группы к другой, спрашивал озабоченно:

— Не задело?

— Будешь маячить перед зевом амбразуры, тебя первого заденет, — предупредил его Бугриев. — Сядь и будь наготове.

Устинов облюбовал пункт наблюдения и стал присматриваться к точкам, откуда вырывались частые вспышки. Потом показал их артиллеристу из обороны, тот сообщил на батарею. И проснулся «бог войны» — артиллерия. Наши орудия разгромили самый опасный дзот на высоте.

Тогда откликнулся и немецкий «бог». Брызги огня и осколки образовали на передней линии завесу — ни пройти, ни проползти. Между тем надо было выбираться с нейтральной территории. Евтушенко забеспокоился:

— С рассветом обнаружат — посекут осколками. Что делать-то, комиссар? Кроме всего прочего, могут разгадать, где заминировано. А мы-то старались!

— Подавай сигнал, Данилыч, — отозвался Юрасов. — Пусть люди выбираютя отсюда мелкими группами, пока не поздно.

Наступал рассвет. Небо заметно посветлело, звезды на нем стали тусклыми, потом совсем погасли. Вот на горизонте оно зарделось, наливаясь краснотой. Пальба же из-за горба горы не утихала. И, наверное, впервые в жизни саперы не радовались восходу солнца.

Там, откуда показался краешек дневного светила, замелькали какие-то точки. Они стремительно увеличивались, приближались. Штурмовики! Наши! Перед неприятельской обороной самолеты резко взмыли вверх и, точно чайки перед дождем, почти отвесно нырнули за бугор. Загремели бомбовые раскаты. Под них

и выбрались из опасной зоны саперы, укрылись в садах. Но стоило самолетам улететь, и на гребень возвышенности полезли фашисты. Они рассыпались по склону, сделались незаметными на темном фоне. Лишь пулеметчикам было видно их, как на ладони.

Черкасов и Иванчиков ударили одновременно из пулеметов по атакующим. Однако вслед за этими первыми с возвышенности начали спускаться длинные вражеские цепи. Удалось оттеснить их к лощинке, стреляя короткими очередями. Тут они и запутались в капканах из малозаметной проволоки, многие попадали. А из гнезд выпрыгивали «дедушки»-снаряды, превращенные саперами в грозные осколочно-заградительные мины. На высоте двух-трех метров они рвались и поражали ошеломленных немцев массой осколков.

Неприятельская атака была отбита.

2

В батальон прибыли командир и комиссар полка. Расспросили все подробно об атаке, узнали, кто из комсомольцев особенно отличился. Потом пошли по подразделениям вместе с Евтушенко и Юрасовым.

В седьмой роте задержались у боевого листка. Такой сразу в глаза бросается — яркий, выразительный. Любитель-художник Толя Греков нарисовал портреты героев роты. Похожи. Только все до одного улыбаются, даже те, кто в жизни хмур. И гитлеровцев он изобразил. Как раз тот момент запечатлел, когда они в проволоке путались. Редактор Миша Тарасевич описал по горячим следам, как была отражена атака.

Вечером Насонов и Демин отправились на передний край — хотели сами посмотреть, как действуют минеры. Ходили почти всю ночь. Присматривались к людям.

Потом Насонов вернулся на командный пункт батальона, а Демин задержался.

Положив фуражку с черным околышем на подоконник, Насонов снял сапоги и прилег на лавке. Только сомкнул ресницы, как дверь распахнулась. Вошел сержант-пехотинец. Командир полка сел, борясь со сном.

— Товарищ подполковник, разрешите обратиться?

— Слушаю вас.

— Командир нашего полка просит зайти к нему по важному делу.

— Евтушенко! Сходите с Юрасовым, узнайте, что там такое.

Было довольно светло, потому что луна светила во всю. Облитые лунным светом, стояли вдоль садовой тропинки неподвижные сливы. В траве шуршали какие-то насекомые и никак не верилось, что эта прекрасная ночь — военная, что утром снова запахнет порохом и гарью.

Тропинка вывела Юрасова и Евтушенко к хате с часовым у крыльца. Навстречу вышел майор. Лицо — типично русское, широкое, с едва намеченными скулами. Он поздоровался, щелкнул портсигаром.

— Курите, пожалуйста. Эх, хорошо-то как на воле! Может, не пойдём в помещение, здесь поговорим? — Евтушенко и Юрасов согласно кивнули. Папиросы они не взяли — некурящие оба, и майор тут же загасил свою. — Значит, такое дело... Видели агитацию немецкую? Ну, буквы на горе величиной с оглоблю: «Переходите!» Призыв, так сказать. Так вот, мои разведчики воспользовались приглашением: взяли и перешли. Добрались до самого штаба полка, захватили «языка». И записку там на столе у них оставили: «Мы к вам перешли, но вас не нашли. А кого нашли, с тем обратно ушли». Они у меня веселые ребята...

— И что же? — спросил Евтушенко.

— Так вот, этот самый «язык» сообщил, что его начальство с садов глаз не спускают, оказывается. Присмотрели, где людей побольше скапливается. В общем, ждите налета. Готовьтесь.

— Спасибо, что предупредили! — горячо поблагодарили майора Юрасов и Евтушенко.

Они возвратились в батальон и обо всем доложили Насонову.

— Да... Надо менять расположение. — Он задумчиво потер щеку костяшками пальцев. — Пусть роты немедленно покинут старые места отдыха.

Седьмая и восьмая роты сделали это сразу. А девятая ничего не знала, потому что уже начало светать — ни пройти, ни проползти туда. В девятую связных посылали только глубокой ночью.

— Как же девятую-то предостеречь? — беспокоился Насонов.

— Разрешите сходить, — сказал Юрасов.

— И я пойду! — Замкомбата встал рядом с комиссаром. — Мне там надо участки заграждения принять. Новые показать, пока вы тут...

— Друг без друга ни на шаг! — засмеялся Демин. — Отпустим их, что ли, Михаил Александрович?

— Пусть идут, — Насонов тоже улыбнулся. — Братья-близнецы.

3

На перекатах реки Нагольной выступают из воды камни. Одни из них мокрые, скользкие, отшлифованные бока, другие, обращенные к солнцу, — высохли. По ним, по этим сухим сверху камушкам, в густых зарослях и перешли речку Евтушенко и Юрасов. Из-за кустов юго-западной окраины Дмитриевки отлично видны неприятельские позиции и снайперские точки перед

ними, прикрытые маскировочной сеткой, забросанные бурьяном. Много ложных, поддельных, а настоящие в промежутках между ними. Их можно заметить, если подождать, когда оптический прибор, направленный контражур, блеснет, как зеркало.

Евтушенко не сводил взгляда с зеленой полянки, такой невинной на вид, прорезанной узкой удобной тропинкой. Прогулка по этой тропинке сулила удовольствий не больше, чем тонкая жердочка, перекинутая через пропасть. Снайперы держали открытую полянку под непрерывным наблюдением.

— Что будем делать, Данилыч? — Комиссар вопросительно взглянул на замкомбата.

— Оставайся здесь, а я проскочу. Вспомню, как бегал когда-то на школьных соревнованиях.

— Нет уж, рисковать, так обоим. Я ведь тоже в свое время бегал. В пограншколе.

Приготовились оба, и — рывок!

Тут же заполошно захлопали выстрелы. А кругом ни кустика, ни кочки. Трава мелкая, ровная, будто коврик ворсистый. На этот коврик и рухнул Евтушенко. Юрасов сгоряча перескочил через него. Однако тут же вернулся, схватил замкомбата в охапку и понес. Стреляли, не переставая. Только не задела их больше ни одна пуля — повезло, значит.

Винник и Король уже спешили на помощь.

Под переплетенными ветками деревьев — как в пещере. Опустил Юрасов Евтушенко на землю, присел возле него на корточки.

— Что с тобой, Данилыч?

— Да ничего серьезного! Нога подвернулась, это ж надо! Потяни-ка за левую, — страдальчески сморщился Евтушенко.

Король опередил комиссара — дернул замкомбата за ногу.

— Ой! Ногу так оторвешь, медведь! — испугался комроты Винник.

Петр Король и в самом деле обладал медвежьей силой, не очень умел соизмерять ее с попадавшимися под руку предметами, отчего те ломались, а боец искренне недоумевал: «С чего бы это они?» Чем не былнный Добрыня Никитич? Недаром же так прозвали.

Однако Евтушенко его натиск выдержал. Мало того — сразу встал на обе ноги. И тогда Винник принялся выговаривать:

— Да куда ж вас понесло? Отсюда полчаса назад лейтенанта пехоты вытащили — наповал его уложили снайперы...

— Ты постой-ка, Александр Дмитриевич, — прервал его замкомбата. — Дай слово сказать. Нужно сейчас же предупредить всех ваших, чтоб к прежним местам отдыха близко не подходили. Чуешь? Противник собирается накрыть саперов огнем за «сюрпризы».

Взводы девятой были предупреждены.

Евтушенко спросил, как насчет задания по изготовлению «козлов», опутанных проволокой. Выяснил, к своему удивлению, что рота сделала больше, чем полагалось.

— Где же вы материал брали?

— У фрицев одолжили. — Винник махнул в сторону немцев. — Фашисты поразобрали пристройки разные, подходящий лес унесли с собой, сложили штабелем, замаскировали. Собирались, видно, блиндажи свои благоустраивать. Но Король — дотошный, выследил. Прибежал ко мне:

— Лес в лощинке за бурьяном.

— Так это под носом у противника.

— Вытащим из-под носа.

— Тогда действуй.

Дальше было так. Подобрал себе Петр Король помощников. Поручили им сращивать трос, соорудили

вместе лебедку. Провозились дотемна. Едва замерцали первые звезды, улучили момент — обкрутили штабель проволокой. Потом подали сигнал на лебедку: там, на пригорке, наши бойцы ждали с топорами и веревками наготове. И вдруг, как снег на голову, — немцы. В пяти шагах. Ничего не подозревая, приблизились враги к штабелю, а он возьми да и подпрыгни! Словно живой. И поплыл вниз, зашуршал, лишь трос натянутый поблескивал в темноте.

Что уж подумали тогда немцы — неизвестно, только бросились они врассыпную. А когда пришли в себя и начали стрелять, было поздно: уплыл из рук штабель леса. Был и нету.

Из бревен этих, припасенных врагами, изготовили для врагов же «козлы», опутанные проволокой. Пусть-ка сунутся!

4

Саперы благоустраивали свои окопчики на новом месте: чтобы и поспать в них можно было, и вести огонь из них, если потребуется.

Романовский набрал пахучих веток, набросал в окоп, сверху траву настелил и плюхнулся животом на самодельный матрац. Хорошо!

— Эй, Павлик, — окликнул он Черкасова. — Ты глянь: оборона круговая — стреляй хоть веером.

— Как думаешь, Толя, наши старые гнезда пострадают?

— Кто ж их знает. Да у нас теперь новые не хуже.

У мостика ухнул снаряд. Саперы насторожились, прислушались. И тут загремело одновременно в нескольких местах, именно там, где раньше бойцы отдыхали.

В беду попало одно отделение. Место, где оно находилось, было накрыто плотным артиллерийским и минометным огнем. После огневого налета гитлеровцев туда прибежали фельдшер Ануфриев и санинструктор Устинов. Взглянули и ужаснулись: воронки вперемежку с окопами. Но бойцы живы, протирают глаза, потягиваются, будто их не взрывы разбудили, а сигнал на обед.

Лишь в одном из окопов лежит неподвижно человек. Рядом ботинки, порванные осколками. Устинов наклонился над солдатом.

— Убит? — спросил Ануфриев.

— Не похоже, — ответил Устинов. — Вроде дышит...

— Сашок! Сашок!

Оглушенного красноармейца подняли со дна разрушенной ячейки, перенесли на траву. Дали что-то понюхать, и он зашевелился. Приоткрыл ресницы, сонным голосом поинтересовался:

— Что, подъем?

Кругом засмеялись.

Фельдшер пощупал у Сашка пульс, покрутил головой.

— Ну и ну! Абсолютно здоров!

Нарочный привез в батальон пакет для Насонова. Его срочно вызывали в штаб армии за получением боевого задания.

Командование 714-го стрелкового полка тепло благодарило саперов комсомольского полка. И было за что. Они оставили здесь после себя километровый каменный забор с бойницами, много баррикад, три километра заградительной полосы, где установлены восемьсот двадцать три рогатки и больше сорока фугасов, до четырех километров эскарпов и контрэскарпов. Кроме того, построили дзоты, прикрытые железобетонными колпаками.

Глава одиннадцатая

1

Пошел второй год войны.

Кремниста земля от Миуса через Красный Луч до Штеровки. Но и здесь нужны были противотанковые преграды. Поэтому днем и ночью долбили неподатливый грунт у Красного Кута. Здесь доставала дальнобойная артиллерия врага. Больше всего донимала фашистская авиация: самолеты налетали стаями. Кружились над степью, бомбили. Бомбы они сбрасывали куда попало, лишь бы страху нагнать. Очень надеялись напугать красноармейцев.

Особенно свирепствовала авиация 13 и 14 июля. Неспроста, конечно: враг перешел в наступление. На юге своим Рубиконом, который надо во что бы то ни стало перейти, Гитлер назвал Миус.

Ночью в третий батальон прибыли представители пехоты. Майор 383-й стрелковой дивизии обратился к комбату Семятковскому:

— Посмотрите, пожалуйста, рубеж нашей обороны северо-восточнее Красного Кута.

— Евтушенко! Сходите с майором, посмотрите и посоветуйте товарищам.

Евтушенко оценивал местность опытным глазом инженера-фортификатора, делал замечания, давал советы, как улучшить огневые точки. Потом к пехотинцам-воинам шахтерской дивизии, которой командовал генерал Провалов, присоединились саперы. Их помощью пехотинцы всегда охотно пользовались. Вот и на этот раз оборудовали все так, что оборону трудно было обнаружить даже на близком расстоянии.

Загрохотали фашистские танки. Над возвышенностью с южной стороны вздыбилась чернотобуряя пыль. Из нее, качаясь, будто на волнах, стали выползать вражеские машины. За ними шла пехота. Дорогу танкам преграждал рубеж контрэскарпа. Машины ударились о стены рва и остановились — враги не хотели пятиться!

В это время из-за терриконов грохнула наша артиллерия, заставила-таки гитлеровцев дать задний ход. Танки направились в обход. Однако пехота, следовавшая за ними, оторвалась, сбилась в кучу. Потом двинулась по взгорью левее котловины.

Бойцы приготовились, но не стреляли.

— Ишь, как идут, — заметил Сергей Иванчиков. — Будто подкрадываются.

— Мы их встретим, — сплюнув, пообещал Костя Козлов.

В передних рядах блеснули байонеты — плоские штыки. Гитлеровцы сжимали их в зубах, засучив рукава. Для устрашения, что ли?

— Давай, давай, черт намалеванный, — прошептал Иванчиков. — Подходи поближе...

Огонь наши бойцы открыли с близкого расстояния, расстреливали напирющую ораву в упор. Фашисты думали, что заходят во фланг, а вышло наоборот: свой фланг поставили под удар.

Противник залег. Однако скоро опять зашевелился, приободренный: приближались танки с крестами и пустоглазыми черепами на бортах. Танки устремились к Штеровке, где располагался тыл дивизии. Генерал Провалов встревожился, приказал саперам взорвать мост под Ивановкой, чтобы не допустить выхода немецких танков к Штеровке.

Семятковский и Евтушенко выделили команду подрывников и поставили перед ней задачу. Анатолий Романовский, Павел Черкасов, Николай Завальнюк,

Степан Чумаков и остальные нагрузились толком. Направились к Ивановке. У небольшой речушки сунулись было к мосту, а пули вокруг так и затянули: «тю-у», «тю-у»... Треск такой, будто кто в костер сухие сучья подбрасывает.

Поползли саперы и тут же в траву уткнулись: невозможно голову поднять, «тюкает» над ней. И все же Романовскому и Чумакову удалось вырваться вперед. Установили заряд благополучно. Отползли, а конец бикфордова шнура дымится в стороне — пуля будто ножницами срезала его под самый корешок.

Из-за лысого холма уже показались гремящие машины врага. Нельзя мешкать! Чумаков кинулся к заряду. Его обогнал Завальнюк. Короток остаток шнура, подпаливать такой никакими инструкциями не разрешалось. Но до правил ли сейчас? Не то что минута — секунда дорога. Завальнюк чиркнул спичкой, поджег шнур и повалился на бок.

— Николай! Да отползай же быстрее! — крикнул Романовский.

Завальнюк не шевелился. Тогда Романовский и Черкасов подхватили его с двух сторон и сползли вместе с ним в канаву. В тот же момент раздался взрыв. Мост рухнул. Успели все-таки!

Танковая колонна остановилась, сжалась гармошкой. Произошла заминка. Этого было достаточно, чтобы «катюши» дали по танкам сокрушительный залп.

— Коля! — затормошил Завальнюка Романовский. — Ну, что ты, Коля?

— Убили его, — глухо сказал Черкасов.

«Катюши» продолжали палить. И после каждого залпа друзья повторяли:

— За нашего товарища!

Гвардейские минометы не умолкали до тех пор, пока в небе не появились стаи фашистских самолетов.

Эпицентром грозного сражения стала шахта под номером двадцать один: трое суток длился здесь непрерывный бой. Воины-шахтеры дивизии Провалова остановили гитлеровцев, но те не пожелали отступить, заупрямились. Дорого же обошлось им это упрямство! Многие из них полегли, блестя бляхами с роковой надписью: «С нами бог». Не помог им и сам бог, в которого верили.

Донбасовцы так дрались, что фашисты в суеверном страхе стали называть 383-ю шахтерскую дивизию «Черная дивизия».

Немало сынов Донбасса было и в комсомольском полку. Анатолий Греков, Михаил Тарасевич, Филипп Смирный, Александр Перескок, Григорий Мигуля, Николай Палеха, да разве всех перечислишь? Конечно, они гордились земляками-проваловцами.

Когда началось наше отступление, донбасовцам пришлось покинуть родные места с надшахтными копрами и темными курганами терриконов. Приказ есть приказ. Комсомольский полк должен был отойти из района наибольшей опасности. И время точное указали. Да только как тут отойдешь, если дорогу непрерывно бомбят вражеские самолеты?

Батальоны свели в придорожные кустарники. Насонов поглядывал на них в бинокль, то на один, то на другой, то на третий. Заметил над третьим четверку «юнкерсов». Шныряют над перелеском и стреляют из турельных пулеметов. Но в кого? Ведь третий батальон надежно укрыт и замаскирован.

Вот в чем дело: боец бежит. А его преследует самолет. Отстал лишь тогда, когда тот упал на траву, пробитый пулями.

Примчался санитарный автобус.

— Медсестра, примите раненого! — сказал санинструктор Устинов.

— Что с ним? — Оксана склонилась к носилкам, куда уложили раненого бойца. — Как тебя зовут?

— Октябрем, — отозвался он, сдерживая стоны.

— Где остальные?

— Я один был.

— Столько самолетов кружилось тут, что мы уж думали: многие пострадали...

Подошли товарищи раненого. Объяснили.

— Октя сообразил: нельзя бежать к своим окопам, раз «юнкерсы» напали. Представляете, что было бы с батальоном?

Комсомолец по имени Октябрь ни за что не хотел расставаться с батальоном. Но бедро ему прострелили, ходить не мог. И его понесли на носилках к автобусу.

— Черкасов! — закричал Октябрь. — Скажи нашим, что скоро вернусь! Слышишь, Черкасов?!

Оксана так и замерла на дороге. Растерянно оглянулась.

— Что стоишь? — налетел на нее Устинов. — Живо садись! Надо успеть, пока самолетов нет.

Подтолкнул ее к автобусу, где уже стояли носилки с раненым, помог сесть, забрался сам. И они поехали.

— Октя, — тихо позвала Оксана. — Скажи, пожалуйста, как зовут Черкасова? Ну, того, которому ты кричал...

— Павлик Черкасов.

«Он!» Сердце у нее сжалось, потом зачастило. Нашла все-таки! Нашла и тут же потеряла... Да когда же они, наконец, встретятся?

Кто-то застонал. Оксана встрепенулась. Принялась уговаривать раненых:

— Потерпите немножко, родные. Приедем скоро, недалеко уже.

О чем она только думает? У людей раны болят, столько крови потеряли; автобус подпрыгивает на кочках, беспокоит их. А она размечталась, как в мирное время. Но что сделаешь, если живет в ней это чувство, несмотря ни на что? Видно, никакой войне не убить любовь...

Автобус качнулся и помчался еще быстрее. Оксана приоткрыла дверцу, выглянула. Опять немецкие самолеты! Пролетают совсем низко, ну всего метрах в десяти от автобуса. Один, два, три!

— Что там, сестра? — спросил Зайченко.

Он не был ранен, просто торопился в штаб и попросил подвезти его. Сейчас Федя Зайченко сидел рядом с Октябрем. Пристально смотрел на Оксану. — Самолеты, да?

Оксана молча кивнула. Какой смысл скрывать, если слышно угрожающее гудение? Раненые забеспокоились. Федя прикрикнул на них:

— Там и наши есть, что паникуете!

Не было там наших. Ни одного. Но как успокоить беспомощных, истекающих кровью людей? В конце концов автобус санитарный, летчики видят это на таком расстоянии. Погудят-погудят и улетят.

— В санитарную машину стрелять не имеют права, — уверенно сказал Зайченко. — Международное соглашение...

Он не закончил свою речь, потому что взорвалась бомба. Людей побросало друг на друга, оглушило. Зайченко тоже упал. Когда он поднялся, перед ним зияли дыры в стенах салона, пробитые кусками рваного железа. Еще взрыв! Людей снова подкинуло. Мотор чихнул и заглох.

— Да что ж они делают, злодеи? — спросил кто-то тоскливым голосом. — Второй раз ранили...

— Потерпи, родной, — пробормотала Оксана, чуть не плача.

Она стала заново перевязывать бойцов. Федя помогал ей. Кругом — стоны, скрип зубов, проклятия. На ладонь Феде Зайченко упала капля крови. Чья? Глянул на медсестру, а у нее пилотка пробита, юбка разорвана. Сама едва держится на ногах. Он заставил ее присесть, один добинтовал раненого.

И тут грохнул третий взрыв. Застучала пулеметная очередь. Федя Зайченко прижал руку к груди и стал медленно, очень медленно опрокидываться навзничь. На юном лице его застыло выражение бесконечного удивления. Словно хотел в тот последний для себя миг понять: за что? За что его убили?

Оксана больше не владела собой — по щекам струились слезы. Не вытирая их, она распрямилась во весь рост. Стреляйте, фашисты!

Но вражеские самолеты развернулись и полетели прочь. Наверное, полагали, что с русских и так достаточно. Прибежал Устинов, которого выбросило из автобуса первой взрывной волной, поцарапанный, в синяках и ссадинах. Принялся хлопотать возле раненых.

— Где? — спросила его Оксана. Она уже не плакала — не было слез.

— Что где?

— Где мы находимся? Хочу знать, где это произошло.

— Красная поляна, — подсказал Октябрь. — Сестричка, меня бы еще перевязать...

В хуторе Курячем похоронили трех однополчан. Один из них был отважный разведчик, юный коммунист Федор Зайченко.

Сергей Иванчиков шагал в переднем ряду. Рядом с ним Барлит, Алейников, Козлов, Яценко, Свешников, Злой, Дорогих, Лихачев... Все насупленные. Уже Боково-

Антрацит позади. Родные города и села еще дальше стали.

Так успешно сражались под Красным Лучом, а пришлось отходить. Пусть временно, но все же отступать. И главное без выстрелов: вроде бы добровольно... Не слышно пальбы. Даже самолеты преследовать перестали. Только потом, уже в подразделениях, ребятам объяснили, что противник пошел в обход, а комсомольский полк остался, как в мешке, под угрозой окружения.

До чего же тихо. Мертвая, давящая на психику тишина. Кажется, начнись стрельба — и то легче станет. Хоть ясно будет, где враг, с кем драться. Но ни выстрела. Скорее на восток, чтобы не попасть в плен. Лучше умереть в бою, чем в плену оказаться.

Горяча земля под ногами. Сверху солнце свирепо жжет, будто дотла спалить хочет. Почернели уж, обуглились, как головешки. Пить! До чего же мучает жажда.

— Павлик, там ничего в твоей фляжке не осталось? — спросил Толя Романовский, хотя сам в последний раз к ней прикладывался. — Во рту сухо, словно в пустой ложке.

— В селе напьемся, земляк.

— Далеко еще!

Но до поселка добрались скорее, чем предполагали. У дороги маячит журавок над колодезным срубом. Рванулись к нему те, что шагали первые. Там вода. Бадью бы только.

Старшина Король схватил с повозки ведро, заторопился к колодцу. Но кто-то раньше него прицепил котелок к цепи и спустил вниз. Уже вся рота теснилась тут, задыхаясь от жажды. Вот-вот покажется котелок с водой. Холодная, должно быть, вкусная водичка.

Старшина сам потянул котелок со дна — тяжелый! Глухо стукнулся о сруб, и все враз затихли: не вода в

алюминиевой посудине, а грязь. Жидкая грязь. Попили, называется...

Люди зароптали.

— Высохла?

— Да нет, до нас выпили!

— Эх, не повезло...

— Ну, комиссар, говори, что делать.

Евтушенко и Юрасов переглянулись.

— Вода обязательно должна быть где-нибудь недалеко, — громко сказал Юрасов, успокаивая бойцов. — Спускайте раненых на траву. Так, а теперь двое ко мне! Ведра с собой возьмите!

Сели на полуторку возле бочки и поехали.

Батальон, между тем, продолжал двигаться. Разомлев от жары, бойцы и командиры еле переставляли вялые ноги. Колонна растянулась. И вдруг Король крикнул:

— Хлопцы, грузовик!

Общее оживление сразу пресек какой-то скептик:

— Пустой! Небось с водой не летел бы так...

И тут несколько человек одновременно выдохнули:

— Вода-а-а!

Да, это привезли воду. Люди ринулись навстречу машине, облепили ее.

— Стойте на месте, — приказал Евтушенко. — Подойдут старшины с ведрами.

Старшинам выдали по ведру на взвод. Они старались капельки драгоценной не пролить. Саперы напились, отдохнули и пошли дальше. Теперь и настроение другое. Не таким безнадежным все представляется. Они, да чтобы попали в лапы врагу? Никогда!

На четвертые сутки похода саперы заметно устали, лица осунулись, зрачки потускнели. А тут поступило распоряжение: сократить привалы до пяти минут. Надо идти! Из последних сил. Иначе плен. И люди шли. Шатались, падали, снова поднимались и шли, хоть ноги

подламывались в коленях и собственное тело казалось непомерно тяжелым грузом.

Бугриев, Никоян, Холоденко и Холодов помогали нести ручные пулеметы, коробки с магазинами. Евтушенко забрал у ослабевшего бойца вещмешок. Тот запротестовал:

— Не надо, товарищ замкомбата! Я сам...

— Не стесняйся. Сегодня я тебе помог, завтра — ты мне, так оно у людей.

Отставшие подтянулись. К месту следующего привала пришли даже раньше, чем намечали. Здесь Черкасов стал объяснять товарищам, как разглаживать рубцы на портянках, чтобы ноги не натереть. Сам когда-то сильно натер, теперь предостерегал других. Устинов бродил от взвода к взводу, требовал показать подошвы. Панасюк встретил его стихами. В лучшие времена не сочинял, а сейчас, измученный, ни с того, ни с сего заговорил в рифму:

— Что ты время тратишь даром? Смажь мне пятки скипидаром!

— Я тебе смажу, — погрозил ему пальцем Устинов. — А ну, протягивай ноги ко мне!

Комсорг девятой роты Анатолий Панасюк запыхтел и растянулся на траве. Дурашливо замахал руками. Нет, такого человека, наверное, ничто не могло привести в уныние. И остальные ребята тоже заулыбались. Трудно? Ничего, перетерпят! А от немцев уйдут.

4

Снова орудийные раскаты. Уже не в стороне — впереди. Страшно подумать: неужели перехватят горло, завяжут мешок? Только не плен!

— Быстрее, быстрее! — подгонял бойцов Евтушенко. — Шире шаг!

Приближались к поселку. Из крайней хаты выскочил адъютант Семятковского Резник. Засеменил, преградил дорогу:

— Товарищ комиссар, мы окружены...

Такие слова, да громко сказанные! Замерли люди.

Юрасов взял Резника за локоть, сжал и тихо предупредил:

— Попрошу молчать. Вы мне всех перебаламутите.

Отодвинул его в сторону и крикнул:

— Товарищи, не волнуйтесь! Скоро все выяснится.

Но в колоннах уже встревоженно переговаривались. Как не волноваться? Успокоил бойцов Насонов. Нет, не окружены, однако еще десять минут назад считали, что это так. Ошиблись, к счастью.

— Евтушенко! В станице Генеральский Мост будем отдыхать целый день, — объявил Насонов. — Передайте батальону.

Саперы воспрянули духом. Скорее бы заветная станица! Привалы сократили до минимума. Всю ночь шагали.

На востоке посветлело. И тогда из-за пригорка показались острые верхушки пирамидальных тополей, затем трубы хат, а там и сами хаты. Рассыпаны хаты по склону вплоть до моста, под которым журчит-переливается прозрачная речушка, затонувшая в травянистых берегах. В траве цветы разноцветные, над ними пчелы да бабочки. Благодать.

— Лейтенант Резник! — крикнул Семятковский. — Располагаться ближе к воде, там прохладнее.

Юрасов и Евтушенко направились в колхозное правление. Отыскали завхоза. Степennyй такой, круглолицый, щеки тугие. Не так уж, видно, голодно в этом колхозе, если люди сытые.

— Покормили бы наших бойцов, — сказал Евтушенко. — Неделю на сухарях сидят.

— Могем, — охотно согласился завхоз. — Правда, овечек и телят уже нет, запродали тем, которые до вас проходили. А поросят могем под расписку с печатью. И хлеба свежей выпечки.

— Да меду, — подсказала кладовщица, тоже спокойная и полная.

Послышался гул самолета, потом засвистели бомбы. С криком: «Ложись!» Евтушенко прыгнул в канаву. Юрасов за ним. Три бомбы грохнули одна за другой прямо под окнами. Осколки исковеркали стену. А людей обсыпало землей и слегка оглушило.

— Теперь жди карусели, — заметил Евтушенко, помогая подняться кладовщице.

Так же цвели цветочки. По-прежнему кружились над ними нарядные бабочки. За камышами булькала мелководная речка, будто бульон в котелке. На левом берегу в нескольких местах дымилась прошлогодняя солома — ее принесли женщины, чтобы палить поросят, которых пообещал завхоз.

Пахло жареным. Огромные жирные туши блестели, когда с них соскребали ножом щетину. «Ничего себе „поросята“, — подумал Евтушенко. — Наедятся ребята досыта. Только бы желудки себе не испортили после сухарей-то».

В тени под раскидистыми кустами Король раньше других старшин устроил пир. Заострил ножом палочку, наколол на нее облюбованный кусок и широко раскрыл рот. Да так застыл в оцепенении — в небе загнусабили самолеты. На станицу надвигалась туча «хейнкелей».

— Залить огни! — скомандовал Евтушенко.

Тот, кто еще возился, подпаливая туши, схватил ведра и начал опрыскивать горящую солому. Задымило еще гуще. Саперы кидались в открытые окопы, прижимались к земле.

Побежал и Павел Черкасов к своей ячейке. А там — женщина с ребенком малым. Смотрит на него и дрожит

вся.

— Тут никого не было... Я сейчас вылезу...

— Ложитесь!

Искать другое убежище было поздно, и он плюхнулся недалеко от бугра. Бомбардировщики прошли по эллипсу. Не спеша развернулись и вытряхнули из люков бомбы точно на станицу. Грохнуло совсем близко от Черкасова. Комья земли полетели в воздух, снова упали вниз. Когда пыль рассеялась, он глянул на свою ячейку, где укрывались мать с младенцем. Так и есть — рядом с окопом упала бомба. А в окопе женщина с кровавым пятном на кофточке. Ребенок копошится на ее груди, теревит кофточку, хнычет жалобно. Не понять ему, неразумному, что нет больше у него матери. Сиротой остался.

«Хейнкели» улетели, а бойцы еще долго стояли молча над убитой женщиной. Малыша куда-то унесли. Слушая всхлипы жительниц станицы, ребята сжимали кулаки. Ну разве такое забывается? Фашисты ответят за все сполна. Придет час расплаты, и не уйти им от него.

В поход воины комсомольского полка выступили раньше, чем кончилось время привала. Не до отдыха, пока хозяйничают на нашей родной земле враги.

Глава двенадцатая

1

Действительно началась карусель, как предвидел Евтушенко. Чем ближе к Ростову, тем больше самолетов фашистских. Они перелетали через Дон, бомбили все живое, что двигалось.

Вот в чистом, без единого облачка, небе проплыла эскадрилья «хейнкелей». Грузовые бомбовозы сопровождали юркие истребители. Звено «мессеров» забавлялось: то взмывало вверх, то ныряло вниз. На пути деревня Круглик. Ее начали обстреливать из крупнокалиберных «машингеверов». Заметались у хат женщины с ребятишками, заголосили.

— Что делают! — возмутился Белоконь, наблюдая в бинокль за происходящим. — Первая рота! Приготовиться к стрельбе по самолетам! Огонь открывать по моей команде!

Рота рассыпалась в степи. Саперы ложились на спину, устанавливали постоянный прицел. И над степью вырос лес винтовок. Среди них чернели стволы ручных пулеметов.

Четверка «мессершмиттов» прогулялась по длинному эллипсу.

— Целиться три фигуры вперед! — скомандовал комбат. — Залпом пли!

В воздухе треснуло, будто кто-то разорвал холстину. Самолеты шмыгнули ввысь, начали юлить и лавировать.

— Лови синицу в небе, — огорченно произнес кто-то.

— Эх, промазали! — досадовал Белоконь, пряча пистолет в кабуру. — Хоть бы одного свалили!

«Мессершмитты» опять появились над батальоном. Но уже не было ни у кого охоты стрелять по ним,

посылать пули в белый свет, как в копеечку. А Белоконь не унимался.

— Залпом пли! — закричал он.

Снова над головами треснуло. И тут один «мессер» спикировал, да так, что не вышел из пике. Оставляя за собой шлейф дыма, он клюнул носом у самой дороги, пропахал длинную борозду.

То-то ликовали в первом батальоне! На радостях люди обнимались, кричали что-то. Не все гулять безнаказанно фашистам в советском небе. Один догулялся.

К месту происшествия прибыли представители штаба 216-й стрелковой дивизии. Забрали у разбившегося пилота документы. С трофейным пистолетом Белоконь не захотел расставаться.

— Всю войну с ним пройду, — сказал он.

Батальон двигался медленно. Люди измотались. Было неуютно и голодно. В животах урчало то у одного, то у другого, то у третьего — прямо настоящая перекличка. Ростов близко, да сил нет. Перед станцией Большие Салы двое отстали.

— Пятницкий, узнай, в чем дело, — обратился Белоконь к комсоргу третьей роты. — Почему двое еле двигаются?

— Товарищ майор, сержант Ильченко и рядовой Рыженко совсем ослабли, — объяснил Пятницкий.

— Тогда передай им: пусть задержатся на рубеже заграждения. Отдохнут немного, а заодно понаблюдают за противником. В случае чего предупредят нас выстрелом. Мы остановимся сразу за станцией, недалеко.

Рыженко и Ильченко с облегчением опустили на пыльную траву. Залегли у дороги, замаскировались. Вроде спокойно все. Солнышко светит, ветерок кожу поглаживает. Вот только в головах мутится от голода, никак не поднять их. И рокот какой-то.

Собрался с силами Ильченко, посмотрел на дорогу. Да это же немецкие мотоциклы рокочут! Все ближе и ближе. Надо выстрелить, предупредить батальон.

Но батальон и без предупреждения заметил противника, занял оборону в придорожных лесопосадках. Все бойцы там, а двое, Ильченко и Рыженко, здесь, отдельно от своих. Каково им?

Мотоциклисты проскочили мимо них и скрылись в притихшей станице. Потом промчались грузовики с кузовами, битком набитыми автоматчиками.

— Поползли в коноплю, — предложил Ильченко напарнику. — Ползком нам до батальона не добраться — сразу заметят нас. Придется ждать вечера.

Лежат они в конопле час, лежат другой, третий. Чего бы сейчас не отдали за то, чтобы быть вместе со всеми! Валяйся тут. За стеблями конопли их незаметно. Зато им все видно, что творится у крайних хат. Шныряют по дворам немцы, но нечем им поживиться. Видно, станичники давно уже на голодном пайке сидят. И враги отбыли куда-то.

Стало темнеть. По тропинке рядом с коноплей проехал на велосипеде щеголеватый немец. Он так нажимал длинными ногами на педали, что рама скрипела.

— Вот бы заарканить его! — прошептал Рыженко. — То был бы «язык»...

Ильченко вздохнул:

— Где нам с ним справиться? Видишь, здоровый какой? Верзила!

— А все-таки надо попробовать...

Верзила прислонил велосипед к побеленной стене хаты и отправился в курятник. Там, конечно, никаких кур не было, однако он продолжал шарить по углам. Может, думал, что хозяева припрятали что-нибудь под соломой? Нагнул, широко расставил ноги. Тут на него и набросились бойцы. Заломили руки, скрутили снятой с

гвоздя веревкой, а рот заткнули кляпом из двух носовых платков.

— Тихо, понял? — Рыженко погрозил верзиле кулаком. Возле немца, такого огромного, он казался совсем крохотным. Но откуда только энергия взялась! — Поднимешь шум, пристрелю, понял? — И он для наглядности потряс еще своим автоматом. — Вот что тебе будет, ефрейтор!

Ефрейтор, кажется, понял. Послушно пошел на поводке из курятника. Но на улице заартачился. Рыженко толкнул его в спину. Тогда тот стал брыкаться, как жеребец, выбрасывая почти метровые ноги. Пришлось стукнуть его автоматом, так, слегка, чтобы притих. И действительно смирным стал. Даже когда извлекали из кармана пакет, не сопротивлялся. Только таращил глаза.

В батальоне уже забеспокоились. Куда девались Рыженко и Ильченко? Неужели попались немцам? А они — вот они. Да не одни, с «языком». Привели немецкого ефрейтора к комбату.

— Освободите ему рот, — сказал Белоконь, обрадованный неожиданной удачей.

Вытащили кляп. Ефрейтор сердито залопотал что-то.

— Чем он так недоволен? — поинтересовался у бойца-переводчика Белоконь. — Что он говорит?

— Говорит, товарищ майор, что не имели права на него сзади нападать. Мальчишки, говорит, еще правил не знают...

— Ишь ты! О правилах да правах каких-то рассуждает, надо ж! Не сопротивлялся? — спросил комбат у Рыженко.

— Не успел. Автомат у него на полу лежал, рядышком с ним, а кулаки мы в петлю захватили, связали. К тому же ему, наверно, показалось с перепугу, что нас целый взвод. Он все, знаете, оглядывался.

В пакете ефрейтора оказался приказ из штаба. Важную птицу захватили ребята — связного.

— Ты что ж это, а? — укоризненно посмотрел на ефрейтора Белоконь. — Пакет секретный везешь, а лезешь в курятник. Неважная, значит, у вас там дисциплина.

Пленному перевели его слова. Немец вытянулся, как будто перед ним стоял не советский майор, а немецкий обернст, который распекал за допущенную оплошность.

— Вольно! — засмеялся комбат.

2

Пакету, добытому Ильченко и Рыженко, цены не было. Из этих документов наше командование узнало о замыслах противника под названием «Эдельвейс».

Нефть Баку и Грозного еще до войны привлекала оккупантов. Гитлер поставил перед группой своей армии задачу: окружить и уничтожить советские войска в междуречье Дона и Кубани.

Ростов держался с трудом. Войска, которые обороняли его дальние и ближние подступы, устремились к Дону.

— Комсомольскому полку приказано обеспечить переправу частей на левый берег, — сказал Насонов Семятковскому.

— Кто знает, Михаил Александрович, сумеем ли мы сами переправиться, — ответил Семятковский. — Город-то горит весь. А ночные бомбовозы добавляют огня каждые пятнадцать минут.

Как раз вспыхнула табачная фабрика — и до нее добрались. Жилые дома трещали, обгоревшие крыши их рушились. Деревья, и те обуглились. Не Ростов, а сущий ад. И сквозь этот ад надо было пробиться во что бы то ни стало.

— Кто же все-таки займется переправой? — задумался вслух Насонов. — Посоветуйте, Семятковский.

— По-моему, надо послать командира взвода седьмой роты, Михаил Александрович. — Он — товарищ решительный, люди за ним пойдут.

— Хорошо. Только вот что: нам придется строить наплавной мост против Зеленого острова, искать строительные материалы. А люди очень устали. Пусть не занятые делом поспят.

Подошел взвод. Семятковский обратился к саперам:

— Товарищи, на том берегу мы отдохнем. А пока нажимайте!

«Нажимать» оказалось не так-то просто: впереди обрушилась горящая стена здания, головешки покатались по мостовой, под ноги саперам. Как тут пройдешь? Жар и дым. Ребята задыхались.

— Назад бы трошки, — робко предложили в переднем ряду.

— Внимание! Укрыть головы плащ-палатками. За мной бего-ом! — скомандовал Ромашков.

Он первым побежал по огненной россыпи, увлекая за собой взвод. А из бездны западного небосклона все выплывали и выплывали бомбовозы. С недосыгаемой высоты все сыпались и сыпались проклятые «зажигалки».

Когда Ромашков привел взвод к мосту, там уже орудовали спасательные команды второго батальона. Блажко, словно дирижер, возвышался на видном месте и направлял аварийные команды по назначению.

— Мельников! Бохор! — кричал он. — Смотрите: бомба настил пробила, а вон там опору повредило! Живо действуйте! Не останавливайте движение на мосту!

Дон вскипал и пенился. Брызги воды, осколки гранат летели во все стороны, а поток людей, машин, боевой техники не иссякал. Через мост переправлялись непрерывно, потому что саперы-комсомольцы под

бомбами стучали топорами, укрепляли прогоны, штопали настил — устраняли повреждения.

Отделению младшего сержанта Фурманова достался самый тяжелый участок — работать под мостом. Миша Морозов, Федя Хилько и Валя Шибинский обкрутились веревками, спустились под настил. Повиснув над бурлящей стремниной реки, они ремонтировали опоры, крепили устои моста.

Стук инструментов перекликался с нашими зенитками, которые постукивали рядом, отгоняя налетавшие фашистские самолеты. Но самолетов было так много, что от них не успевали отбиваться.

Подошел третий батальон. Те, кому предложили отдохнуть, отказались от отдыха. Не до него! Они присоединились к товарищам на мосту.

Снегура, Алдушин, Колеров, Ромашков и Клейменов возглавили группы по добыче материала. Искали подходящие доски по улицам города, на складах. Однако ничего такого, что послужило бы опорой наплавного моста, найти не удалось.

— Может, где баржи какие, буксиры... — стал перечислять Белоконь.

— Нет их, товарищ майор, — отозвался Евтушенко. — Вот пустые бочки есть. Ребята предлагают использовать их в качестве опор.

— Попробуем.

Евтушенко вернулся на КП батальона. Прилег на песок. Глаза слипались, но не спалось. Валя — писарь, черноволосая девушка, похожая на грузинку, с едва заметным пушком над верхней губой, присела рядом, переплела и с хрустом сжала свои длинные смуглые пальцы.

— Данилыч, взгляни-ка! Дорога-то до самого Батайска горит!

Семь километров дороги, видных отсюда, горели оранжево-синим пламенем.

Ростов с Батайском соединяли две дороги, шоссейная и железная. Их высокие насыпи пересекали пойму и три рукава Дона. Чтобы задержать противника, командование фронтом сочло нужным взорвать здесь все шесть мостов. Поручили это комсомольскому полку. Командир полка Насонов, его заместитель Визиров и начштаба Чемаров выбрали двести подрывников. Уже для огневой поддержки саперов были выделены две стрелковые дивизии и бронепоезд, как перед самым началом операции ее отменили. Приказали разрушить вновь построенные переправы, в том числе наплавной мост против острова Зеленый.

Сюда направилась группа во главе с сержантом Егором Рысковым. Ребята у него были надежные: Степан Чумаков, Павел Черкасов, Анатолий Романовский. Когда приблизились к Дону, за ним уже разгорелся бой. Стучали пулеметы, трещали автоматные очереди.

Подрывники установили заряд, протянули кабельный шнур. И тут их окликнули с берега.

— Погодите, ребята! Нам на ту сторону переправиться надо.

Целая стрелковая часть. Пришлось ждать в укрытии, пока все переберутся.

— Можете уничтожать переправу! — крикнул командир части.

Ну, теперь надо наверстывать упущенное время. Немцы кое-где сумели прорваться к Дону. Пока их сдерживали у моста пулеметным огнем. Рысков повернул рычажок подрывной машинки, но взрыва почему-то не последовало. Что там случилось? Ведь минута дорога. И Чумаков пополз вдоль провода выяснять, в чем дело.

— Кабельная трубка поломана, — передал он Рыскову.

Вот тебе раз. Запасной трубки нет. За другой бежать поздно — противник напирает. А мост должен быть взорван! Ситуация... Чумаков слишком хорошо понимал, в какое положение они попали. Эх, была не была! Схватил зубами пулю винтовочного патрона, раскачал ее и вынул. Проделал пороховую дорожку. Отполз. А гитлеровцы уже топали по настилу коваными сапогами, бежали, стреляли на ходу. Каждый их шаг отзывался в его мозгу. Будто не доски моста топтали — его самого. Скоро ли?..

Взрыв! Значит, задание выполнено. Снова легким, почти невесомым стало тело — напряжение схлынуло.

Степан Чумаков заторопился. Через несколько дней он получит медаль «За боевые заслуги», смущенный, будет принимать приветствия друзей. Сейчас же он с этими друзьями догонял батальон. Далеко, однако, ушли. Солнце клонилось к закату. Дорога виляла между зарослями акаций, взбиралась на пригорки, опускалась в низины. Однополчан не было видно.

— Еще отстанем. Эх, задержались как, — посетовал Романовский.

— Машина! — Рысков вдруг встал, как вкопанный. — Чья это?

— Наша, — приглядевшись, сказал Романовский.

В машине их тоже заметили. Юрасов замахал руками.

— Сюда! Вас ждем! Живо в кузов и поехали!

Полуторка промчалась метров сто. Дальше — дамба. Романовский, который устроился в кузове у самой кабины на каких-то пустых мешках, сейчас поднялся, посмотрел вперед.

— Хлопцы, вижу батальон! — сообщил он. — Побежали врассыпную, ложатся...

— Самолеты, товарищ комиссар! — крикнул Рысков, наклоняясь к окошку кабины.

Юрасов приказал шоферу остановиться. Присоединяться к колонне пока смысла нет — за ней определенно погонятся, начнут штурмовать. Одну же машину вряд ли станут бомбить.

Двенадцать тяжело нагруженных «хейнкелей» проплыли над Ростовом, пересекли Дон. С того часа враги перестали сыпать бомбы на Ростов. Они медленно прошли над городом по смятому кругу, сделали боевой разворот.

Саперы, между тем, выбрались из машины, залегли. К дамбе с обеих сторон вплотную подступала вода. Если начнется бомбежка, можно спастись в воде. Но вражеские самолеты направились в сторону Батайска. Зачем? Так вот в чем дело! Фашистские асы замерли над людской вереницей, протянувшейся от острова Зеленый до Батайского шоссе. Большими и малыми группами через открытую равнину шли старики и женщины, несли малышей. И вот над этими беззащитными людьми засвистели бомбы. Все двенадцать бомбовозов высыпали на них свой смертоносный груз. Где только что были люди, теперь зияли рваные воронки, а над ними стоял непрерывный, рвущий душу на части стон.

Черкасов в исступлении рванул ворот гимнастерки.

— Будьте вы прокляты!

Вот так убили и его брата. Бомбой, в своем же дворе. До каких пор будут глумиться над нашими людьми гитлеровцы?

— Детишек-то хоть бы не трогали, — тихо произнес Чумаков. — Как же можно детишек-то?

Но и он сам, и его товарищи уже знали: фашисты способны на все.

Больше всех пострадала девятая рота — их буквально засыпало бомбами.

— Где ротный? — спрашивал санинструктор Устинов, переходя из одного разрушенного окопа в другой. — Ротного не видели?

Винник лежал за траверсом: сюда выбросило его из окопа. Он пошевелился. Вроде невредим. Но уши словно паклей заткнуты: и колет, и ничего не слышно. Значит, оглушили. Поблизости фельдшер Ануфриев бинтует заместителя Короткова. Что с ним, с заместителем-то?

А Коротков чувствовал себя так, будто свалился в яму и тонул в липкой грязи. Попытался было опереться на руку — та согнулась, как соломинка. Кровь залила грудь и спину — все мокрое, хоть выжимай.

Его, тяжело раненного, отправили в госпиталь. Контуженный Винник категорически отказался покинуть роту. Как же он ее оставит? Ни за что! Вот придет в себя немножко и быстро поправится. Он шагал впереди роты в сопровождении Устинова и Панасюка, которые поглядывали на него с тревогой. Духовные силы его были воистину неистощимы. Однако надломленный организм сдавал. И вскоре ротный споткнулся, осел бы на землю, если б не подхватили его с двух сторон под руки.

Винника уложили на бречку. Когда остановились на станции Бейсугской, он уже умер.

Невинно голубело небо. Пахло медом и перезревшими фруктами. Сочны были августовские яблоки. И до чего же хотелось жить! Вдыхать напоенный ароматом воздух, слушать, как стрекочут неугомонные кузнечики.

Бойцы провожали в последний путь старшего лейтенанта Винника. Пришли и станичники, принесли марлевые покрывала, георгины, дубовые ветки. Украсили гроб, как могли.

Многим хотелось сказать добрые слова о любимом командире. Жители станицы слушали красноармейцев внимательно. А молодая казачка, никогда не знавшая Винника живым, сплела для него, мертвого, венок из полевых цветов.

— Отомстите врагам за этого человека! — сказала она воинам-комсомольцам. — Он за нас воевал, за детей наших малых...

Над могилой прозвучал трехкратный прощальный салют из винтовок.

Глава тринадцатая

1

По плану «Эдельвейс» намечался захват Кавказа обходом с востока и запада. 1-я танковая армия Гитлера устремилась к Тереку. 17-я полевая пехотная намеревалась захватить Туапсе и Новороссийск. А потом, за хребтом Кавказа, соединиться. Наши 56-я, 12-я и 18-я армии отходили к предгорьям Западного Кавказа, чтобы создать устойчивую оборону, улучшить свое оперативное положение и обеспечить успех сражения.

Комсомольский инженерный полк получил задание — помочь соединениям этих армий создать оборону прочную, непреодолимую. Под прикрытием 1-го стрелкового и 17-го казачьего кавалерийского корпусов батальоны саперов отходили за Кубань.

Высоки волны Лабы быстротечной, шумят они, пенятся. Четвертая рота готовит переправу на левый берег реки. Василий Васютин — старший группы саперов. Он теперь уже не комсорг роты, а политрук. Помогает переправляться на тот берег целой армии с людьми и техникой.

Неожиданно у моста образовывается пробка.

— В чем дело? — спрашивает у Васютина комиссар второго батальона Артюшенко. — Почему все встали? Тут одна бомба может натворить черт знает что!

— Майор какой-то появился. Хуже бомбы! Останавливает людей у моста, документы у всех проверяет. Говорит, что он из заградотряда.

— У него бы у самого проверить, — сердито буркнул комиссар. — Проверятьщики тоже могут быть разные... А ну, шепни ребятам: пусть окружают этого майора незаметно.

У переправы остановился автомобиль. Из кабины вылез Насонов с орденом Красного Знамени на груди. Попросил объяснить причину задержки. Ему сказали про странного майора, который, вместо того, чтобы торопить людей, мешает им переправляться через Лабу. Глаза Насонова гневно вспыхнули. Он протиснулся вперед. Артюшенко и Васютин переглянулись.

— Что вы затеяли? — укоризненно спросил командир полка проверяющего.

Тот спокойно разглядывал чей-то документ, крутил и вертел его. Затем вернул хозяину и лишь тогда повернулся к Насонову. Козырнул с независимым видом, назвал себя представителем заградотряда.

— Попрошу успокоиться, — сказал он. — Есть особое распоряжение. Предусмотрено штабом фронта...

— Чепуха! — оборвал его командир полка. — Откуда вы взялись?

В тот же миг проверяющий выхватил пистолет. Но стрелять ему помешали: Васютин мертвой хваткой стиснул локоть мнимого майора. Остальные саперы из группы Васютина набросились на его помощников.

Конечно, это оказались переодетые враги. Им нужно было задержать людей у моста до прилета своих бомбардировщиков. Но замысел сорвался. Когда появились самолеты, все уже переправились через реку.

А через пару дней у Лабы начался бой. Оккупанты старались прижать советские части к водному барьеру, потопить их. Нужно было срочно построить мост.

В долине запели пилы, застучали топоры — комсомольцы инженерного полка взялись за дело. У излучины, западнее Тенгинской, вонзились в песчаное дно реки увесистые сваи, на прогоны лег настил. Как ни отвлекала вражеская авиация частыми бомбежками, к вечеру над рекой поднялся мост. Забелел свежевоструганными досками. Часть наших войск пошла по нему. Остальные уже переправлялись через

Лабу где попало, используя подручные средства и полагаясь на собственную выдумку. После отхода наших частей Насонов приказал взорвать переправу, чтобы ею не воспользовался противник.

Нужно было выяснить, кто в станице Тенгинской. Наши или враги? Направили туда группу разведчиков во главе с Юрасовым.

В долине сгущался туман. Разведчики перебрались через окопы, остановились у прозрачного родника. Вода была до того холодна, что ломало зубы. Пили медленно. Потом Панасюк наполнил флягу, закрепил ее на поясе. И тут в кустах появился парнишка. Любопытная рожица, оттопыренные уши, глаза так и мечутся от одного бойца к другому.

— Я Кузя, — шмыгнул он курносый носом. — Из Ростова! Тетка у меня в Тенгинской...

После чего потребовал немедленно принять в отряд. С этим решено было пока повременить. Немного успокоившись, обескураженный Кузя рассказал, как добрался до Тенгинской с немецким обозом. Туда направлялись пехота, орудия и танки, но где остановились, не заметил. А вообще-то он здесь все ходы и выходы знает. Совершенно напрасно не берут его в отряд. Пожалеют еще...

— Ты вот что, проводить нас можешь? — обратился к нему Юрасов.

Кузя расцвел.

— Конечно!

Да он куда угодно уведет их. Пускай только скажут. Он всегда готов. В Ростов — пожалуйста!

— До станицы, — сказал Ромашков.

— Можно и до нее, — согласился Кузя и шмыгнул носом.

Лесная тропинка взбежала на пригорок, вырвалась на равнину и затерялась в траве. Отсюда в сгущавшихся сумерках видно было Тенгинскую. В полукилометре —

шеренга телеграфных столбов. Значит, там дорога. Из станицы выкатились броневики и танкетка. Машины приближались к разведчикам, притаившимся в придорожном бурьяне.

Едва они прогромыхали мимо и скрылись с глаз, как комиссар строго приказал Кузе:

— А теперь схоронись в лесу. С нами опасно.

— Да ну... — начал было Кузя, но взглянул на остальных и понял, что спорить бесполезно.

— Я еще вас найду, — пообещал он.

Через полчаса броневики и танкетка возвращались в станицу. У бурьяна, где скрывались разведчики, один броневик почему-то задержался. Черные зрачки пулеметов уставились на саперов. Казалось, вот-вот брызнут горячим свинцом, прожгут навывлет. Неужели заметили? От броневика отделились двое. Остановили встречную женщину, начали что-то втолковывать ей. Наконец, броневик ушел.

Панасюк догнал женщину, расспросил, о чем с ней говорили немцы. Оказывается, предупреждали, чтобы никому не рассказывала о них. Забыла, что видела. Иначе — расстрел.

— Чего мне бояться? — Женщина стояла перед Панасюком с бессильно обвисшими руками. — Отца у меня убили, мужа убили и сыночка тоже... Мне теперь ничего не страшно.

Значит, станицу заняли гитлеровцы. Но они не подавали ни малейших признаков жизни. Как же разведать боевые порядки? Где границы вражеского расположения? Разведчики решили потревожить фашистов пулеметным огнем. Три ручных пулемета, автоматы ППШ и одна СВТ — вполне достаточно, чтобы взбудоражить противника.

Панасюк с пулеметом устроился прямо на проезжей части дороги. Устинов и Ромашков залегли слева,

остальные справа. Уже стемнело, выпала роса. Гимнастерки и брюки намокли.

— Приготовиться! — скомандовал негромко комиссар.

В крайней хате закрипели двери. Отчетливо так, будто рядом. Один за другим гитлеровцы, как тени, скользили в сад, шуршали там ветками. Вон что — замаскированные танки! Немцы повозились возле них и ушли в хату. «Сейчас мы вам устроим веселую жизнь», — подумал Юрасов и уже поднял пистолет. Но в это время к нему кубарем подкатился кто-то, часто задышал. Кузя! Вот ведь паренек непослушный!

— Танки, — выдохнул Кузя. — За вами... За нами танки! К реке пошли!

В самом деле, шум какой-то. Что за наваждение? Скоро обнаружилось: сзади танки, а впереди — грузовики, из станицы выкатились. В них немецкие солдаты, прижавшись друг к другу в дреме, покачиваются. И шоферы, видно, носом клюют, потому что машины еле движутся. Зато рокочут оглушительно. Может, в бурьяне затаиться? Подальше от греха? Уж очень много гитлеровцев против горсточки разведчиков. Однако велик соблазн: нападения они не ожидают... Воспользоваться моментом, что ли?

Пистолетная пуля Юрасова пробила ветровое стекло первой машины. Грузовик встал, на него наскочил второй, на второй — третий. Резко треснули пулеметы и автоматы разведчиков. К буйному восторгу Кузи полусонные гитлеровцы почти без выстрелов падали и больше не поднимались. Те, что успели выбраться из кузовов, поползли по кювету. Здесь их и забросал лимонками Ромашков.

Такой грохот поднялся, а танкисты, которых видели саперы у хаты, даже не высунулись наружу. Конспирацию соблюдали, что ли? Пока наши расправлялись с пехотинцами из грузовиков, это было

кстати, потом стало тревожить. И, окончательно разделавшись с гитлеровцами, разведчики отошли вправо, притаились.

— Почему они молчат? — нервничал Ромашков.

— Подожди, отзовутся, — хмыкнул Чумаков. — Вот только повернут лафеты на сто восемьдесят градусов.

Однако первыми отозвались не орудия, а пулеметы. Шесть оранжевых трасс прорезали темноту и скрестились на том месте, где только что вели бой саперы. Затем ударили орудия и минометы. Снаряды перелетали через разведчиков, ложились чуть дальше их. Артиллерия неистовствовала. Фашисты прощупывали свой тыл. Видимо, заподозрили, что туда проникли большие силы.

А танки направились к Лабе. Остановились на высоком берегу реки и начали пальбу по расположению комсомольского полка. Стрелять — стреляли, но с места не двигались. Ждали пехоту, ту самую, которую только что перебили разведчики. Через некоторое время танки убрались восвояси. И то не все. Некоторые из них, попав под шквальный огонь своей же артиллерии, запылали.

Больше часа продолжалась бешеная стрельба. Досталось и нашим, когда они возвращались в полк. Кузя шагал рядом с комиссаром довольный — побывал в бою! Отсылать его в Тенгинскую ночью одного побоялись.

Разведчики пробежали километра два и перешли на шаг. Ромашков был направляющим. Комиссар и Устинов замыкали группу. Тропа уперлась в лесок, туда повернул и Ромашков.

Из-за куста ударил пулемет. Разведчики бросились на землю. Отстреливаться им было нечем — ни патронов, ни гранат. Безоружные, можно сказать. Панасюк пошарил вокруг себя — даже камня нет под рукой. Вот ведь положение! Со злостью рванул с пояса фляжку и запустил в кусты. Эх, зачем ему фляжка, если

пить больше из нее не придется?.. А гитлеровцы отпрянули — наверно, взрыва гранаты опасались. Их минутного замешательства было достаточно, чтобы наши скрылись в ночной тьме. Спасла их фляжечка.

Вот и окопы, но почему-то пусты. А мост? Мост целехонек. Добрались по нему до середины. Глянули под ноги — куча тола. Заряды! Бикфордовы шнуры уже догорают. А с того берега свои кричат:

— Назад! Взорветесь!

Что назад, что вперед — одно расстояние.

— Вперед! Бегом! — скомандовал Юрасов, хватая Кузю за руку.

Рванулись. Едва добежали до водораздела, позади гроыхнуло. Всю группу так и смело в пучину реки... Ничего себе купание! Дно еле нащупали, а горный поток с ног валит, да еще обломки моста шлепаются рядом. Того гляди по голове стукнет. Тогда из этой купели не выбраться.

Однако обошлось. Вылезли на берег. Вытащили Кузю.

— Скорее в машину, — сказал шофер продрогшим разведчикам. — Вас в полку и ждать-то перестали после такой кутерьмы! Как вы только уцелели?!

Подошли подрывники.

— Мы уж сами повременили, — заметил один из них. — Будто чувствовали: вернетесь.

За это время по приказу полк отошел на новый рубеж. Разведчиков встретили, как пришельцев с того света.

В то памятное утро Насонов прочитал приказ Сталина Демину, Визирову, Чемарову и Кушкису, собравшимся на командном пункте. Все, с отступлением

покончено. Назад ни шагу. Так прямо и сказано в приказе.

Из-под колес грузовика летел песок. Вода в радиаторе сердито фыркала. На пригорке машина затормозила, подфарники погасли под козырьками. Сразу утонули в непроглядной темноте деревья. А тут еще туча медвежьей шубой навалилась на лес. Демин, Кушкис и Лебедев на ощупь выбрались из машины.

Полк, преодолевая западные отроги Кавказа, окружным путем двигался к Туапсе. Батальоны по порядку поднимались на взгорья: сначала первый, за ним второй, потом третий. Демин присоединился к первому. Лебедев направился во второй, Кушкис — в третий. Каждый политработник заранее продумывал план беседы с людьми.

Саперы с трудом вытягивали из сыпучего песка ноги и снова проваливались в него.

— Что ж это такое, товарищ Кушкис? — спросил кто-то. — «Ни шагу назад», а мы все шагаем, шагаем...

— Но мы же не отступаем, — возразил комсорг полка. — У нас важное боевое задание! Приказано рубежи обороны в горах превратить в непреодолимые бастионы. Я же объяснял.

Все приметнее признаки крайнего юга страны. Первый из них — тучи над приморьем, такие плотные, что, кажется, дотронься до любой — ткнешь кулаком, как в потолок. Гром гремит почти одновременно со вспышкой молнии. И не где-нибудь в высоте, а над самой головой.

Вот грохнуло. Озарились горы, долины, домики в садах. Тотчас взвихрились верхушки орешника. По листьям стукнули крупные капли дождя. Потом он зачастил. Хлынул как из ведра. Черкасов и Романовский закутались в плащ-палатки, спрятались под необъятным дубом. Однако и здесь доставало. Внизу вода разлилась

— ни лечь, ни сесть. А стоя задремлешь — опять же в воду свалишься.

Снова молния. При ее свете разглядели хатку неподалеку. Побежали к ней напрямик, шлепая по лужам. Вот бы соснуть в сухом уголке при открытых окнах, куда струится воздух, освеженный дождем. Но у хаты часовой.

— Сюда нельзя! — Тоненьким голосом грозно предупредил часовой, облаченный в плащ-палатку. Девушка! Так и есть. Нахмуренные бровки, маленький кукольный рот.

— Пустили б погреться, — миролюбиво сказал Черкасов.

— Нельзя! Тут раненые и больные, а ты здоров, вон через лужи прыгаешь не хуже козла...

В окне появилась фигура в белом.

— Зоя, с кем ты там?

У Черкасова так и защемило сердце от этого голоса. — Все в порядке, Оксана! Не волнуйся! — крикнула Зоя Востокова и повернулась к бойцу. — Уходи немедленно. Я же на посту стою!

Значит, все-таки она. Сколько уж раз говорили Черкасову, что появилась в полку медсестра Оксана, которая им интересуется. Он не верил. Считал — разыгрывают. Да и вообще — мало ли Оксан на свете? А она, его единственная Оксана, была так близко...

У окна уже никто не стоял. И все равно он глядел в него, как зачарованный.

— Ты уйдешь или нет? — Окрик девушки-часового вывел его из столбняка. — О, да вас тут двое! — заметила она Романовского, который сначала дожидался друга в орешнике, а сейчас спешил к нему. — А ну, оба назад!

— Один вопрос задам, — взмолился Черкасов. — Можно?

Зоя Востокова заколебалась.

— Ладно, только один, — наконец смилостивилась она. — Спрашивай побыстрее.

— У вашей Оксаны глаза синие?

— Что-о?

— Да она это, она! — принялся убеждать Черкасова Романовский. — Идем к ней! Девушка, пропустите нас!

— Раз она, тогда не пойдём, — решил вслух Черкасов и зашагал прочь от хаты, объясняя на ходу не поспевавшему за ним другу. — Не могу же я перед ней в таком виде явиться? Посмотри, на кого мы с тобой похожи. Утром зайдем.

Зоя долго еще смотрела им вслед, пока ее не осенило, что это был тот самый «принц», которого разыскивала Оксана. Потому и про глаза ее спрашивал...

— Эй, вернись!

Но парни уже не услышали. Они добрались до сарайчика. Романовский пошел спать, а Черкасов задержался, докуривал папироску. Потом, переступая через спящих, стал искать свое место. Заняли его, что ли? Кое-как устроился, толкнул соседа:

— Подвинься немножко, Волосатов.

— Некуда, сынок, — сонно отозвался тот.

Надо же, одногодки они с этим Волосатовым, а сынком называет. Чего только не приснится человеку... Черкасову в ту ночь снились приятные сны. Вернее один, с продолжением. Будто качается на волнах лодка. А в ней он с Оксаной. Оксана в белом свадебном платье, ветер фату раздувает. Куда плывут они — неизвестно, но так хорошо им вдвоем, что никогда не приставали бы к берегу.

Общая побудка. Вдали, на чистом небосклоне, — заостренные вершины гор, зеленеет трава у сарайчика, дорога в ослепительных зеркальцах луж.

Черкасов потянулся. Сосед справа, Волосатов, тоже проснулся, глянул через него и захлопал глазами от удивления.

— Кого увидел? — спросил Черкасов.

— Так то ж батька мой родной!

— Тот дядька — твой отец? — покосился на спящего незнакомца Черкасов. — То-то он на твою фамилию вчера отозвался! Я перепутал — посчитал, ты это. Буди, буди его. Вот так встреча!

Не думали — не гадали отец с сыном, а пересеклись фронтовые дороги. Свели их, дальше они уже служили вместе.

Черкасов отпросился у командира, чтобы провести Оксану.

— Спит она после ночного дежурства, — объяснил дневальный с перебинтованной рукой. — Вон ее окошко.

Оксана улыбалась во сне. Спокойно было девичье лицо, ни единой морщинки на лбу. Ресницы густые, даже не дрогнут. Не знает она, что он тут, за окном.

Так и стоял бы Черкасов, если бы его с собой не увел Романовский — уже дали команду строиться. Снова шагали саперы в строю. И вот они увидели море, совсем близко.

— Ну что ты ее не разбудил? — нарушил продолжительное молчание Романовский. — Не успел, что ли?

Черкасов задумчиво улыбнулся.

— Жалко стало.

3

Батальоны свернули налево. За плечами — мыс Агрия и Ольшанка. Добротные домики в окружении широколиственных деревьев. Садик с аккуратными клумбами цветов, которые уже не различишь в темноте.

Только что полк преодолел подоблачные перевалы, прошел по извилистому новороссийскому шоссе. Сейчас

достиг Туапсе и опять направился к перевалам, прямо к Елисаветпольскому, что севернее Туапсе.

«Туа» — два, «псе» — вода. Две воды. Через котловину, где расположен город, протекают две реки: Паук и Туапсинка. В междуречье третий батальон остановился на привал. На подступах к порту на перевале Агап знаменитая Таманская армия нанесла когда-то решающее поражение грузинским меньшевикам. Окончательно город-курорт был освобожден Красной Армией в 1920 году.

На побережье климат теплый, влажный. Здесь встречаются такие декоративные растения, как пальмы, кипарисы, магнолии. Эти краткие сведения сообщил саперам комиссар, пока они обедали. Потом все улеглись отдыхать. Лишь Евтушенко и Валя дописывали боевое донесение. Закончили его и пошли любоваться морем. Вал за валом набегал на каменистый берег и разбивался о него. Будто волны силились раскачать скалы, опрокинуть их.

Завыла сирена. По горам прокатилось многоголосое эхо. Небо стали кромсать световые ножницы от прожекторов. Между их ослепительными лезвиями барахтались бомбардировщики. Зенитчики посылали в них снаряд за снарядом.

— Неужели все вырвутся и уйдут? — разволновалась Валя.

Евтушенко, не отрываясь, смотрел на небо и молчал. Там вдруг заныло. Откликнулись стоном горы, да таким жалобным, что саперы проснулись. Над ними бушевала лавина пламени, она, эта лавина, опускалась вниз, проваливалась. Будто вот-вот в землю врежется огромная комета. Гулко охнула гора, у которой расположился батальон, во все стороны рассыпались огни.

На рассвете осматривали останки ночного пирата. Тяжелый бомбардировщик медленно догорал.

Полк поднялся на вершину Елисаветпольского перевала. Лесная ширь заметно раздвинулась. Открылась гора «Индюк», увенчанная каменистой скалой, похожей на шею птицы. Показались «Два брата», «Семашхо», «Каменистая». Склоны их одеты буковыми и дубовыми лесами. На юге — море без конца и края. Сливаются с небом. Небесная синева сверху — посветлее, морская снизу — потемнее.

— Ну и панорама! — воскликнул Снегура, закоренелый речник днепровского флота.

— А ты посмотри на Куринскую, — отозвался Евтушенко. — Там фашисты рвутся к Туапсе.

Пропагандист полка Владимир Лебедев, белокурый старший политрук с крупными чертами лица, прикрепил к ветвистому дереву карту. Возле нее собрались красноармейцы. Они всегда с нетерпением ждали этого часа.

— Значит, битва за Кавказ началась двадцать пятого июля. — Лебедев оглядел всех пронизательными серыми глазами. — От нас с вами, товарищи, тоже будет зависеть, когда она кончится. Вот здесь, — указал он карандашом по линии от Новороссийска до горных горизонталей севернее Туапсе, — гранитной стеной стоит Черноморская группа войск Северо-Кавказского фронта. Дивизии врага рвутся к Туапсе. Им нужна база Черноморского флота. Они стремятся отрезать войска, расположенные вплоть до Новороссийска, с тем, чтобы повернуть налево и вонзить нож в спину Закавказским республикам. Наши мины должны преградить им путь. Стало быть, мы с вами должны сделать для этого все возможное и невозможное.

Затем он рассказал о положении на других фронтах.

Кушкис, выступавший после Лебедева, сообщил, что теперь в ротах по двадцать пять — тридцать коммунистов. Первичные парторганизации будут и впредь расти за счет лучшей части молодежи

комсомольского полка. По тому, как выполняют боевые задания комсомольцы, судят, достойны ли они стать членами партии.

4

Саперы строили долговременные огневые точки, вырубали в скалах глубокие траншеи, делали лесные завалы, ставили мины. Заминировали каждую горную тропу, дорогу, поляну. На участке 32-й гвардейской стрелковой дивизии сунулись было тяжелые танки противника к станице Куринская, да напоролась на мины и повернули обратно. До конца героической обороны простояли они на приколе под Хадыженском. И пехотинцы 17-й армии гитлеровского генерала Руофа днем и ночью ходили на цыпочках — все боялись наступить на спрятанные мины. Только самолеты беспрепятственно шныряли над горами. Да минометы разбрасывали свои «груши» по горам и долинам.

Минные заграждения очень помогли дивизиям 12-й, 18-й и 56-й армий, противостоящим группе Руофа. Ведь от «Индюка» до Георгиевского саперами было построено сто десять огневых точек, в основном долговременных, с двумя-тремя амбразурами.

И горно-стрелковые дивизии, 46-я пехотная дивизия с арtpолком, моторизованная часть дивизии СС «Викинг», 96-й отдельный альпийский полк и другие части, наподобие иностранного легиона, набранные среди проходимцев, застряли севернее Туапсе. Больше всего их скопилось между Хадыжами, Нефтегорском и Куринской. Они начали зарываться в землю, сооружать дзоты.

Один такой вражеский дзот не давал распрявиться гвардейцам 82-го стрелкового полка 32-й гвардейской дивизии — засыпал их пулями. Хотели взорвать его по

поручению командира дивизии генерала Тихонова — не получилось. Тогда стали углублять передние траншеи. Кирками и ломами долбили саперы девятой роты каменистый грунт. Днем часто приходилось работать лежа под обстрелом противника. А ночью, в тишине, стукнут киркой — в ответ отзовутся минометы. И так вгрызались в дно траншеи сантиметр за сантиметром, пока не натолкнулись на валун. Круглый, словно специально выточенный искусным мастером, гладкий, как отполированный, он был настолько крепок, что ни кирка, ни лом его не брали. Металл высекал из него искры. Валун не дробился и не разламывался, несмотря на все усилия комсомольцев.

Лейтенант Клейменов отер пот со лба, ладонью пошлепал по упорному камню. Повернулся к старшему сержанту Королю.

— Стукнул бы разок. Мускулы-то у тебя вон какие.

Тот присмотрелся к валуну.

— А ну стойте, хлопцы. Не трогайте его.

Поплевал на руки, поддел камень ломом, крякнул и вывернул. Перевалил его через бруствер. Потом постоял, почесал в затылке. И, отшвырнув погнувшийся инструмент, припал на колени перед камнем, покатил его перед собой, будто мячик.

— Вот ведь Добрыня Никитич! — изумился Клейменов. — Играет!

Однако старшему сержанту было не до игры: он катил валун на возвышенность, прямо к самому дзоту. Гитлеровцы почему-то молчали. Может, не придавали значения «забаве» русского? Или ждали, когда приблизится, чтобы расстрелять в упор. Между советским бойцом и вражеским дзотом осталось несколько шагов. И тут из амбразур вырвался огонь. Король укрылся за камнем, по которому пули так и защелкали. Валун искрился, а боец, знай, толкал его

руками, плечами, упирался в него головой. И все продвигал вперед свой необычный груз.

Подъем стал круче. Чем ближе к дзоту, тем метче вражеские пули: одна чиркнула по каске, другая продырявила рукав повыше локтя. Пули теперь били по камню с такой силой, что, казалось, вот-вот расколят его пополам.

Комвзвода Клейменов отправил вслед за Королем подрывников. Поползли они за товарищем. Но вражеские минометчики открыли огонь, стараясь накрыть их навесным. Узнав обо всем, командир гвардейской дивизии Тихонов приказал двум дивизионам подавить минометчиков шквальным артогнем, прикрыть подрывников и старшего сержанта.

Гремит все крутом. А Петр Король словно оглох. Он ничего не слышит и ничего не видит, кроме отверстия дзота. Искромсанный валун катится туда.

Сверкнуло пламя. Раздался треск камня и металла. Могучий взрыв! И дзота не стало.

Глава четырнадцатая

1

В горах севернее Туапсе оккупанты застряли. Танки здесь не могли пройти из-за мин, а без «подвижных бастионов» немцы не привыкли наступать. Они подтянули дальнобойную артиллерию, минометы. За день в воздух поднималось пятьсот самолетов.

«Хейнкели» постоянно кружились над долиной между Куринской и перевалом. Прочесывали лес, сновали туда-сюда — намечали объекты для бомбежки. Однажды им показался подозрительным тихий утолок за бугром, так чуть ли ни весь авиаполк ссыпал здесь бомбы. В другой раз клочок леса бомбили до тех пор, пока он не стал темным пятном на зеленом фоне. Благо, там ничего не было, кроме ложной батареи с деревянными стволами.

Вражеские пикировщики, точно коршуны, клевали наших артиллеристов, заставляли молчать батареи часами. Но когда заместитель командира комсомольского полка Визиров сказал на КП седьмой роты, что в дивизиях просят саперов-комсомольцев, хотя бы по одному отделению, все насторожились. Политрук Бугриев забарабанил пальцами по столу, лейтенант Ромашков, и так всегда угрюмый, сердито надулся.

— Так как же, товарищ Бенецкий? — хитровато прищурился Визиров. — Добровольцы найдутся? Или действовать приказным порядком?

— Товарищ подполковник! Но они ведь все равно прибегут обратно! Вы же знаете, что значит для них — расстаться с полком...

— Знаю, — улыбнулся Визиров. — Еще по Ростову. Сколько там человек заплуталось? Тринадцать? И почти

все вернулись в свои батальоны, кто в обмундировании артиллериста, кто кавалериста. Их задержали, переодели, а они все равно ушли.

— Художник Анатолий Греков из особого отдела сбежал, — мрачно вставил Ромашков. — Чуть под трибунал не угодил.

Визиров встал, прошелся по намытым до блеска половицам.

— Ясно, — сказал он. — Я сам против превращения саперов в кого бы то ни было. Но если уж попал в другую часть, убегать нельзя. За такое можно и под трибунал угодить. Однако артиллеристам надо помочь. — Лоб Визирова прорезала вертикальная черточка. — Окопы у них неглубокие, щелей порядочных нет. Куда им прятаться? А земля-то — камень сплошной. Ромашков, ты, дружок, не хмурься! Подбери-ка лучше ребят. Пусть ваш художник пойдет, Греков. Ну и Тарасевич, конечно, редактор. Богача надо взять.

Группу красноармейцев седьмой роты возглавил Ромашков. Как же они завидовали приятелям из девятой роты! Те получили задание минировать под носом у фашистов, а этих в тихую низинку послали.

— За что нас подальше от немцев-то? — громко обижался Греков.

— Ладно, — оборвал его Ромашков. — Еще посмотреть надо, как тут у артиллеристов.

Посмотрели. И больше уже не роптали. Да такая тыловая работа фронта стоит! Бомбы сверху так и сыплются.

— Нас еще вчера засекли, — сообщил один из артиллеристов. — Обстреливают беспрерывно. На новую позицию перейти не можем — не оборудована. Командир пообещал: комсомольцев пришлем. А что, правда, у вас все в полку комсомольцы?

— Теперь почти одна треть коммунистов, — сказал Тарасевич. — Остальные комсомольцы.

— Ишь ты! — Артиллерист оглядел ребят с явным уважением. — У меня дома сыны такие, как вы. Тоже на фронт рвутся...

Застучали инструменты. Скорее, скорее! Нужно подготовить артиллеристам новые окопы. Старые изрыты снарядами, по ним бьют без передышки.

Вещмешки на раскидистом дереве, как гигантские плоды висят. У ствола автоматы, винтовки. Саперы выковыривают камни-голыши из земли, подрубают неподатливый каменистый пласт. И не видят, что за кустами гитлеровцы притаились. Проникли в наш тыл за «языком». Ребята в котловане безоружны — кирки да лопаты в руках. Окружили их немецкие автоматчики со всех сторон.

Распрямылся Ромашков, смахнул капли пота со щек, чтобы глаза не заливали, а прямо на него дуло автомата нацелено.

— Сдавайся, русс!

Как тут до своих винтовок добраться? Отрезан путь к ним.

Греков, не долго думая, взмахнул лопатой. Рухнул тот, что в Ромашкова целился. Замелькали ломы, зазвенели фашистские каски. Тарасевич орудовал киркой, как палицей. Сбились все в одну кучу — и наши, и немцы. Пыхтят, борются, вскрикивают. Стрелять врагам смысла нет, потому что артиллеристы могут сбежаться.

Но они и так подоспели саперам на выручку, словно почувствовали что-то неладное.

Продолговатая поляна отделяла нашу оборону, ее передовые линии от неприятеля. Гитлеровцы скопились здесь для атаки и ждали подходящего момента, чтобы

наброситься на 82-й стрелковый полк 32-й гвардейской дивизии, смять его и двинуться в сторону Туапсе.

Всю ночь саперы минировали поляну. Утомились так, что хоть ложись тут же рядом со своими минами и отдыхай. Погасли звезды на небе, посветлело оно, край его, тот, откуда должно взойти солнце, слабо окрасился, зарозовел. И тут появились немцы. Они вытягивались в цепь, в другую, в третью... Цепи автоматчиков приближались к поляне. Куда деваться саперам? Уйти отсюда уже невозможно. Даже не уползти. Сразу заметят, перестреляют в затылок всех до одного. Вон их сколько, врагов-то.

Внезапно затакали пулеметы Дегтярева. Пулеметчики, которых лично подобрал Евтушенко, указал им позиции, первыми заметили опасность. Они и вынудили гитлеровцев отступить. Саперы понимали, что для них это только отсрочка. При вторичной атаке навряд ли удастся спастись.

О том же самом думали и пулеметчики. Сергей Иванов давно уже выбрал пригорок поудобнее, где кусты росли погуще, оборудовал ячейку для стрельбы из ручного пулемета, сделал запасную площадку и замаскировался. Он-то раньше других пулеметчиков и дал длинную очередь по врагу, заставил его откатиться. Немцы попятились, потом шарахнулись по сторонам, начали обходить роту саперов, застрявших на поле, и пулеметчиков, охранявших их. Предстоял серьезный бой. Основная масса противника хлынула к Иванову, чья огневая точка играла особую роль в спасении саперов.

Гитлеровцы уже не шагали в открытую. Они изменили свой боевой порядок, стали приближаться перебежкой, крадучись. Иванов нажал на спуск — враги залегли. Снова поднялись, упрямо полезли. «Если подойдут на дистанцию броска гранаты, тогда все, — прикинул боец, — несдобровать мне тогда». Его пулемет опять загремел.

Вдруг голос, хриплый, отрывистый, как лай:
— Иван! Переходи к нам. К маме отпустим!

Вот мерзавцы! Узнали, должно быть, что здесь молодые воют. Пусть младшему сержанту Иванову только-только восемнадцать исполнилось, но он уже кандидат в партию. И карточку кандидатскую получил накануне. В кармане у него письмо родным. «Дорогая мама, буду сражаться коммунистом».

Они решили взять его живым. Дорого обошлось им это: то тут, то там падали под губительным огнем пулеметчика Иванова фашисты. С потерями не считались, не обращали внимания на стрельбу с фланга, откуда ударили наши гвардейцы. Лишь бы добраться до русского. Взглянуть на него: каков он, этот смельчак? Но пулемет захлебнулся. Насквозь пробитое сердце Сергея Иванова остановилось.

После боя его подобрали свои же ребята, вытащили залитую кровью кандидатскую карточку и письмо. «Дорогая мама...» Да, он сражался коммунистом и погиб, как коммунист.

Бой еще продолжался, то затухал, то разгорался с новой силой, когда у подножия «Индюка» на партийном бюро полка принимали в партию лучших комсомольцев. Секретарь партбюро Киселев зачитал заявление одного из первых орденосцев полка Джабраила Аллахвердиева, который сидел тут же, на каменном выступе, прижимая к себе автомат. На его счету было много славных дел. Подорвал в Донбассе мост, справился с заданием, хоть с неба самолеты обстреливали, а с суши танки одолевали. В предгорьях Кавказа с горсткой комсомольцев оборонял высоту под Хадыженском, проявил тактическое умение — были построены такие дзоты, откуда не только стреляли, но и гранаты метали. Сунулись туда гитлеровцы, да и отпрянули. А тем временем многие подразделения окружения избежали... Кто же этого не знает?

Грудь Аллахвердиева украшают орден Красного Знамени и медаль «За отвагу» — красноречивые награды. И биография его известна, хотя не так уж много событий за короткую жизнь произошло. Окончил среднюю школу. Поступил в индустриальный институт. Но какая может быть учеба, если Родина в смертельной опасности. Пошел добровольцем в полк.

Приняли Аллахвердиева в кандидаты партии единогласно. Демин едва успел его поздравить, как вызвали к командиру полка. И комиссара третьего батальона Юрасова, и старшину Аллахвердиева потребовали.

— В чем дело? — забеспокоился Кушкис.

— Девятая рота окружена!

Надо выручать ребят. Юрасов связался с комдивом 32-й. Генерал Тихонов обещал помочь.

— Зачем шум поднимать? — загорячился Аллахвердиев. — Давайте тихо уведем роту.

Комиссар согласился с ним.

Пошли они вдвоем. Бурлил на перекатах вертлявый Пшиш, норовил выскочить из берегов. Хлопья желтоватой пены скапливались там, где течение было поспокойнее, а середина реки краснела, переливаясь под закатным малиновым солнцем. Что ж, в случае обстрела можно прыгнуть в воду.

У восточной окраины станицы Куринской пальба заметно усилилась. Справа и слева заняли пули, будто кто осиное гнездо разворошил. В трех шагах посыпались ветки, срезанные пулеметной очередью. День угасал, но все-таки было можно еще разглядеть там, вверху, откуда стреляли, силуэты врагов. Далеко они, не страшно. Однако неожиданно затрещало рядом. Вспышки озарили «машингевер» и солдатскую каску.

— Бьет наугад, — шепнул комиссар.

— Ничего, сейчас замолчит, — усмехнулся старшина.

Он юркнул в траву и ящерицей, извиваясь, пополз на пригорок. Ни шороха. И кусты неподвижны, словно не задевает их совсем разведчик. Где он — не поймешь, путь его проследить нельзя.

Минута, две, три... Нет старшины. А пулемет не унимается. По-прежнему строчит по реке и немного правее, в спину саперам. Слева тоже бьют, причем по звуку: чужие. Лишь изредка откликается «максим» или «дегтяревец». Время тянется медленно. Поторопить бы его, подогнать...

Трава раздвинулась чуть ли не у самых ног Юрасова. Встал перед ним Аллахвердиев. Четкие брови лукаво изогнуты, белозубая улыбка.

— Все в порядке.

Продвигаются вместе дальше. Впереди овраг, там что-то дымится. Какие-то люди мелькают. Свои или чужие? Старшина и комиссар приготовили лимонки. Подождали, пока дым рассеялся. Похоже, что это саперы. Ротная кухня перевернута — ведь не стали бы немцы стрелять по своим. А, впрочем, осторожность никогда не мешает. Понаблюдать надо, выяснить наверняка.

— Руки вверх!

Затвор винтовки щелкнул между Юрасовым и Аллахвердиевым. Значит, все-таки наши! Прибежал командир окруженной роты старший лейтенант Борис Бейлин.

— Товарищ комиссар! Как вы к нам попали?

— Вызволять вас пришли. — Юрасов похлопал его по плечу. — Прикажете командирам подтягивать сюда роту. Только бесшумно. Иначе дело погубим.

Пока саперы снимались с бывшей нейтральной полосы, Бейлин рассказал, как все произошло.

...Комсомольцы с утра зарывали в лунки заряды с детонаторами, начинали ими вытянутую поляну, которая отделяла нашу оборону от вражеской. На зорьке

разыгрался тот самый бой. Пулеметчики сбили с толку гитлеровцев, отшвырнули их с поляны, где скрывались саперы, стараясь ничем не выдать себя.

Огневая точка на пригорке была уничтожена, младший сержант Иванов погиб, и немцы окружили роту. Они застряли в нескольких шагах от красноармейских окопов, так как дальше их не пустили гвардейцы.

— Хотели ночью прорваться, — сказал Бейлин. Ему до сих пор не верилось, что подоспела помощь, и он поворачивался то к комиссару, то к старшине, теребил их за рукава, словно желая удостовериться, что действительно свои люди рядом с ним.

Рота была отрезана от берега. Река близко, а напиться нельзя. Слушали, как плещется вода, и облизывали пересохшие губы. И есть хотелось, конечно. Правда, Романовский и Король еще до прихода Юрасова и Аллахвердиева ухитрились-таки натаскать с полкотла водички. Утолили немного жажду и кашу заварили из остатков пшена. Потянулись к котлу из каждого отделения бойцы с котелками. Уже и повар поварешку взял. Да ухнул снаряд прямо в кухню. Разорваться — не разорвался, но котел перевернул. Так и не удалось отведать каши — вся по прелым листьям расползлась, с мокрой землей смешалась.

...Не ожидая, когда снимется вся рота, Юрасов и Бейлин направляли группы бойцов к берегу. Раньше других окунулись в воду пулеметчики.

— Идите по руслу, — напутствовал Аллахвердиев. — Будьте осторожны, особенно вон у того поворота. Там стреляют непрерывно. Накроют минами — падайте в воду. Да берегите оружие, может, отстреливаться придется.

Проводили последнюю группу. Тогда двинулись и сами: Бейлин с посыльным, комиссар и старшина. До чего же тихо! Будто и нет никакой войны. Словно не из

окружения они выбирают, а так себе, прогуливаются. Свежим воздухом дышат. Пряно пахнут какие-то растения, шебуршат в них всякие букашки.

Злосчастный «кувшин» опустел — вырвались из него саперы-комсомольцы. Из-под ног гладкие камешки выскользывают, да вода похлопывает. И продолжается ночная жизнь в прибрежных травах. Рота миновала опасные «ворота». Застряли одни замыкающие — видно, противник спохватился, что упустил саперов, принялся палить из орудий. Река теперь позади, в воде не спасешься.

— Бежим! — крикнул Бейлин.

Свои-то совсем близко. Воронки где-то тут. Но разве их в темноте разглядишь? Плюхаются снаряды, пылица — не продохнешь. Юрасов прижался к стене обрыва, а тут снаряд — бух! — в двух метрах от него. Обомлели все, скатились под обрыв. Снаряд же лежит как ни в чем не бывало. Не взрывается.

Подоспели из роты с носилками. Пригляделись — все живы-здоровы. Как же так? Странный снаряд... Аллахвердиев пошутил:

— Никак брат того снаряда, который с кашей познакомился?

Потом уже выяснилось, что в корпусе этого снаряда, что возле Юрасова лег, — песок. Вся начинка из песка, а в середине записка «Чем можем — поможем». Очевидно, немецкие рабочие русским посочувствовали. Может, и кто еще. Мало ли французов, чехов, поляков и бельгийцев на германских заводах работало.

— А Аллахвердиев-то наш, — говорил в полку комиссар, — словно олень по опасным тропам бегаёт. Если б не он, не выбрались бы мы, наверно.

Вырвавшись из тисков под Куринской, девятая рота отдыхала. У северного подножия Елисаветпольского перевала натянули палатки. Сверху — кроны скального дуба. Сквозь их листву не пробиться лучам жгучего солнца. И самолеты вражеские сколько ни высматривают, а саперов не видят — надежно укрылись. Крепко заснули, как, может быть, спали только дома возле матерей и братьев.

А у Павла Черкасова — ни брата-близнеца, ни матери. Умерла она с горя... Один Витька остался, младший братишка, несмышлениш. Принесли эту весть через линию фронта партизаны. И с тех пор мучает Черкасова бессонница. Ворочается он с боку на бок, то на живот ляжет, то на спину. Уж и считать про себя пробует: «Раз, два, три, четыре, пять...» Не берет его сон и все.

Вернулся из штаба батальона Бейлин. Тоже прилег.

— Завтра «ложными мостиками» заниматься будем, — шепотом сообщил он Черкасову. — На серпантине перевала. Нелегко придется. Порода-то скальная... Спи давай, сил набирайся.

— Я стараюсь, — кратко ответил Черкасов.

Забиться бы хоть на часок. Отвлечься от мыслей своих. Брат Николай, мама... Нет, не надо об этом. Значит, «ложные мостики»? Их еще называют могилами для фашистских танков. Меткое название! На проезжей части дороги — глубокая яма. Перекрытие замаскировано. Сунется танк — тут ему и могила.

— Трудно их выдалбливать, — вздохнул Черкасов.

— Что? — Бейлин мгновенно очнулся, смахнул муху со лба, потянулся.

— Да я про «ложные мостики».

— Тебе-то придется иметь дело с настоящим мостом. Особое задание. Кого в напарники возьмешь?

— Толю Романовского.

— Ну да, вы же с ним приятели.

— Друзья.

— Хороший он парень.

Бейлин сладко зевнул и тут же уснул снова. Черкасов согнал с него назойливую муху, стал наблюдать, как она, устроившись на его собственном колене, перебирает передними лапками, приподнимает слюдяные крылышки, готовится к полету. Ей все равно — сейчас здесь летает, через час у врагов.

Горный поток веками трудился и проточил в скалах овраг. За тем оврагом — передовая. Единственный мост соединяет ее с фронтовым тылом. По нему проходили машины, пехота и кавалерия напрямик, не делая огромный крюк по горам. По нему же нашим войскам доставлялись на передовую боеприпасы, продовольствие.

Фашистам давно хотелось захватить мост. Наше командование поставило перед комсомольским полком задачу: во что бы то ни стало переправу сохранить. В крайнем случае, заминировать, чтобы взорвать в нужный момент.

Павел Черкасов и Анатолий Романовский, нагруженные взрывчаткой, остановились под настилом. Где лучше подвести заряд? Прикрепить бы к прогонам, но как достать? Высоко.

— Залазь мне на плечи, — предложил Черкасов другу. — Давай, давай!

Тот кое-как вскарабкался на него вместе с опасным грузом, стал устанавливать заряд. Вставил детонаторы. Протянул бикфордовы шнуры. Вроде все. Романовский по-кошачьи мягко спрыгнул вниз. Теперь они распределили секторы наблюдения.

Ну и темнота! Смотри-не смотри — ничего не разглядишь. К тому же Черкасова начала одолевать дрема. Сказались бессонная ночь и напряжение последних дней. Слипаются веки, хоть пальцами их раздвигай. Скоро ли зорька-то? Он встряхнулся,

побольнее ущипнул себя. Так и щипал время от времени, пока не забрезжил рассвет.

Вдруг над головой загудело. Самолет. Вражеский. Подошел Романовский, погрозил небу кулаком.

— Черт рогатый крутится спозаранку.

Черкасов следил за «фокке-вульфom» взглядом. Неторопливо он плыл, спокойно так. Потом от него отделились бомбы, словно черные капли.

Взрывная волна разметала друзей в разные стороны. Черкасова прижала к стволу кряжистого дуба, Романовского свалила в кювет. Очнулся Черкасов от удара, а струйка дыма уже порхает у прогонов моста, подбирается к минному заряду. Взорвется мост! Но ведь приказано сохранить его, лишь в крайнем случае разрушить. Не идут ноги Черкасова. Крикнуть и то не может — стонет. Сверхчеловеческим усилием дотянулся он рукой до спусковой скобы. Грянул выстрел, но шнур перебить не удалось.

Контуженный Романовский привстал. Закачался.

— Павлик, жив?

У Черкасова губы шевелятся, а слов его не слышно. Смотрит он на мост. Глянул туда и Романовский. Вздрогнул: дымок по шнурам приближается к заряду, до детонаторов — считанные сантиметры...

Подскочил он к мосту, выхватил из чехла финский нож, взмахнул. И не достал. Резкой болью в голове движение это отозвалось. До взрыва какие-то секунды. Тут Черкасов подполз, подставил себя, окровавленного, вместо опоры. Как уж Романовский забрался без его помощи на крутую стену — до сих пор не знает. Только перерубил провода у самого детонатора. Спас мост.

Обессиленный рухнул рядом с Черкасовым. Успел заметить улыбку друга. И потерял сознание. Последний раз улыбнулся тогда Павел Черкасов. Сомкнулись его черные ресницы, окаменело лицо, нос заострился. А небо, уже совсем голубое, осветилось солнцем. И не

было в нем больше «фокке-вульфа», который убил комсомольца. Сделал свое черное дело и улетел.

Романовского отправили в госпиталь. Черкасова похоронили на вершине перевала, чуть западнее дороги. На дощечке надпись: «Красноармеец Черкасов Павел Иванович родился в 1924 году, погиб 28 августа 1942 года».

Саперы сооружали «ложные мостики» на пологом повороте, когда подкатил санитарный автобус. Притормозил. Из него выпрыгнула синеглазая девушка с санитарной сумкой через плечо.

— Хлопцы, где Черкасов Павлик?

Ребята переглянулись. Тарасевич махнул рукой в сторону перевала.

— Там он.

— Теперь ему медицинская помощь не нужна, — тихо добавил Греков.

Девушка не дослушала — она очень торопилась. Забралась в машину, и та рванула с места. Сегодня они должны обязательно увидеться: Павел и Оксана.

Автобус взобрался на ровное горное плато. Шофер подрулил к ветвистому скальному дубу, остановил машину. Над группой красноармейцев грянул прощальный винтовочный залп. С кем расставались они? Оксана поправила косынку, пошла взглянуть на свежий холмик земли.

Она все ускоряла шаги, почти бежала, и жесткая сумка била ее по боку. Почему так тоскливо? Какая-то тяжесть навалилась на Оксану. Пришлось встать, перевести дыхание. Земляной холмик уже близко. На дощечке буквы. Что такое? Нет, не может быть! И все же она заставила себя дочитать. Вот, значит, как встретились...

Оксана прислонилась к дубу и медленно сползла по нему вниз на твердые комья земли. Шофер охнул, стал поднимать ее.

— Голубушка! Очнись!

Красноармейцы обступили их.

— К жениху, видишь, приехала, а жених-то мертвый, — ответил на их расспросы шофер. — Голубушка, — обернулся он к Оксане, — ты поплачь, легче будет!

Глава пятнадцатая

1

Наступил сентябрь, а солнце светило по-летнему. И зелень была свежей, сочной, желтизна еще не тронула ее. Шумели широколиственные деревья по склонам гор.

Седьмая рота шла на задание. А тут откуда ни возьмись — целая эскадрилья. Налетели вражеские самолеты, атаковали саперов. Когда узнал об этом Визиров, он в отчаянии сдвинул руками виски.

— Есть потери, Бенецкий?

— Нет, товарищ подполковник. Обошлось, к счастью. Только оглушило многих. И красноармеец Кутепов лишился речи.

Удивительно, как бомбы никого не задели. Сыпались ведь с каждого самолета, словно фасоль из лопнувшего стручка, обезобразили всю местность. А люди уцелели. Сейчас они сгрудились возле Визирова, делились с ним пережитым.

В сентябре в полку прошли большие изменения: выбыл командир полка Насонов, был отозван в политуправление Черноморской группы войск Закавказского фронта и направлен для выполнения спецзадания Киселев, секретарем партбюро полка избрали Кушкиса. Последнее особенно взволновало ребят. Поэтому они пользовались случаем — допытывались у подполковника Визирова:

— Кто же теперь нами, комсомольцами, руководить будет?

— Тот, кто руководил у вас в роте, — сказал командир полка. — Илья Архипович Холодов.

— Илюша? — вскричал редактор боевого листка Тарасевич Миша. — Комсорг нашей роты?

- Он самый.
- Вот здорово!

Визиров обрисовал обстановку на фронте. Противник не сумел прорвать нашу оборону севернее Туапсе. Обломал себе зубы здесь. Наверное, теперь попытается нажать на фланги. Во всяком случае, уже нацелился на Волчьи Ворота, чтобы опуститься в долину реки Псекупс. Встретил там отпор со стороны 395-й стрелковой дивизии генерала Петраковского. И вот пытается прорваться через Островскую щель, охватить Туапсе справа и слева. Главный удар стремится нанести в лоб.

— Вы, товарищ Юрасов, обратите внимание на восьмую роту, — наказал Визиров. — Эта рота в самом невыгодном положении. Семятковский отозван. За комбата — Евтушенко, он опытен, но молод еще. Помогайте ему. Прямо завтра же постарайтесь наведаться в восьмую. Попутно загляните на КП комдива тридцать второй.

— Слушаюсь, товарищ подполковник.

Восьмая рота сооружала траншеи для 80-го гвардейского полка на вершине крутой горы за Куринской. Одну из групп возглавлял комроты Ревунов, другую политрук Никоян. Оба поторапливали саперов, потому что начнись интенсивный артобстрел — и негде укрыться. Скальный грунт плохо поддавался, дно вырубали ночами, когда противник успокаивался, замолкал хоть ненадолго. Но стоило посильнее стукнуть киркой, и немцы в ответ посылали сюда мину за миной.

Приноровились саперы к дневной работе. Укрывались ветками, бурьяном маскировались и колупали каменное дно ломиками. Враги палили из минометов, но их «посылки» перелетали через бойцов, падали далеко за ними.

Похоже было, что гитлеровцы накапливаются для атаки. Так и есть! На горе еще гремели мины, а у подножия уже зашелестели на ветках листья.

Автоматчики устремились на подъем без выстрелов. Их вовремя заметили, красноармейцы застрочили из пулеметов. Но враги лезли напролом, подгоняемые резкими командами.

Только отбили одну атаку, как через несколько минут хлынула новая волна автоматчиков. Эти не молчали. Напротив, кричали и стреляли, стараясь произвести как можно больше шума. Были они напористыми, и Ревунов обеспокоенно поглядел на Никояна.

— Сурен, смять могут.

— Да, дорогой, я уж думал.

— Поможем родной пехоте?

— Конечно, дорогой. Запретили нам в бой ввязываться, да разве удержишься?

Во взводе Алдушина Сергей Иванчиков установил на каменном выступе ручной пулемет. Прижался плечом к массивному прикладу и позвал товарища:

— Костя! Тащи коробки!

Костя Козлов пополз к нему с магазинами. Лейтенант Алдушин заметил и крикнул:

— Куда? Сказано: боя избегать.

— Алдушин! — вмешался Ревунов. — Позволь ты им... Видишь, сколько фрицев.

Командиры взводов Алдушин и Колеров только и ждали разрешения. Стали направлять огонь отделений. Бить, так в самую гущу гитлеровцев. Иванчиков перезаряжал оружие, Козлов подавал ему диски. Олейник, Свешников, Барлит и Яценко нажимали на спусковые крючки винтовок и автоматов. Никто из них не терял ни минуты.

Скоро ствол пулемета у Иванчикова накалился докрасна. До него невозможно было дотронуться. Тогда боец начал забрасывать фашистов лимонками. Много врагов полегло на крутом склоне каменистой горы. Но гитлеровцы не унимались.

В блиндаже комдива 32-й, куда пригласили комбата и комиссара, генерал Тихонов поблагодарил саперов. Молодцы! С заданием справились в срок. И помогли гвардейцам отразить несколько атак.

— Передайте своим орлятам, — сказал генерал, — мою сердечную благодарность. Но пусть в пекло не лезут. Стрелять сами мы умеем, а вырубать в скале убежище или заминировать дорогу не можем. Под Хадыжами до сих пор на приколе тяжелые немецкие танки. Ваших орлят заслуга! Я приказал лучше оберегать саперов комсомольского полка.

— Товарищ генерал, вас.

Телефонистка подала ему трубку. Он выслушал, потом повернулся к собеседникам.

— На участке восьмидесятого немцы опять готовятся к атаке. Там же ваши.

— Да, восьмая рота, — подтвердил Евтушенко. — И мы туда сейчас.

— В таком случае я вас не могу задерживать.

Евтушенко и Юрасов выбрались из блиндажа. Их ждала машина.

— Что будем делать, комиссар? — спросил Евтушенко. — На машине опасно...

— А пешком не успеем, — закончил за него Юрасов.

Пришлось рискнуть. Полупортка с крытым кузовом стремительно помчалась по безлюдной улице села. Жителей нигде не видно — сидят в погребках. Собаки и те попрятались, не лают. Конечно, машина привлекла внимание противника, по ней открыли беглый огонь. Снаряды и мины рвались позади.

Едва саперы выбросили последние крошки со дна траншеи, как явились хозяева обороны пехотинцы.

— Может, закурим на прощание? — предложил усатый пехотинец и достал из кармана расшитый шелком кисет. — Попробуйте нашего гвардейского, а? Ребята, спички есть?

Лейтенант Колеров протянул ему коробок спичек.

— Ваш гвардейский табак, наш комсомольский огонек. Оставьте у себя, у меня есть еще.

— Ну спасибо!

Никоян и Ревунов смотрели, как проносится сквозь рой осколков полуторка. Казалось, вот-вот от нее одни щепки останутся. Но нет, машина каким-то образом уклонялась от снарядов, выныривала из-под самых мин. Доехала благополучно. Юрасов и Евтушенко поднялись на вершину горы. Немцы как раз снова пошли в атаку, их отбросили опять. Наступило затишье.

Рота расположилась на отдых. Готовился ужин, вкусно запахло наваристой похлебкой, вскипел чай.

— Что ж вы, братцы, в бой лезете? — укорял ребят Евтушенко. — Запрещено ведь.

— А что нам остается? — удивился Костя Козлов. — На нас же прут!

— Генерал Тихонов просил не ввязываться в драку.

Комиссар рассказал комсомольцам, как погиб молодой коммунист Сергей Иванов, прочитал его неотправленное письмо. «Буду сражаться коммунистом».

Ребята притихли. Долго молчали.

— У нас тут другое письмо есть, — нарушил тишину политрук Никоян. — Нашли в кармане убитого немца. Черников, прочитай-ка. И переведи.

Сержант Черников развернул исписанный по-немецки листок. Какой-то Колвайт жаловался на «русское упрямство». Он, на чем свет стоит, ругал саперов, которые понаставили мины. Из окопа вылезать страшно. Саперы до того упрямы, что на шаг отступить не желают. Они вроде коммунистов, но юные еще. Из школы пришли на фронт. «Когда мы станем здесь, на Востоке, хозяевами, закроем все школы и институты. Для того, чтобы мой дворник хорошо подметал улицу, ему не нужно иметь образование».

Такой вот вывод делал в заключение Колвайт. Правда, он уже мертв. А если бы остался в живых и принялся осуществлять свои варварские идеи?

Когда все заснули, Никоян и Черников начали обдумывать, как дать достойный ответ на письмо Колвайта. И придумали. Тотчас разбудили нескольких комсомольцев, отправились с ними в тыл противника.

А утром к передовой подошли немецкие автомашины. Заскрипели тормоза. Водители прочитали предупреждение: «Стой! Дорога заминирована. Объезд слева».

Машины двинулись влево и, конечно, налетели на мины. Никоян и Черников не пожалели взрывчатки — заложили заряды двойной силы.

2

В полк прибыли кинооператоры. Дотошные такие. Один в кепке, другой в сером берете. Кругом бои, Демин не знает, куда ему девать неожиданных гостей. А гости, в свою очередь, беспокоятся: что же снимать-то будут? Найдется ли подходящий фон, произойдут ли на нем подходящие события?

— Нужен эффектный момент на передовой, — объяснил комиссару полка тот, что в кепке.

Направили «киношников» в Островскую щель. Пожалуйста! Здесь сплошные эффекты. Гитлеровцы устремились сюда, чтобы обходным путем выйти к Туапсе. И второй батальон получил задание превратить знаменитое дефиле в ловушку. Уже приступили к операции.

Блажко и Артюшенко приняли гостей с подобающим тактом. Старались меньше смотреть на штативы и аппаратуру. Знакомили с обстановкой. Затем проводили в район, который интересовал «киношников».

Кинооператоры поднялись на скалистую террасу. Огляделись. Расставили треноги, приладили аппаратуру. Стали поочередно прикидывать к видеоискателям. Как видно, панорама устраивала их. Причудливые скалы, богатая и разнообразная растительность, красивая перспектива. Оставалось выждать момент. Тот самый, эффектный.

«Благоприятная» обстановка для съемки создавалась быстро: со стороны Хадыжей показались бомбардировщики в сопровождении истребителей. Шли прямо на щель. Пролетели над скалистой тесниной, развернулись и освободили люки от груза над подозрительными объектами. Мишеней было много. Только с близкого расстояния становилось понятно, что это все чучела да обрубки деревьев, имитирующие стволы орудий.

На хитро установленные предметы ложной маскировки посыпались бомбы. Пустырь и буераки вздыбились пылью. Кинооператоры остались довольны. Но вот перед их объективами возникли фигуры врагов. Началась атака. Застучали пулеметы, причем, не так уж далеко. «Надо бы в укрытие, — подумал тот, что в берете. — Мы снимали, а сейчас, пожалуй, нас какой-нибудь снайпер снимет».

Они повернули объективы в противоположную сторону. Что за вид! Морской простор, не уловишь границу с небом — все сливается.

— Ну и пейзаж! — снял кепку один.

— Изумительные кадры, — поправил берет на голове другой.

Так и не ушли в укрытие, пока не отсняли то, что интересовало, хоть вокруг щелкали пули. Такие уж они были энтузиасты своего дела.

Через день полили дожди, затяжные, холодные. В горах, словно весной, зазвенели ручьи. Окопы наполнились мутной водой, ее вычерпываешь, а она все

прибывает. Никакое перекрытие с пористым грунтом не могло удержать воду. Саперы подстилали ветки, устраивались, как могли.

— Небо прохудилось, что ли, политрук? — спрашивал Николай Фурманов своего друга Василия Васютина.

— Потерпи, Коля, — отвечал тот. — Боюсь только, не обрадуемся мы хорошей погоде...

— Ну, ты напророчишь!

И точно. Дождь поливал пять суток подряд. Но лишь проглянуло робкое солнце, как налетела вражеская авиация. По сотне самолетов сразу кружились над горами, бомбы летели куда попало. На протяжении десяти — двенадцати километров местность была взрыта, исковеркана. И снова враг стал наступать на Туапсе. Потеснил 32-ю стрелковую дивизию, занял Шаумян.

Потом пришлось ему повернуть вправо, на Садовую, чтобы соединиться с частями, наступающими со стороны Горячих Ключей, и по долине реки Псекупс прорвать туапсинские обводы. Противник рвался через Волчьи Ворота на Фанагорийское, хотел справа подойти к Туапсе. Но снайперы 395-й стрелковой дивизии наглухо заперли ворота.

Третий батальон комсомольского полка днями и ночами занимался фортификацией в районе Садовой. Трудились не покладая рук. Однако связь с двумя другими батальонами оборвалась, и саперы приуныли.

— Забыли нас, что ли, Сурен Амазаспович? — тихо делился Евтушенко с политруком восьмой роты. — Сухари доели. Сахар давно кончился. А продовольственников нет и нет.

— Да, Данил Данилыч, на подножных кормах долго не протянешь.

И Никоян потуже затягивал ремень.

Евтушенко собрал командиров рот и взводов.

— Ну, как люди?

— Каштаны собирают, — сказал Бейлин. — Король пошел с ребятами.

— Опять жареные каштаны! — вскипел Никоян. — Скажи, дорогой, — обратился он к Евтушенко. — Зачем ждать? Надо посылать людей в полк, так я считаю.

В штабе полка, между тем, тоже беспокоились. Как доставить продукты третьему батальону? Посылали машины — их разбомбили. Направили караван — лошадей гитлеровцы перебили, а людей покалечили. Днем самолеты не дают шагу шагнуть, а за ночь не управиться.

Группе солдат, возглавляемой Юрасовым, поручили пробиться к нашим.

На рассвете 24 октября была предпринята новая попытка. Необычная кавалькада двинулась в сторону Шаумяна, где противник никак не ожидал появления красноармейцев. Навьюченные ишаки и лошади зацокали копытами по хребту перевала. Впереди открытая, совершенно голая каменистая возвышенность — настоящее лобное место.

Немцы долго всматривалась в животных и погонщиков, как видно соображали: что же это такое? Потом засуетились у орудий. Открыли беспорядочный артогонь. Снаряды разрывались слева и справа, спереди и сзади. «Взяли в вилку, — подумал Юрасов, — третьим залпом накроют совсем».

— Бредихин! — крикнул он старшине хозвзвода. — Тащи своего Россинанда вон на ту террасу. — Может, пойдет там.

Вопреки сомнениям, лошади пошли по каменистым ступенькам. Ишаки запрямились. Встали, как

вкопанные, — и ни в какую. Проводники все хворостины измочалили об их спины. А те помахивают хвостами, с места не двигаются. Хоть пропади. И вдруг длинные уши сереньких упрямец все враз встопорщились: уловили шум. словно почуяв, где можно спастись, ишаки сами, добровольно повернули к каменной лестнице.

Миновали-таки «лобное место»! Караван спустился вниз, и противник потерял его из виду. Однако напоминал о себе, периодически посылал вслед мины и снаряды. «Посылки» эти прилетали так часто, что люди вконец измучились, бросаясь то в одну, то в другую сторону во время взрывов. Да надо же было еще тянуть за собой животных.

— Долбят наугад, — сказал старшина, поднимаясь и отряхиваясь после очередной «посылки».

— Видели сколько «катюш» в лощине под Шаумяном? — спросил кто-то. — Вот бы стукнули по фрицам!

И действительно через некоторое время загремели залпы грозных «катюш», подхваченные эхом в горах. Саперы-проводники повеселели, стали подгонять лошадей. Ишаки опять сами догадались, что нужно торопиться: дробно затюкали копытцами.

Под «Индюком» все время следили за группой Юрасова в бинокль. Видели фонтаны земли и щебня, поднятые над каменной горой вражескими снарядами. Удалось ли сохранить караван? Спаслись люди или нет? Визиров не мог ответить на такие вопросы утвердительно, поэтому послал вслед за караваном связного.

Между тем группа свернула на прогалину, прорезанную узкой тропой. Ветки уже не хлестали по глазам, как прежде, сучья не рвали одежду. Здесь никто не стрелял. Люди и животные зашагали спокойнее.

Из-за ближайшего пригорка потянуло дымком. И снова все насторожились. Что там? Главное, кто? Наши

или немцы?

— Остановитесь, — приказал комиссар.

Он пошел разузнать, в чем дело.

Костер. Вокруг него саперы справляют каштановый пир. Добрались, значит, до своих!

Юрасов стоял и смотрел, а саперы ели пюре из каштанов.

— Ну как, ребята? — спросил Никоян, облизывая ложку.

— Совершенная картошка, товарищ политрук, — отозвался Борис Черников. — Сюда бы маслица.

— Лучше б сала! — оживился Сергей Иванчиков. — И пшеница чуток...

Комиссар свернул в девятую роту. Там тоже нажимали на каштаны. Вспоминали, как Петр Король за сук зацепился, брюки порвал. Бойцы пересмеивались.

— Не лазь на верхотуру!

— Так он же у нас лучший заготовитель!

— Нужная специальность!

Юрасов повернулся и только было направился к каравану, как наперерез ему ринулись Евтушенко и Бейлин, а с ними посыльный Визирова.

— Товарищ комиссар!

— Здравствуйте, товарищи!

— Неужели что-то случилось? — Голос Евтушенко дрогнул. — Продукты где?

— Идемте со мной.

Все трое — Бейлин, Евтушенко и посыльный — облегченно вздохнули.

Вот когда, наконец, саперы сытно поужинали. Попили чай с сахаром и улеглись. Задремали. Юрасов и Евтушенко настелили травы в двухметровом квадрате с углублением на штык. Устроились тут оба.

— Твое место, что ли, Данилыч? — спросил комиссар.

— Ну да.

— Не бережешь ты себя, смотрю я. Для других такие убежища строишь, а самому негде от пули спрятаться.

На самом деле полуземлянка-полупалатка командира батальона не могла надежно укрыть его. Это подтвердилось, когда рядом громыхнули мины. Стоило гитлеровцам дать залп из многоствольного миномета, как образовались четыре черных кратера. Мины кромсали траверсы окопов, рушили брустверы. Брезент над головами комбата и комиссара сорвался, и они увидели Никояна верхом на коне. Тот выскочил на пригорок, загарцевал там. А рота спустилась в овраг.

— Что это он? — опешил Юрасов.

— Отвлекает внимание, — высказал предположение Евтушенко.

Удалось обмануть противника. Огонь в том районе, где работала рота, прекратился. Никоян же свалился с коня. Евтушенко вскочил на ноги. «Неужели убит?» — мелькнула у него мысль. Нет, политрук поднялся. Но конь его встать не смог — осколок перебил ему ногу ниже коленного сустава. Животное ржало от боли и страха. Пришлось пристрелить его.

А на дне окопа распласталось безжизненное тело Виктора Мазепы. Он так и упал вместе с саперной лопатой, словно даже после смерти не хотел выпускать ее из рук.

Глава шестнадцатая

1

В полку подвели итоги трехмесячной боевой работы. Визиров отметил в приказе отличившихся, многих представил к наградам. В связи с этим Демин направил политработников в подразделения. Пусть побеседуют с красноармейцами.

Кушкис и Холодов, словно альпинисты, бродили по горам, разыскивали тот или иной взвод третьего батальона. Саперов Сергея Алдушина они обнаружили в укромном местечке близ дороги.

— Что же, товарищи, — сказал Кушкис, когда бойцы обступили его. — Врагу нанесен такой урон в людях и технике, что Туапсе ему теперь не видать. Тут и наша заслуга. Особенно таких мастеров своего дела, как Лихачев, Барлит, Олейник, Иванчиков, Свешников, Яценко, Злой, Филиппов, Кузнецов, Лысюта, Канивец, Березовский...

— Сергей, — тихонько позвал Алдушина Холодов. — Почему не слушаешь? Куда смотришь?

— Машина!

Теперь все заметили «эмку». Она приблизилась, остановилась. Из нее вышли какие-то люди. Один из них усатый. Удивительно знакомое лицо.

— Усищи-то как у Буденного! — высказался Сергей Иванчиков.

На него зашикали. Потому что другие уже поняли: это и есть Буденный. Командующий фронтом. Визиров и Демин, встретившие Буденного в расположении полка, сопровождали его.

Семен Михайлович поздоровался со всеми.

— Ну как вы здесь? — спросил он командира полка. — Слышал о вас!

Он прошелся по каменистой тропе. Достал цейсовский бинокль, посмотрел. Вдали заметил конников. Пошевелил мохнатыми бровями. Кивнул головой и улыбнулся.

— Засиделись мои казаченьки. Пора на раздолье, пускай разгуляются. Тесно им тут.

— Наши хлопцы дружили в Донбассе с триста восемьдесят третьей проваловской дивизией, — сказал Визиров. — А на Кавказе с конниками семнадцатого кавкорпуса. Еще под Шкуринской помогали лихим кавалеристам. На танковых направлениях мины ставили.

— Разлучать вас с ними не буду, — загадочно произнес Буденный.

Подошли Кушкис и Холодов. Представились.

— Значит, партийно-комсомольские вожаки?

— Так точно, товарищ Маршал Советского Союза. — Кушкис вытянулся в струнку.

— А скажи, парторг, много в полку коммунистов?

— Человек по пятнадцать — двадцать в роте.

— Ого! Недаром кое-кто мечтал усилить за ваш счет другие инженерные части.

— Товарищ Маршал, неужто наш полк расформируют? — встревожился Холодов. — Неужели разлетятся наши орлята только потому, что стали орлами?

Мохнатые брови Буденного задвигались.

— Нет, комсорг. Не пошла на это Москва. Мне приказано позаботиться о вас. Только будет не полк...

— А что же?

— Комсомольская инженерно-саперная бригада.

Ноябрьский ветер бесцеремонен. Срывает позолоченные наряды с деревьев, оголяет их. Кружатся в воздухе обожженные первыми заморозками листья, сухо шуршат под ногами. В оврагах и буераках они скапливаются кучами.

И саперы надели шинели. Но когда работали, раздевались — становилось жарко.

На фронте ожидалась перемена. Об этом говорило все: и переброска частей, и подготовка к разминированию... Правда, противник захватил горы Гунай, Гейман, взобрался на перевал, а с моря попытался высадить десант в Лазаревке, но получил отпор дивизии Черноморской группы войск.

Скоро инициатива окончательно перешла в руки черноморцев. К тому же приближалась зима, которая ничего хорошего не сулила оккупантам. Прелести русской зимы они уже испытали. Сейчас их донимали в горах холодные бризы, а низины были заминированы. Здесь врагам преграждали путь волчьи ямы, капканы, лесные завалы. Так что надолго запомнились им Гойтхский и Елисаветпольский перевалы, Островская щель, Волчьи Ворота. Горный цветок эдельвейс, в честь которого был назван план покорения Кавказа, расцвел не для них.

Комсомольский инженерный выходил на туапсинскую дорогу. Взводы и роты спускались с крутых вершин в живописную долину, оставляли за собой знакомые горы и пригорки. Свернули на сочинскую дорогу. Город-курорт смотрел вслед уходящим побитыми окнами полуразрушенных домов.

— Прощай, Туапсе! — взмахнул пилоткой Толя Панасюк. — Не забывай нас.

Навсегда остались в горах Павел Черкасов, Виктор Мазепа и Сергей Иванов. Не шагать им рядом с товарищами, не дышать свежим осенним воздухом. Они погибли, защищая Кавказ.

ЧАСТЬ 2

Глава первая

1

Грузинское селение Хашми раскинулось километрах в тридцати от Тбилиси. Издали оно походило на декоративный сад. Ни одной постройки невозможно было разглядеть — так густы деревья и кустарники, даже сейчас, в конце ноября. Округлые, продолговатые, причудливо вырезанные листья, то гляцевые, кожистые, то невесомые, тонюсенькие. И все раскрашены осенью.

Сюда, в это селение, один за другим прибывали батальоны полка, а также отдельные команды для его пополнения. Вместо трех стало пять батальонов, оснащенных новой инженерной техникой, хорошо вооруженных. Так на базе 38-го отдельного комсомольского инженерного полка за каких-то двадцать пять — двадцать восемь дней была создана 64-я инженерно-саперная комсомольская бригада.

Новички быстро вливались в коллектив. Были они не всегда старше ветеранов. Выглядели совсем мальчишками и, конечно, все до одного рвались на передовую. Им не терпелось скорее доказать, на что способны.

До прибытия вновь назначенного командира бригадой руководил его заместитель Визиров. Заместителем по политчасти назначили Кизима. Начальником политотдела стал Демин, а его помощником по комсомольской работе — Холодов. Кушкис возглавил партийную комиссию бригады. Партийные и комсомольские вожаки знакомились с новенькими, подбирали актив.

Фронт готовился к решительному наступлению. Инженерным войскам предстояло проложить путь пехоте, кавалеристам и танкистам. Не минировать, главным образом, должны были они, а ликвидировать минные поля, расчищать дорогу для своих войск.

Политрук Никоян читал красноармейцам передовицу газеты «Правда».

«Сейчас внимание нашего народа, народов всего мира обращено к Северному Кавказу. Грозные тучи нависли над его снеговыми горами и предгорьями, над ущельями и долинами Кубани. Дым пожарищ вздымается над станицами и аулами.

Гитлеровские разбойники ворвались на просторы Северного Кавказа. Они рвутся к горам. Враг не знает что Кавказ был всегда страной сильных и смелых народов, что здесь в борьбе за независимость народы рождали бесстрашных борцов, джигитов, что трусость слыла всегда здесь самым позорным преступлением.

Здесь, у подножия гор, воспитались поколения советских людей с львиными сердцами, с орлиными очами. Никогда не станут рабами гордые народы Северного Кавказа».

Кавказцы Джабраил Аллахвердиев и Зия Аметов переглянулись. Так это ж о них! Чтобы они да отдали родной Кавказ врагам? Никогда! Их товарищи собрались сюда со всего Советского Союза, кто с Волги, кто из Украины, кто из Казахстана. Комсомольцы тридцати шести национальностей! Но и для них Кавказ — Родина. А Родину защищают до последней капли крови.

Здесь, в Хашми, получили награды — ордена и медали — десятки комсомольцев и коммунистов полка за выполнение специального задания. В августе 1942 года, когда полк помогал отдельному кавалерийскому казачьему корпусу, 12-й и 18-й армиям, командира полка вызвали в штаб фронта. Командующий фронтом Буденный приказал отобрать двести бойцов, самых

надежных, таких, чтобы не подвели конников. Возвратившись из штаба фронта, командир говорил тогда со всем личным составом полка. Демин объяснил, насколько важен приказ Военного совета, Насонов, как специалист-инженер, перечислил трудности, с которыми столкнутся саперы при выполнении спецзадания.

А теперь за это самое спецзадание были вручены людям награды.

Однажды вечером в бригаду прибыли представители комсомола Грузии. Порывистые, черноглазые, они расшевелили всех. Привезли с собой множество книг, дарили их. Патефоны составили в сторонке, а один тут же завели.

Долго я томился и страдал,
Где же ты, моя Сулико?..

Песня рассказывала о верной любви, и ребята задумались, вспомнили про своих любимых. Где же вы, Наташи, Олеси, Зурии? Помните ли? Ждете ли?

Но с грузинскими комсомольцами долго не погрузишь. Они уже пели сами свои темпераментные национальные песни. Потом стройный и гибкий юноша по фамилии Тарханов рассказал, как помогают труженики республики фронту продовольствием и медикаментами.

Гостей заинтересовала красноармейская художественная самодеятельность. А когда лихо сплясал Василий Васютин, они пришли в восторг.

— Ай, хорошо! — приговаривал Тарханов, и глаза его сверкали.

Расстались друзьями.

Через несколько дней Демин получил изящный пакет. Вскрыл его. На стол посыпались пригласительные билеты. Бойцы инженерно-саперной комсомольской

бригады приглашались на комсомольскую конференцию в Тбилиси.

— Кого пошлем, Илья Архипович? — обратился он к Холодову. — Ты позаботься, пожалуйста. Нашим там выступить придется, пусть подготовятся.

Николай Пятницкий, Василий Васютин, Леопольд Кушкис, Илюша Холодов и Анатолий Шуклин поехали в столицу Грузии.

Жизнь города очень напоминала мирные дни без суеты и паники. Люди работали, учились, вечерами ходили в кино и театры. Как в доброе старое время, поднимались по фуникулеру на вершину горы, откуда видно далеко-далеко. Лишь строгости прибавилось: всюду патрулирование, милицейские и гражданские посты у магазинов, у ворот предприятий.

А Кура все также торопилась на свидание с Араксом. У моста патрульные проверили документы, быстро возвратили их, даже извинились. И воины-делегаты помчались на машине по широкой улице Шота Руставели, свернули в переулок, где размещалось политуправление. Оттуда направились в городской театр.

Ребят встретили с особой учтивостью. Пригласили в президиум, спросили, кто из них выступит перед участниками конференции. Записался для выступлений Анатолий Шуклин. Пока он обдумывал свою речь, остальные разглядывали со сцены тех, кто сидел в зале. Давно они уже не видели столько девушек сразу вместе! Хороши были смуглые грузинки с длинными косами. Белые батистовые кофточки, темные юбки, иссиня-черные сросшиеся брови плавно изогнуты. «Не пой, красавица, при мне ты песен Грузии печальной», — вспомнил Васютин.

Да, тогда Грузия действительно была печальной, ибо ей угрожали фашистские варвары. Но она верила, что Красная Армия прогонит оккупантов с ее древней земли.

Саперы первого батальона занимались на имитированной полосе заграждений. С миноискателями и секаторами они скрытно подползали к рубежам, перед которыми тянулись ряды колючей проволоки, действовали ножницами, как в боевой обстановке. Если кто-то вел себя неосторожно, в обороне раздавались выстрелы.

Вечерело. Сгустились тучи, стал накрапывать мелкий назойливый дождик. Потом как-то сразу повалили хлопья мокрого снега. Они залепляли глаза, лезли в уши, но занятия продолжались. Вот снова выстрелы в обороне. «Кто там такой неосторожный? — подумал Белоконь. — Обнаружил себя. Надо выяснить».

— Старший лейтенант Донцов! — позвал он. — Что там у вас?

— Уже все в порядке, товарищ майор. — Снег мешает. Погода-то переломилась...

— Лучшей погоды не будет, на то и зима. Объявляйте перекур.

Тесным кольцом окружили саперы комбата, мокрые, усталые. Посыпались вопросы:

— Скоро на передовую?

— Репетируем то, что пройдено на практике!

— Сколько можно...

— Ну-ка, Шаповалов, подойти ко мне, — сказал Белоконь. — Надоело тебе?

— Так точно, товарищ майор.

— А что говорил великий русский полководец Суворов?

— «Тяжело в ученье, легко в бою», товарищ майор.

— Вот именно. Перед штурмом крепости Суворов возводил в тылу подобные ей и учил солдат штурмовать

их по всем правилам. Подаст сигнал петушиным голосом, прокукарекает и пошло... Понятно, Шаповалов?

— Так точно, товарищ майор! А скоро вы прокукарекаете?

Ну что ты будешь с ним делать? Смотрит невинно так, ресницами хлопает, а шейка тоненькая, ребячья. Комбат засмеялся.

— Скоро, скоро подам сигнал.

В конце декабря трубач протрубил тревогу. Бригада выстроилась в полном боевом снаряжении. Теперь-то уж настоящее дело дадут — никто не сомневался в этом. Но комбриг полковник Гурьев осмотрел батальоны и коротко сказал командирам:

— Занимайтесь подготовкой согласно последнему приказу.

Что такое? Опять, значит, подготовка? Когда же на фронт?.. А тут еще Донцов ошеломил:

— Отдыхать идем.

Шутит, что ли: какой отдых днем? Потом стало известно, что поступил приказ покончить с учебой, подготовиться к выступлению, а перед ним хорошенько отдохнуть.

На следующий день Белоконь, Блажко, Новиков и Криворучко вывели батальоны за село, взяли направление на север. На старом месте временно остался лишь старший лейтенант Чернега со своим шестьдесят восьмым батальоном да еще переправочный парк.

Куда направлялась бригада, никому пока не говорили. Но разве что скроешь от пытливых саперов? Сами догадались: не к теще на блины, а на передовую, за Крестовый перевал. Ясное дело! Еще до начала марша некоторые постарались прикинуть курвиметрами, а то и просто линейками на карте, вычислить, сколько километров до фронта. Триста! Не меньше, во всяком случае. Ничего себе, путь-дорожка. Пожалуй, не короче,

чем в «Железном потоке» Серафимовича. А если приплюсовать сюда пройденный раньше отрезок «Туапсе — Тбилиси», то куда там! И сравнивать нечего.

Едва колонна вышла из Хашми, батальоны остановили. Это был специальный привал — какие-то минуты, за которые нужно перемотать портянки, чтобы пятки не натирали, закрепить котелки, противогазы, в общем, подогнать снаряжение. Ничего в пути не должно мешать, отвлекать.

В первые же сутки саперы осилили по два дневных перехода. Им так хотелось скорее на фронт! Они были молоды, полны сил и спешили применить их. Молодежь всегда торопится.

На вторые сутки шли также легко, а на третьи темп движения снизился. С утра до вечера падал снег, завалил дорогу. Тут еще начался подъем. Ноги скользят, разъезжаются в разные стороны. С такой бы горы, да на лыжах. А надо на гору и в сапожках. В авангарде — второй батальон. Блажко оставил Шуклина и Артюшенко в голове колонны, наказал повнимательнее выбирать, где идти, сам стал поджидать первый батальон. Вот и Белоконь. Сразу спросил:

— Ну как, Иван Григорьевич?

— Скользят хлопцы. Трудновато придется на серпантине, Федор Наумович. Как бы не покатиться вниз. Можно и под скалу угодить...

— Или мы не саперы? На лопаты будем опираться, друг за дружку держаться.

Белоконь храбрился, скрывал тревогу. Обнадеживая соседа, подбадривал и себя. Он ведь тоже понимал, что крутой серпантин — не аллея для прогулки. Дорога-то обледенела, покарабкайся-ка по ней на высоту. Комсомольцы поскальзывались, падали, поднимались и шутили:

— Каток, ребята!

— Ну и паркет, доложу я вам.

— Ой, держите меня, а то назад уеду!

Они младше своих командиров, беспечнее. Привыкли отвечать только за себя, ну да, может быть, за друга и не знают, что такое — ответственность за целый батальон. Все-таки они еще были очень юными.

3

Хлопья снега, будто пух лебяжий. Медленно-медленно опускались они. Дорога сделалась пушистой и мягкой, как перина. И в ней, этой перине, барахтались, тонули саперы с оружием, миноискателями и взрывчаткой.

Чем выше, тем труднее шагать, больше риска покатиться под откос. Пустили в ход все: лопаты, кирки, альпенштоки. Шли без остановок. Но огромные снежные козырьки над извилистой дорогой не достанешь киркой или лопатой. Они, козырьки, угрожающе нависли. Сорвутся, вызовут обвалы. Тогда страшная горная лавина засыпет все, погребет людей.

— Отправляйтесь на разведку, — приказал Блажко старшему лейтенанту.

Анатолий Шуклин взял с собой помощников. Они поднялись повыше, где команда дорожников расчищала перевал. Посоветовались с их командиром Шевченко.

— Да, возможны обвалы, — подтвердил он опасения саперов.

Это и передал Шуклин Блажко. Комбат второго батальона пошел к комбату первого. Серьезные вопросы они обычно обсуждали вместе. И если уж спорили, то истина в их спорах-таки рождалась, отнюдь не пропадала во множестве аргументов.

— Что ж, давай поговорим с активом, — сказал Белоконь. — Может, подскажут что.

А актив — вот он. Двое обогнали на повороте подразделение, приблизились к командирам, будто знали, что нужны тут. У каждого в левой руке альпеншток, в правой противогазная сумка, туго набитая чем-то. И так оба запорошены снегом, что Белоконь едва узнал их.

— Кушкис! Холодов! Вот кстати! А мы, понимаете, головы ломаем, как с козырьками справиться...

— Какое сегодня число? — спросил Холодов. — Вспомните-ка!

— Братцы, а ведь тридцать первое декабря! — изумился вслух Блажко. — Новый год же!

— Точно, — засмеялся Кушкис. — Мы вам поздравительные открытки принесли.

— По всему потому, — тряхнул сумкой Холодов, — гаркнем всей бригадой: «С Новым годом!». Ни один козырек на месте не удержится.

— Илюша! — Блажко погрозил пальцем. — То моя идея. Я первый придумал.

— А я второй, — стукнул себя в грудь кулаком Холодов.

— Ну, расхвастались, мыслители, — добродушно, со смешинкой в голосе заворчал Белоконь. — Одновременно придумали, так и быть, поверим вам. Чтобы ни один не зазнался.

Согласовав с дорожниками время и место, саперы мощным взрывом так тряхнули горы, что все козырьки пообрывались. Снежные массы двинулись на дорогу, основательно засыпали ее. Однако это никого не страшило. Ребята принялись расчищать завалы. Полетел во все стороны снег. Работали, пока не взмокли.

— Э, да мы так до Нового года провозимся, — высказался Фурманов, разгибая спину.

— Что ж ты, Микола, предлагаешь? — полюбопытствовал Хилько. — Предложение у тебя есть?

— А как же!

— Ну?

— Ложимся на пузе и ползем. Небось, не утонем. Давайте попробую! Федя, лови веревку.

Хилько поймал конец веревки, и тогда Фурманов пополз по снегу по-пластунски, почти не продавливая его. Получилось! Один за другим переправились через завал ребята, Фурманов с веревкой подстраховывал их. Они так утрамбовали дорожку, что следом за их отделением перебирались уже без страховки. Вниз, конечно, не шли, а бежали. Новый год встречали на равнине.

Глава вторая

1

Снегопад. С утра до ночи, с ночи до утра. И так до самого Орджоникидзе. Шинели хоть крути-выжимай, насквозь мокрые. Голенища на сапогах разбухли от влаги. К ночи вдобавок замело. Разыгралась метель.

— Поздно спохватилась, — усмехнулся кто-то. — Вон уж огоньки показались.

Белоконь разместил батальон, устроил ребят по домам. Намаялись за дорогу. Нужно выспаться как следует. Задремал сам. Но явился посыльный от комбрига, разбудил. Вручил пакет. Сна как не бывало.

Изучив вместе с начальником штаба новую боевую задачу, оба направились в подразделения.

В избе-то уютно, к горячей печке можно прижаться, а по улице поземка метет, деревья в мохнатых снежных полушубках, заборы совсем завалило, одни столбики торчат.

Добрались до первой роты.

— Ну, лейтенант Клушкин, спят ваши?

— И не шевелятся!

— Сейчас оживут. Буди их.

Тут разразилась такая канонада, что ребята без предупреждения повскакали, стали протирать глаза. Подошел Холодов. Закричал весело:

— Пободрее, хлопцы! Войска Закавказского фронта наступают! Началось!

Танкисты на исходных позициях уже ожидали саперов первого батальона. Второй батальон, который они успели перехватить, расчищал им путь возле селения Гизель. Встретив комсомольскую бригаду, начальник инженерной службы 9-й армии генерал

Баженов направил головной батальон туда же, на самый ударный участок.

Вот здесь в пяти километрах от Орджоникидзе в ноябре 1942 года гитлеровцы были остановлены. У них захватили сто сорок танков, сто семь бронемашин, семьдесят орудий, сотни минометов и пулеметов, свыше двух тысяч автомашин. Враги перешли в оборону. Окружили селение частыми рядами колючей проволоки, минными полями различного действия. Под слоем снега скрылись все эти «сюрпризы». Нужно было обнаружить их, достать и обезвредить.

Саперы в маскхалатах с миноискателями или простыми щупами копошились в снегу. Блажко наблюдал за ними и волновался — темно еще! А ну, как не углядят мину! Легко ошибиться. Ведь сапер, по общему утверждению, ошибается только раз... Другого раза ему не дано, чтобы исправить ошибку. С Василием Васютиным — чистая случайность. Повезло ему тогда.

Очень уж подозрительны снежные бугорки. Ребята тронут их — там солома пучками.

— Все до одного проверьте, — говорит комбат.

— Да ложные они, товарищ капитан, — заверил Климчук. Доказывая свою правоту, забросил «кошку».

Взрыв! Осколки поранили людей. Хорошо хоть никого не убило. Все тот же случай спас.

— Васютин, иди к головной группе, — приказал Блажко. — Покажи еще раз, как обезвреживать мины натяжного действия. Черняховский, у тебя лучше всех получается с этими колышками, ты быстро находишь их. Научи других.

После взрыва саперы стали пристальнее приглядываться к холмикам из снега. Не притаилась ли там предательская мина? Весь второй батальон знал про Климчука.

В первом тоже старались действовать осторожно. По дороге к Архоцкой, когда сделали привал против

растрепанной кучи соломы, младший сержант Шаповалов направился было к ней. Эх, полежать бы!

— Стой! — крикнул Белоконь. — Смотри, сколько пучков соломы вокруг!

— Ложные точки, товарищ майор. Разрешите проверить?

Проверил и убедился, что под той соломой, на которой собирался отдохнуть, — мина натяжного действия. Ничего себе, ложе!

Мины были понатыканы всюду: на дорогах, у дорог, в поле, под кустами, даже там, где вроде бы, не ходят и не ездят. Все равно на всякий случай заминировано. Тяжело приходилось. Однако ведь не ставили мины — убирали их. Наши-то наступали!

Через два с лишним дня войска 9-й армии на многих участках получили «зеленую улицу». Очистили им дороги саперы комсомольской бригады.

Поступил новый приказ: создать перед городом Орджоникидзе оборонительный район. Фортификаторам известно, что это такое. Разумеется, тут и сооружения, и минные поля. Двадцать восемь километров проволочного забора, двадцать две тысячи мин и фугасок. Дело не шуточное! Но не оно пугает. Страшно другое: неужели противник опять собирается наступать?..

Второй и пятый батальоны занялись мостами через Терек. И покатили по ним свежие силы Закавказского фронта. Значит, все-таки мы наступаем!

Гремело у Эльхотовских ворот. Немцы старались превратить их в проходную на тот свет — на каждом шагу мины. Били наши орудия, минометы, пулеметы. Но пехота не могла сдвинуться с места, танки замерли на исходных позициях. Продвигаться вперед — значило подорваться. Вся надежда на саперов.

Первый и третий батальоны как-то ухитрились под пулями проникнуть к заминированным зонам, проделать

проходы, поставить знаки. Знали, что волнуются пехотинцы, как бы не застала врасплох авиация противника. Наконец, Сергей Иванчиков отполз в сторону, просигнализировал, что путь свободен. Началась атака.

Враги отступили к Нальчику и к Прохладному. Стремилась оторваться. Чтобы задержать советские части, насовали повсюду мин, поставили автоматчиков для прикрытия. И все пять комсомольских батальонов развернулись по фронту с миноискателями и секаторами для резки проволоки. Вслед за ними пошли команды с инструментами строителей. На их совести — мосты и переправы.

Опытные саперы, такие, как Коля Фурманов, Илюша Харитонов, Зия Аметов, Джабраил Аллахвердиев, Миша Морозов, Толя Панасюк, Миша Тарасевич, Толя Греков и Петя Антонец, перед каждой операцией учили тех, кто пришел в бригаду недавно. Специализировался на минах и Белоконь. А комбат Криворучко больше мостами занимался.

— Давай, Кирилл Иванович, познакомлю тебя с некоторыми немецкими штучками, — предлагал ему Белоконь. — В батальоне твоём поговорю с командирами и рядовыми.

— Вот спасибо, Федор Наумович!

Блажко прославился тем, что готовил разведчиков. В батальоне бережно хранили память о Феде Зайченко — «Зайчонке». Земляк Федя Хилько, такой же маленький, увертливый, заменил его. Бесшумно умел красться отважный Зия Аметов, тоже невысокого росточка, выносливый и крепкий. Про того и другого говорили: «Мал золотник, да дорог». С крыш еще немецкие автоматчики строчат, а Аметов уже на корточках с миноискателем орудует, вылуцживает мину за миной. Сколько он их обезвредил под Докшукино и

Александровской, под Котляревской и Прохладным? Не перечешь.

Когда части 11-го стрелкового корпуса вели бой за Прохладный, третий батальон получил задание спасти заминированный мост.

— Разрешите, я доберусь до зарядов? — обратился комсомолец Антонец к командиру взвода. — Все снимаю. Пусть только ребята прикроют.

— Я поддержу тебя, Петро, — пообещал пулеметчик Твердохлеб.

Петр Антонец полз, прильнув к земле. Корява она, холодна, смерзлась вся. Острые льдинки в кровь царапают щеки. Пули взвизгивают тоненько так, противно, словно скулят. А у моста тишина. Пока к зарядам приблизился — пропотел весь. Лоб в испарине. Стащил шапку с головы, отер мокроту. Что это? В шапке дырка. Круглая такая с подпаленными краями. Стало быть, прострелили, не заметил когда... Нахлобучил шапку — и за дело.

Можно сказать, на глазах у врага обезопасил мост.

После атаки загорелись дома на станции — явный признак того, что гитлеровцы уходят на запад под натиском советских войск.

2

Взвод Сергея Алдушина, как единая дружная семья. Сам он, словно старший брат в этой семье. С кем по душам побеседует, кого похвалит, а кого и пристыдит. Он считает, что пословица «Один в поле не воин» устарела. Во всяком случае, для сапера. Разве Федя Зайченко не один ходил с минами во вражеский тыл под Славянском? Зия Аметов не один обезвредил минное поле при наступлении на Докшукино? Петр Антонец не

один ликвидировал заряды на мосту? Нет, не оправдывает себя пословица...

Гитлеровцы зацепились на рубеже Марьинская — Новопавловская. Подступы заминировали разнообразными «сюрпризами». Все они под глубоким снегом, попробуй доберись до них.

Сержант Леня Прудников возглавил группу минных разведчиков, посадил их на броню головного танка, наказал держаться друг за друга. Они жались к башне, старались не свалиться, не выронить миноискатели.

Сверкнула под зимним холодным солнцем темная Кура. У Новопавловской должен быть мост. Где он? Видно, уничтожили его. И танки остановились как раз там, где опаснее всего задерживаться. В люке показался командир подразделения. Спросил саперов:

— Что будем делать?

— Чуть повремените, товарищ старший лейтенант, — отозвался Прудников. И скомандовал своим: — Хлопцы! Мерьте глубину, ищите брод!

Вода покрыта хрустящей ледяной коркой. Осколки ее впиваются в кожу, больно ранят. До чего тяжелы мокрые сапоги! Где же дно? Глубоковато, однако... Нашли помельче. Прощупали до противоположного берега. Здесь, пожалуй, можно пройти. И танки рванулись через водную преграду.

Надо было обезвредить проходы для наступающих — такое задание получил лейтенант Оккерт. Стоило саперам двинуться с миноискателями по заснеженному полю, как гитлеровцы открыли стрельбу из пулеметов и автоматов. Люди прижались к замерзшей земле. Слой снега тонкий — в него не втиснешься. Собственное тело в таком положении кажется непомерно большим, руки и ноги мешают. Застряли комсомольцы на месте. А ведь танкисты ждут.

Стрельбой с двух сторон ребятам удалось отвлечь внимание противника. Тем временем Коля Барлит и Сеня

Шмытько поползли вперед. На них белые маскхалаты, может, и не заметят враги. Двое осторожно продвигались и «кошками» — когтистыми инструментами страшные «сюрпризы» вылавливали. Нащупали мины, зацепили их и — в укрытие. Там дернули за концы веревок, подорвали заминированный участок.

Комсомольцы инженерно-саперной бригады действовали согласованно с красноармейцами 9-й армии, которые не отставали от противника, не давали ему возможности оторваться и ускользнуть из-под удара. Когда Белоконь развернул минную разведку на Баксане, недалеко от Нальчика, старший лейтенант Дунаев обнаружил по берегам реки целые рассадники мин. Саперы сняли их тут больше трех тысяч.

Четвертый батальон действовал на Малке. Бойцы его тоже обезвреживали мины. А, кроме того, им предстояло построить в районе Прохладного мост. Сто сорок метров в длину и восемь метров в высоту! Естественно, никто строительными материалами саперов не обеспечивал. Добывали сами, где и как могли. На этот раз повезло — наткнулись в воде на рельсы. Но ведь нужно достать их. Каким образом? Глубина-то изрядная.

— Владимир Васильевич, ты ведь инженер, — обратился комбат Новиков к Васюкову. — Покумекали бы.

Докумекались.

Ларин, Исаенко, Толмачев, Целуйко, Палий и еще несколько комсомольцев всю ночь мокли в воде, поднимали со дна рельсы предложенным Васюковым способом. Двадцать штук извлекли.

Второй батальон Блажко в это время вел разведку между первым и четвертым батальонами. На Георгиевск и дальше шла группа во главе с Шуклиным.

Блажко развернул на столе карту. Разведчики склонились над ней.

— Вот, сейчас мы здесь, — показал командир. — Это Минводы. Вернее было бы назвать «Миновводы». Взгляните-ка, Анатолий Николаевич, сколько здесь преград! Всюду минные поля. Вы поведете головную группу. Я буду находиться в ядре батальона. До станции добирайтесь как можно скорее. Понимаете? У нас данные авиаразведки, по ним — на станции готовят эшелоны, чтобы угнать в Германию. Может, там люди, в этих вагонах... Минные поля вы должны только обозначить. Не прикасайтесь к ним. Договорились?

— Так точно.

Группу разведчиков старший лейтенант Анатолий Шуклин повел параллельно железной дороге. Если попадались мины — ставили знаки. Мины потом обезвреживали саперы, которые шли следом за разведчиками.

В темноте люди и кусты сливались воедино, разглядеть их было трудно. Лишь едва слышно поскрипывал снежок. Шуклин, Шаповалов, Черняховский и Самко подошли к станции, решили присмотреться, понаблюдать.

Так и есть — эшелоны. С усиленной охраной. Уж ясно, что не пустые вагоны, раз охраняют их. Паровозы пыhtят, перекликаются тоскливыми протяжными голосами. Кого же должны везти на чужбину они?

Мимо разведчиков прошел железнодорожник с фонарем. Старый уже, видно, человек. Плечи опущены, ноги приволакивает. Старческая шаркающая походка.

— Оставайтесь здесь, я скоро вернусь, — наказал Шуклин товарищам. — Будьте начеку.

Он подождал, пока засветится окно диспетчерской. Подкрался к двери, приоткрыл ее. Железнодорожник стоял в углу и смотрел на него в упор. Поставить на столик фонарь еще не успел. Тот так и горел ненужным сейчас, слишком ярким для такой и так уже освещенной каморки светом.

— Погаси, отец, — попросил Шуклин, кивнув на фонарь.

— Что? Да, конечно...

— Отец, наши берут город в кольцо. Гитлеровцы не должны угнать отсюда ни одного эшелона!

Диспетчер оживился:

— Ох, сынок, хорошо бы! Только много их, немцев-то...

— Ничего, справимся. Ты скажи, что нужно сделать, чтобы вагоны остались на месте?

— Пугните часовых, а я переведу стрелки. Присел бы, сынок, а?

— После войны, отец, посидим. Сейчас действовать надо.

По сигналу Шуклина саперы дали несколько очередей из автоматов. Среди часовых началась паника. Им и так за каждой кочкой мерещился русский. А тут еще стрельба.

Локомотивы стояли под парами. Некоторые уже потянули составы. Уйдут ведь! Разведчики заволновались. Где диспетчер? Неужели ему ничего не удалось сделать? Они успокоились, когда увидели: эшелон за эшелон, пристроившись в хвост друг другу, направляются в тупик.

Вовремя подоспела помощь группе Шуклина — теперь их было много. Можно действовать активнее. Они насчитали двадцать два состава с продовольствием и боеприпасами. Вагоны одного из них обкручены колючей проволокой, дымят трубами. Кто в этих вагонах? Сорвали проволоку, раскрыли двери. Сколько

же здесь людей! Лежат вповалку на полу, подняться не могут — до того обессилены. Худые — кожа да кости. Помогли им спуститься на землю. Тут только немножко пришли они в себя, осознали, что спасены.

— Братцы! — И поползли слезы по впалым щекам, задрожали щетинистые подбородки.

Взрослые люди, мужчины, плакали. Хрипели:

— Братцы!..

Два совсем молодые. В рваных пиджаках, в сплюснутых фуражках, на ногах какие-то тряпки намотаны, бечевкой крест-накрест перевязаны. Тянут руки к Шуклину:

— Мы ж ваши! Из третьего батальона!

— Как так? — опешил Шуклин.

— Под Ростовом отстали! Нам бы с комиссаром батальона Юрасовым поговорить!

— Он на границе, перевели его. Да и комиссаров теперь нет...

— А Демин? С Деминым можем мы встретиться?

Шуклин подсказал бывшим сослуживцам, как найти политотдел комсомольской бригады. Надо же! Свои ребята, саперы, чуть в Германию не уехали.

Комсомольская инженерно-саперная бригада обеспечивала продвижение 9-й и 37-й армиям. Двадцать километров дороги тщательно осматривали и разминировали ежедневно.

4

Январский снег выбелил холмы Ставрополя, оставив нетронутой синеву Кумы. Когда-то река сдерживала вражьи полчища, полгода спустя перед ней остановились наши. От частых снегопадов Кума раздалась вширь, сделалась глубокой. Как переправиться через нее?

Начальник инженерной службы 9-й армии Баженов еще раз сверился с картой. Мост обозначен, однако и следа его не осталось. Гитлеровцы взорвали, когда отступали. Преследуя противника, наши танки совершили стремительный бросок. А теперь вот вынуждены остановиться. Тем временем враги закрепляются на новых рубежах, торопятся угнать эшелоны с награбленным добром, отправляют советских людей в неволю. Надо срочно перебрасывать танки на левый берег, помешать им.

Мост необходим! По расчетам он должен быть стометровым, грузоподъемностью в шестьдесят тонн.

— Полковник Гурьев, — обратился Баженов к командиру бригады. — За двое суток постройте? Ни минуты больше дать не можем.

— Постараемся, товарищ генерал. Как с материалом?

— Материала нет, ищите сами.

Комбриг Гурьев направился в первый батальон.

— Новое задание, Федор Наумович, — мягко сказал он Белоконю. — Вызови офицеров батальонов.

Пришли начальник штаба Панкратов, замполит Ярченко, командиры рот Клушкин, Блохин и Донцов. Гурьев со всеми поздоровался за руку, каждому приветливо улыбнулся.

— Что же, друзья, получается? — сказал полковник. — Свободен Терек. Рукой подать до Кубани и Дона. Скоро в них будут поить коней казачьи корпуса Селиванова и Кириченко. Рвутся кавалеристы на запад. А тут танки перед Кумой теряют драгоценное время.

Все они не сомневались в том, что сумели бы построить мост за два дня и две ночи. Но где добыть строительные материалы?

Белоконь круто повернулся к заместителю по политчасти:

— Николай Павлович, организуйте ребят первой роты. Ищите, где только можно. Я буду со второй ротой,

Лев Иванович с третьей. На первых порах мы поможем вам, а затем переключимся на укладку прогонов моста.

Поисковые группы разошлись в разных направлениях. Одна из них добралась до Минеральных Вод, обнаружила на окраине города разбросанные шпалы, которые растаскивались жителями на топливо. Здесь же были и рельсы. Правда, некоторые погнулись от снарядов во время бомбежек, но в основном онигодились. Отыскались и бревна, доски — бывшие стены разрушенных теперь домов.

Ярченко послал за машинами. Прибыли грузовики. Сделали рейс, второй и остановились: бензин кончился. Что поделаешь в таком положении? Повезли материал для моста на санках, потащили на руках. Рельсы примерзали к ладоням.

— Лыжин! Дай хоть одну рукавицу, — попросил Пятницкий.

— Да у меня одна и есть. Вторую уже отдал.

Многие порастеряли свои рукавицы, кто при разминировании, кто в азарте боя, и сейчас обжигались о металл. Как-никак крещенские морозы, при таких градусах вовсе оледенеть можно.

— Клавдия Васильевна! — позвал Ярченко врача Алешину. — Опять пообморозились мои.

Алешина переходила из взвода во взвод, бинтовала саперам руки. Ее невозможно было удержать на месте, оберегая от пуль. «Врач должен прежде всего думать о других», — говорила она. «И начальник штаба тоже», — добавлял Панкратов, когда они встречались там, где снаряды так и свистели над головами. Скоро им стало понятно, что связывает их не только дружба. Очень беспокоились друг о друге, если не виделись долго — ведь смерть с чувствами не считается. А они уже не представляли себе жизни один без другого. Обоим повезло: дожили до победы, поженились. Но тогда-то,

военной зимой, они не знали, что судьба их сложится счастливо.

Вместе с Донцовым Панкратов находился все время в третьей роте, которая почти не вылезала на сушу. То измеряли глубину и делали расчеты, то прикидывали, можно ли использовать сохранившиеся ледорезы. Там, где прогоны не доставали до опор, лес и рельсы приходилось сшивать. Мокрая одежда липла к телу, ноги не просыхали.

— Погреться б, — вздыхал Марченко. — Никогда так не мерз.

— Кончится война — согреешься, — говорил товарищу Радченко. — Ишь, чего захотел! Вот солнышко взойдет, веселее будет.

— Ну да, обрадовал! Солнце поднимется и авиация противника тоже.

Вражеские самолеты уже несколько раз пытались бомбить. Спасибо зенитчикам — близко не подпускали. Полковник Гурьев передал комбату, что командарм приказал всеми средствами оберегать саперов комсомольской бригады, зенитчиков подкинули по его личному указанию.

— Не дают нас в обиду, — удовлетворенно отмечал Белоконь.

Вскоре в батальон пожаловали Блажко и Кушкис. Их Белоконь встретил с распростертыми объятиями:

— Мне так нужна ваша помощь! Сроки сжатые, а работы невпроворот!

Им не хотелось огорчать комбата, разочаровывать его. Однако признались:

— Мы как раз за твоей помощью пришли. Вот бумага генерала Баженова, резолюция комбрига...

Белоконь прочитал документ, в недоумении сдвинул брови.

— Выслушай, — сказал Блажко. — Мои люди обводы ликвидируют. Мины снимают вокруг станицы Канглы.

Перед Минводами, в окрестностях Пятигорска и Кисловодска. Так? Ты же знаешь, какую участь уготовили Кисловодску фашисты! В Помпею превратить задумали! Тонны взрывчатки в подвалах на Красноармейской, в «Крепости» и разных санаториев. От города не осталось бы камня на камне! Мы еще на месте были, когда комбриг направил в тыл к немцам группу переодетых красноармейцев. По приказу сверху.

Действительно, несколько наших ребят в гражданском через горы вышли на Урух, форсировали Баксан и Малку, спустились за хребтом Джинала. Встретился им местный житель, помог разведать все. Сказал, что копали, мол, немцы, протягивали телефонные провода. Как только команда фашистских подрывников перекочевала за Подкумок, наши следом пошли. Отыскали у железной дороги провод, про который толковал местный житель. Провод, конечно, был не телефонный, а самый настоящий детонирующий шнур. Его перерезали, начали сматывать. И в это время за подкумским мостом громынуло. Пострадало девять километров железной дороги. А город был спасен.

— Лев Иванович, — обратился Белоконь к начальнику штаба. — Откомандируйте в распоряжение командира второго батальона взвод по выбору. А вы, Николай Петрович, — сказал он замполиту, — расскажите обо всем в подразделениях.

Оставшиеся ребята работали с удвоенной энергией. Мост возвели в срок. И советские войска пошли по нему к Невинномыску, Армавиру, на запад...

Глава третья

1

Пока саперы 64-й комсомольской бригады сопровождали наши войска по маршруту: Прохладный — Георгиевск — Минеральные Воды — Невинномысск, они сняли в полосе 9-й армии больше шестнадцати с половиной тысяч мин, фугасов и прочих «сюрпризов», построили пятьдесят четыре моста общей протяженностью свыше тысячи двухсот метров.

Война отодвинулась на запад. Таяли на пригретой солнцем земле последние грязные заплатки снега. Проклевывались ярко-зеленые молодые травинки. Приближалась пора, когда пашут, сеют, выгоняют скот на выпасы. А в Северной Осетии, Грозненской области, Кабардино-Балкарии люди еще гибли от случайных взрывов мин, как на фронте. Мирная жизнь налаживалась плохо, потому что почти все мосты были разрушены — через реки, да еще весной, не переберешься. Командование отвело комсомольскую саперную бригаду снова на Терек и Баксан.

В станице Александровской располагался штаб. Сюда и прибыл новый комбриг Павел Александрович Петров. Задание не казалось ему противоестественным: немцев преследуют войска Северо-Кавказского фронта. И саперы могут помочь людям в тылу.

Собрался партийный актив, где заместитель комбрига по политчасти подполковник Соловьев сделал доклад об авангардной роли коммунистов. Выступили Чернышенко, Семин, Блажко, Ивахненко, Нарбиков, Чемаров, Лебедев, Кригель. Как всегда, сделать предстояло много, а времени на это отводилось мало. Забьешь сваи, положишь прогоны, но не успеешь с

настилами — и моста нет. По такому незаконченному сооружению не пройдешь и не проедешь.

После собрания Петров сказал в политотделе Демину, Кушкису и Холодову:

— Товарищи, я здесь недавно. Вы — старожилы. Вот и посоветуйте, кому поручить проектирование мостов. Есть у вас кто-нибудь на примете?

— Крышенинников подойдет, — отозвался Демин.

— И Дудник, — добавил Кушкис.

Холодов предложил кандидатуру Пластинина. Инженер-конструктор. До войны в Москве работал.

— Чудесно! — одобрил комбриг. — Всех их мобилизуем.

Ожили берега рек. Терек, Чегем, Урух, Малка — везде закипела работа. Появились свои рационализаторы, даже целая рота во главе со старшим лейтенантом Магажиковым. Под его руководством действовали сварочные агрегаты.

Из рельс делали свайные опоры. Ими даже наращивали короткие деревянные, обжимая с двух сторон, скрепляя болтами. Составная свая доходила до скалистой породы и вставала прочно, словно вращалась. Никаким течением реки нельзя было сбить ее.

В середине марта в бригаде чествовали четвертый и пятый батальоны. В газете появился Указ Президиума Верховного Совета КБССР о награждении этих частей почетными грамотами. Почетных грамот и ценных подарков удостоились свыше ста бойцов и командиров, в том числе Петров, Демин, Евтушенко, Лебедев, Алешина. Высоко оценило работу саперов и правительство Северной Осетии.

Через несколько дней тридцать двух активистов комсомольской работы пригласили в политотдел бригады. ЦК ВЛКСМ наградил их почетными грамотами за образцовое выполнение заданий командования. Среди награжденных были Илюша Холодов, Саша

Лазарев, Ваня Сонич, Леня Нарбиков, Федя Хилько, Владик Рупчев, Павлик Мурашкин.

2

Когда Демину доложили, что его хотят видеть два каких-то паренька, он подумал: «В часть проситься будут, не иначе». Ведь постоянно одолевали просьбами зачислить в комсомольскую бригаду. Добровольцев находилось много.

Начальник политотдела бригады встретил дух юношей сдержанно. В гражданском, а приветствуют, как военные. Один, смугловатый, с перевязанным горлом, не говорит — хрипит:

— Давай, Аркаша, ты скажи...

— Простыл, что ли? — поинтересовался Демин у второго, кивнув на первого. У этого ворот рубашки расстегнут, вихры волос, видимо, давно не чесанных, сваялись в косицы. Ничего себе, видик. Ресницы и те почему-то слиплись. Взмахнул ими.

— Мы ведь, товарищ Демин, красноармейцы ваши бывшие. А простыли в телячьем вагоне.

Гуще стал румянец на щеках Демина. Присмотрелся он к паренькам. Предложил:

— Садитесь-ка. И расскажите поподробнее.

Они отстали под Ростовом. Как раз подрывники выполняли задание у острова Зеленый, и у них что-то там заело. А Петя Деревянко и Аркадий Солнышкин вели огонь по противнику с берега. Деревянко — из ручного пулемета, Солнышкин — из винтовки.

Батальон уже отошел. Потом уехали на машине подрывники, которых они прикрывали. Спыхватились ребята — своих уже и в помине нет. По железнодорожному мосту движутся на Батайск немцы,

со стороны Аксая выходят на дамбу. Кругом враги. В общем, попали в ловушку.

Спрятались оба в кустах, стали советовать, как быть.

— Надо, Петя, двигаться на восток, — внес предложение Солнышкин.

— Да ведь машины, — сказал Деревянко. — Ты смотри, как пылят.

— Хорошо, что пылят. В пыли-то, может, нас не увидят. Либо за своих примут. А ночью перейдем через линию фронта. Авось разыщем наш комсомольский! На фронте одна часть такая молодежная.

На дорогу они выбираться не стали. Зачем рисковать? Однако и далеко от нее не удалялись, чтобы не заблудиться... Брели и озирались. Заметят облачко пыли — ложатся плашмя на подсохшую жесткую траву, пережидают машину. Пройдет она — снова встают. И так несколько дней подряд. Сперва-то от голода животы подвело, жажда мучала нестерпимо. Потом кое-как приспособились: подкрадутся к крайнему дому в хуторе, ребятишек позовут. Те и напоят, и хлеба вынесут.

Было в степи тихо, хотя где-то недалеко воевали. Изредка по тракту проносились немецкие машины, тарахтели мотоциклы. Невозможно определить, в какой стороне бой, потому что отдаленный гул слышался то там, то здесь, сбивал с толку.

Ковыляли они, как странники — сами себе начальники. Полная свобода действий. А что делать с этой свободой? Ну что они могли одни, без полка? Уже и Тихорецк позади. Машин там скопилось — не сосчитать. Солнышкин и Деревянко шли по жнивью, отдыхали под беспризорными комбайнами. Как-то остановились на заброшенном колхозном току. Набили карманы пшеницей. Полновесные зерна, их бы размолоть да душистый каравай выпечь, пышный, с поджаристой

корочкой. Но людям было не до того, они отбивались от наступавших фашистов.

Ребята устроились на свежей соломе. Хоть ночку поспать как следует, совсем измучились. Ток на отшибе, кто сюда заглянет? Вырыли в соломе нору поглубже, залезли в нее и сверху пучком прикрылись. Однако побоялись за документы, закопали их предварительно в ямку. Мало ли что случиться может? Вдруг да нагрянут немцы в сарай.

И ведь точно — нагрянули. Скрипнула дверь. Вошли двое с винтовкой и автоматом. Полопотали, трянули коробками со спичками. Поджечь сарай надумали. А перед тем один винтовку плоским штыком вниз опустил и ну пырять в солому.

Ребята наблюдали за немцами с самого начала в специально проделанные для такого случая отверстия. Сейчас штык подвигался к ним. Вот-вот зацепит...

Хлопнули два выстрела. Кто стрелял? В кого? Ничего не понятно. И вдруг голос:

— Вылезайте, хлопцы!

Какой-то мужчина. Черные включенные волосы запорошены половой. Значит, тоже в соломе сидел? Он их видел, а они его нет... И в критический момент выскочил, уложил обоих немцев наповал.

— Да вылезайте же, слышите!

Деревянко и Солнышкин стряхнули с себя соломинки, уставились на незнакомца. А у того глаза горят, будто угольки на ветру, в руке дымится пистолет. Рот полон стальных зубов.

— Не хотел показываться, да пришлось. Что вы от своих отстали, знаю — уже слышал. Кстати, не надо так громко говорить об этом. Ну, снимайте с немцев обмундирование, переодевайтесь и догоняйте полк. Иначе вам отсюда не выбраться.

— Нам бы тридцать седьмую армию найти, — робко высказался Деревянко.

— Идите напрямик, никуда не сворачивайте, — посоветовал незнакомец.

Оставили ребята своего спасителя в сарае и помчались к ближайшему перелеску. И тот, и другой — в немецкой форме. На полянке отдышались. Стали гадать, кто же это такой был?

— Наверное, вроде нас, потерялся он, как по-твоему? — спросил товарища Солнышкин.

Тот покачал непокрытой головой.

— Нет, по-моему, разведчик наш. Должно быть, ведет наблюдение за продвижением немецких войск и по радиации сообщает нашим.

— Может, и так.

Под Армавиром ребята зазевались. Пока стояли и соображали, как лучше город обойти, откуда ни возьмись — грузовик. Бежать поздно. Пришлось сойти с колеи, сделать вид, что отстали от колонны. Только шофер, к несчастью, чуткость проявил. Высунулся из кабины, замахал руками, чтобы сядились.

Куда деваться? Забрались в кузов. Там старичок подслеповатый на каких-то ящиках притулился. И сколько ни спрашивал его по-немецки Солнышкин, куда машина направляется, он только на уши показывал и кривился. Не слышит, мол.

Через несколько километров машина отклонилась влево. Вот ведь попали. Едут неизвестно в какую сторону. Наконец указатель на дороге: «Ставрополь». Надо прыгать, убегать, пока еще можно. Как раз лесок появился кстати. Но едва заехали в лесок, поняли: не убежишь теперь. Танки, бронемшины, мотоциклы. Трудно сказать, чего больше — деревьев или танков. В одном месте пехота стайками расположилась.

Шофер сам притормозил, ребята выпрыгнули. А дальше что делать? Хорошо, никто внимания на них не обращает. Загремели танки, стали строиться в боевом

порядке: два влево, два вправо. Пехота за ними. С кем только сражаться они приготовились — неизвестно.

Но тут из укрытия выкатились орудия. Наши! Ударили прямой наводкой по гитлеровцам. Из окопчиков высунулись красноармейцы, начали забрасывать танки гранатами. Одна вражеская машина загорелась, другая. Решили Солнышкин и Деревянко воспользоваться суматохой, перебежать к своим. Да немцы заметили, устремились за ними, как за «передовиками». Ну и положение!

Попадали ребята, и враги залегли почти рядом. А тут бронемашина стала разворачиваться. Деревянко дал очередь из автомата по немцам, следовавшим за ними. Вместе с Солнышкиным прошмыгнул мимо пылающего танка, и оба с поднятыми руками бросились к своим. Они услышали, как кто-то из красноармейцев закричал:

— Братва! Фрицы фрицев лупят!

Потом, конечно, разобрались, кто к ним явился. Дали ребятам гимнастерки. Три дня шел бой, в котором участвовали и Солнышкин, и Деревянко. Что уж там о них немцы думали, которые видели, как они перебежали, — неизвестно. Так вот и повоевали саперы комсомольского полка в 113-й стрелковой бригаде 1-го стрелкового корпуса.

Демин выслушал пареньков, не перебивая и не задавая попутных вопросов. Но когда они выложили все, что считали важным и нужным, поинтересовался районом боевых действий.

— Близ Сингилеевского озера, — сказал Солнышкин. — Лес называется Ворошиловским.

— Так, так, все совпадает, — подумал вслух Демин. — Удрали, значит, оттуда?

— Почему? Нас отпустили. Даже на попутной машине подкинули, — насупился Деревянко.

— Да вы не обижайтесь, — начальник политотдела бригады усмехнулся. — Под Ростовом не вы одни

отстали. Только другие через месяц-полтора пришли, а вы задержались что-то...

— Нам предлагали там остаться. Часть вообще-то понравилась, — заявил Солнышкин. — Конечно, с нашим комсомольским полком не сравнишь, но люди там тоже свойские. Да уж очень нас в родной батальон потянуло. Будто домой. А там гостями себя чувствовали.

— Понятно, — кивнул Демин.

3

Они долго скитались тогда по Ворошиловскому лесу. В степи картошку подбирали. Пекли на костре. Но сидеть возле огня опасались. По всем признакам немцы были где-то близко. Парни вгрызались в полусырые картофелины, давились, оглядывались по сторонам.

Стали пробиваться на юг. В одном хуторе какая-то сердобольная женщина досыта накормила их, да еще и в дорогу дала хлеба с солью. А главное, пиджачки поношенные выложила перед ними и брюки старенькие. Переодевайтесь!

Добрались до Невинномысска. Там уже немцы. Ребята в соседнюю станицу — и в ней враги. Охотятся за парнями и девушками, на работу куда-то направляют их. Загребастали Солнышкина и Деревянко. Кто такие, откуда? Повели на допрос.

— Вы партизаны? — спрашивают.

— Нет, — отвечает Деревянко. — Я из Ростова. Эвакуировался. Но дальше Невинномысска поезд не пустили.

Солнышкин наврал, будто был мобилизован в Красную Армию и дезертировал.

— Номер части? — потребовал немецкий офицер.

— Да я там лишь три дня пробыл, — замялся Солнышкин. — Не запомнил номера.

Под вечер их приконвоировали в штаб части, может, дивизии, потому что допрашивал седой генерал. Голова его напоминала подопревшую грушу, зауженным концом вниз. Рыхлое лицо, слезящиеся глазки, но нос гордый, орлиный.

— Ви есть партизан, — не спрашивал, а утверждал он, косясь на оконное стекло, по которому барабанил дождь. По всем признакам, больше всего на свете этот генерал боялся партизан. — Признавайтесь.

Ребята, конечно, отнекивались. Прикидывались простачками и тоже пугливо глядели в окно, даже вздрагивали, на всякий случай, если на улице завывал ветер. Голова-груша немца дергалась, как у контуженного, загнутый нос, похожий на клюв хищной птицы, казалось, вот-вот клюнет в темя.

— Ви есть партизан.

Точно автомат, у которого что-то заело. И голос монотонный, скрипучий. В конце концов генералу, видимо, наскучило его бесполезное занятие. Он откинулся на спинку стула, хрустнул пальцами, отнюдь не вялыми, а длинными и сильными, какие бывают у скульптора. Может, у себя в Германии он увлекался лепкой? Так сказать, созидал. И вот пришел к нам в Россию разрушать...

Солнышкина и Дервянко посадили в погреб. Пахло в нем сыростью и гнилью до головокружения. Когда притерпелись, стали осматривать место, вернее ощупывать, потому что темнота такая — собственных ног не видно. И сразу наткнулись на лопату, да не на какую-нибудь, а на саперную. Как сюда попала?

— Должно быть, хозяева позаботились, Петро, — сказал Солнышкин. — Тут до нас, небось, много заключенных перебивало.

Дервянко засомневался:

— Неужели сами немцы сюда не заглядывают? Не знают про инструмент...

Как бы то ни было, можно копать. Да они бы когтями землю скребли, лишь бы вырваться на волю. Рыли попеременно, то один, то другой. Изрядная нора получилась. Пробили ее насквозь и отчетливо услышали шаги часового. В погреб хлынул дневной свет.

Явился офицер, посветил фонариком на ребят, на нору, ехидно спросил:

— А-а, копайт? Очень хорошо! Дадим большой лопат. Вылезай!

Тут только до них дошло, почему так легко поддавался грунт. Наверняка не они первые пробовали выбраться таким образом наружу, потешая фашистов.

Вручили им каждому по лопате и повели. Село словно вымерло, улицы безлюдны. Скользнет кто-нибудь из жителей в глубине двора тенью и исчезнет, схоронится за дверью.

Остановились у оврага. Рядом с ним веснушчатый ефрейтор топнул стоптанным каблуком.

— Здесь! Копать!

Не просто готовить самим себе могилу. Нажимаешь на черенок, а лезвие не режет дерн и все. Руки не слушаются, сил нет. Ефрейтор сердится. Подгоняет:

— Быстро! Быстро!

Но куда им, спрашивается, торопиться? На тот свет?

— Быстро!

Эх, стукнуть бы лопатой по голове... Их — двое, немцев — двое. Да ведь дула автоматов не опускают. Выстрелят, прежде чем замахнешься. К тому же близко они не подходят — опасаются. А денек-то на редкость хорош. Облака по небу гуляют, ослепительно белые, невесомые. Солнышко ласковое пригревает. Как в такой день из жизни уходить? Обидно. И жаль, что мало побии врагов.

Задумался Солнышкин. Ефрейтор ругался-ругался, потом огрел его по спине так, что чуть не упал тот.

— Быстро!

Завыла сирена. Оба немца задрали головы вверх. Самолеты! Вынырнули из пушистого облака. Тут уж ребята не растерялись: оглушили своих конвоиров и бежать. Благо, суматоха поднялась, потому что бомбы вниз посыпались. Ох, вовремя! Свои своих спасли.

Дервянко и Солнышкин уже не надеялись отыскать полк. Хоть бы к партизанам попасть. Однако у тех конспирация, попробуй найти их. Один человек в Минводах обещал помочь ребятам. Перед тем, как дать на это согласие, долго прощупывал их остро взблескивающими зрачками:

— Вы не подсланы, случайно?

Оба оскорбились, разоткровенничались.

— Да мы бойцы! От своих отстали...

Слушал, сочувствовал, поддакивал:

— Намаялись.

Кончилось все тем, что их, связанных, доставили в немецкую комендатуру. Потом загнали в вагон, чтобы увезти в Германию. Хорошо, Шуклин подоспел, выручил.

Дервянко кивал, держась за перевязанное горло, чтобы хоть как-то принимать участие в беседе.

— Добро, — проговорил Демин. — Поговорю о вас с комбригом.

Глава четвертая

1

Отцветали плодовые сады — все сплошь белые и розоватые. Зелени почти не видно: цветы заслонили листья. Кое-где лепестки уже сморщились, осыпались; под яблонями словно осколки фарфоровых чашек вдавлены в землю. Теплы и душисты майские ночи на Кавказе.

Одиннадцать месяцев саперы-комсомольцы сражались за Кавказ и сроднились с ним, с его причудливыми горными вершинами, с его плодородными долинами. А теперь их увозили отсюда эшелоны — через Сталинград и Мичуринск, через Рязань и славную столицу нашей Родины Москву. Надо было спешить на помощь Смоленску, Пультуску, Варшаве.

Приник к вагонному окну Никоян. Ветер теребит волнистые волосы, забирается за ворот гимнастерки. Трудно все-таки отрываться от родных мест. Там, за горами, остались его сыновья, еще малыши, Генрих и Жан, и любимая жена Араксия.

Политрук вздохнул. Пригладил пряди волос, но порыв ветра тут же снова растрепал их. С 1939 года в армии Сурен Амазаспович. До этого учительствовал в Армении. Учил ребятишек выводить на школьной доске мелом: «Мы не рабы. Рабы не мы». Да... Кажется, было это давным-давно. Будто целую жизнь прожил с тех пор.

Когда началась война, его направили в комсомольский полк. Здесь пригодились знания учителя, опыт воспитателя, умение с каждым найти общий язык. Ведь полк сформировали из вчерашних школьников, юношей и девушек, которые совсем недавно сидели за партами.

Он был строг с подчиненными, но строже всего относился к самому себе. Ни малейшей слабости не прощал, никакой поблажки не давал. Как спрашивать с других, если сам не очень организованный человек? По воспитателю равняются воспитанники, живой пример для них всегда убедительнее любых красноречивых фраз.

Кавказ — родная стихия, там он чувствовал себя, как рыба в воде. Точно ориентировался во всякой обстановке, находил выход из любого положения. Мало ли преодолел опасностей?..

Однажды, когда два взвода под его руководством занимались фортификацией на передовой, под горой гитлеровцы готовились к атаке. Они поднялись во весь рост, пошли напролом. Саперы затаились. Подпустив противника поближе, Никоян скомандовал: «Огонь!» Атаку удалось сорвать.

В другой раз он обратил внимание на движение транспорта за передними позициями врага. На рассвете разбудил нескольких ребят, повел их в тыл противника и указал, где ставить мины. На дороге после них остался запретный знак. И соответственно указатель — как обойти «опасное» место. Немецкие машины, послушные указателю, двинулись в ту сторону. Конечно, взорвались.

Целыми днями Никоян бывал с людьми, а по вечерам писал письма жене.

«Меня беспокоит твое настроение, оно проглядывает между строк. Неужели моя Араксия начинает сдавать позиции? Непохоже на тебя! Разве мало лишений ты перенесла и непривычно для тебя противостоять им?.. Ради нашего будущего мы с тобой боролись с трудностями и сейчас должны бороться. Кто не теряет самообладания в трудные минуты жизни, тот выходит победителем. А мы с тобой должны победить! Не растеряй свои лучшие качества, моя Араксия. Все время думаю о тебе и детях...»

Политрук по себе знал, что такое письма из дома. Как согревают они и дают новые силы для борьбы с врагами. Поэтому следил, регулярно ли отвечают ребята своим родным, даже в поезде. Ведь родители так ждут весточки от сына с фронта, беспокоятся. Кое-кто из саперов очень любил получать вести от близких, но ответы писал не всегда сразу, откладывал от случая к случаю.

— Черников! Ты написал матери?

— Собираюсь, товарищ политрук.

— Долго собираешься! Сегодня же садись за письмо.

— Есть!

— То-то, дорогой!

— А ты, сержант, почему не пишешь? — спросил Никоян командира отделения разведки Иванчикова.

— Так ведь мои в Запорожье. Жду, когда освободят его.

— Теперь уж скоро, Сережа.

Тот склонил голову, грустит.

— Наши семьи на юге, товарищ политрук, а мы вон где...

— Здесь — тоже Родина, Сергей. Каким бы путем ни шли мы к победе, важно, что придем. Правильно, дорогой?

— Конечно, товарищ политрук! По горам вот только я скучаю... Реки тут тихходные, не то что на Кавказе... Привыкнуть не могу. Красивы леса, а все же горы лучше!

— Так для каждого: место, где родился, — самое дорогое. По секрету тебе скажу: каждую ночь во сне горные вершины вижу... Подожди, разобьем фашистов — и на Кавказ.

Вечером бойцы набились в купе к политруку, стали рассказывать по порядку, кто о родном городе, кто о деревне, в которой родился. Какие сливы созревают там под окнами дома, сизовато-матовые, крепенькие, как пахнут свежеструганные доски из только что

срубленного дерева. Даже крапиву, жгучую, злую, вспоминали с умилением.

Батальоны выгрузились под Истрой. Ровно три недели ехали. А еще через две недели будет два года, как идет война... Это сколько же тревожных дней и ночей позади?

Подразделения соорудили шалаши, натянули брезент, как-то устроились. Все-таки не зима — жить можно. Правда, по утрам иногда приходилось дрожать от холода, пока не вставало солнце. Средняя полоса России, здесь нередки весной заморозки.

Начались занятия. Каждая минута расписана, учитана. Однако Никоян по-прежнему писал домой подробные обстоятельные письма.

«Чудесная эта земля подмосковная. Удобная для тракторов. Только пахать бы! Когда же, наконец, прогоним мы оккупантов и примемся за мирные дела? У нас тут кругом лес. Ребята рубили березы для шалашей, а мне жаль деревья. Молодые они, белоствольные... Рад, что наш мальчик Генрих ходит уже в детский садик. Хорошо ли он говорит по-русски? Приеду — послушаю. Да, растут дети... Моя Араксия, береги их!»

2

Под Москвой комсомольская бригада резерва Главного командования стала называться Первой штурмовой комсомольской инженерно-саперной...

На третий день в бригаде сформировали роту по подготовке сержантского состава. Руководил ею опытный специалист по фортификации капитан Евтушенко. Взводами командовали лейтенанты Власьев, Данилов, Клейменов, офицеры энергичные, технически грамотные.

Ожили все подразделения: одни отрабатывали действия по блокировке дзотов, штурму высот и узлов сопротивления; другие прорывались через оборонительные рубежи «противника», преодолевали водные преграды. Места были новые, так что приспособлялись к непривычным условиям.

Подразделения, изображавшие противника, создавали укрепления. Их штурмовали, действуя, как в настоящем бою. Перелески и лощины заполнились хлопотливыми людьми с лопатами и миноискателями.

На полянке, окруженной зарослями волчьей ягоды, саперы ставили мины, распределяя их в шахматном порядке. Макеты — вперемежку с боевыми зарядами. Полосу заграждений создала рота старшего лейтенанта Дунаева. Командир наблюдал за каждым сапером. Подсказывал, помогал.

Иванчиков копал гнезда для мин. Уже несколько углублений готово, а земли вырытой не видно. Где же она?

— На плащ-палатке, товарищ старший лейтенант.

— Ты, Сергей, точно золото промывать собрался.

— Хочу обмануть «противника». Он ведь по следам искать будет. Где земляные крошки, там и минка. По логике так. А мы с ребятами землю в сторонку. Минку дерном замаскируем.

— Вот молодцы!

— Как же, стараемся, товарищ старший лейтенант.

— И дальше так действуйте.

Аккуратно вырублен квадрат дерна. Саперы подхватывают его и прикрывают им углубление, в котором мина. Тщательно заделывают трещины. Выравнивают стебли трав, чтобы помятых не было. Нет, ничем не выделяется травянистый пласт на общем фоне. Будто всегда так было. Значит, все шито-крыто. Попробуй-ка отыскать мину!

А возле оврага, поросшего малиной, занимаются разведчики. Капитан Панкратов дает им вводные. Проверяет знания теоретические и практические.

— Теорию знаете, — одобряет он. — Посмотрим, как примените ее на практике.

И он поставил перед командирами взводов задачу.

— Вперед! — командует лейтенант Дворников.

— Вперед! — подает команду лейтенант Красиков.

Они возглавляют группу разведчиков. Придирчиво последний раз оглядывают каждый своих людей. Справятся ли с заданием?

Цепочки отделений заколыхались. Саперы напрягли зрение и слух, выставили перед собой миноискатели. Панкратов пошел стороной, следя за действиями разведчиков-саперов. Некоторые из них ограничивались узкими проходами, дальше носка своего ботинка не смотрели. И, как правило, ничего не обнаруживали на участке. Это была основная ошибка, характерная для нескольких человек.

Прочесали полянку до зарослей. Что ж, у большинства был богатый «улов». Те, что явились к финишу с пустыми руками, старались оправдать себя. Громко недоумевали:

— Может, мин тут вовсе нет?

Сзади раздались взрывы необнаруженных мин. Выходит, пропустили заряды, халатно отнеслись к делу. А если бы это были не учения? Если бы — самый заправдашний бой? Не миновать бы жертв...

Капитан Бенецкий вел роту на штурм укреплений. Сделаны укрепления по всем правилам военной фортификации. Так тренировались саперы, совершенствовали свои навыки.

На земле все-таки проще, чем на воде. Там, в воде, опасность подстерегает со всех сторон — снизу выныривают плавучие мины, сверху угрожают бомбардировщики, из-за горы стреляет вражеская

артиллерия. С учетом всех этих «сюрпризов» начальник штаба бригады майор Гусаров проводил занятия по применению средств переправы. Саперы мокли, потом их отпаивали горячим чаем, заставляли пробежаться, чтобы согрелись. Были случаи, когда люди простывали, потому что купание в российских весенних реках — удовольствие сомнительное. Однако такие водные тренировки — необходимость. Ведь встретятся на пути речки, через которые придется переправляться. Будут настоящие укрепления под настоящим огнем противника. Об этом все время предупреждал Панкратов:

— Противник укреплял узлы сопротивления больше года. Нам штурмовать их. Готовьтесь, ребята.

К тому же самому призывали саперов и боевые листки. Их редакторы Анатолий Романовский, Михаил Тарасевич, Зия Аметов, Василий Алейник описывали, как проходят учения с мягким, подкупающим всех юмором.

3

Пролетел месяц. В течение его бригада основательно подготовилась к штурмовым операциям. Ежедневные тренировки дали хорошие результаты: теперь разведчики-саперы не искали мины только под собственными ногами, а шарили миноискателями по сторонам. Хоть как маскируй их дерном, все равно отыщут.

Поступил приказ: вперед, на запад! Батальоны погрузились в эшелоны и прямым сообщением двинулись на Вязьму. В пути вспоминали Кутузова. Здесь он, преследуя Наполеона, воскликнул, смахивая слезы: «Россия спасена!». По дороге от Москвы до Вязьмы без сражения растаяла одна треть французского войска, как свидетельствует Лев Толстой в «Войне и

мире». Теперь таяли тут орды Гитлера, претендента на роль Наполеона.

Между Вязьмой и Днепром — станция Издешково. На ней и остановились эшелоны. До неприятеля — рукой подать. Вражеские самолеты то и дело перелетали через Днепр. Но саперов не видели. Если уж те на открытой местности с помощью подручных средств маскировки становились невидимками, то в густых лесах спрятаться куда проще. Комсомольцы готовились к выполнению заданий на передовых рубежах.

Четыре дня бригада по заданию генерал-майора Поленова, командующего 5-й армией занималась улучшением дорог на заболоченных местах. Подновляли старые, строили новые. По ним войска Западного фронта двинулись на Ельню, на Смоленск, на правобережье Днепра...

Наступала 10-я гвардейская армия. На пути — река. Нужен мост. И комсомольские батальоны переключились на помощь этой армии. Переправу-то они создадут, но ведь противник разбомбит ее, запросто достанет из орудий. Единственный выход — сделать невидимый мост, такой, чтоб с самолетов его не рассмотрели.

Саперы возводили подводную переправу на полметра ниже уровня воды. Обнаружьте-ка ее с воздуха! Отделение Джабраила Аллахвердиева забивало сваи. Тюкают и на бойцов Николая Барлита поглядывают — соревнуются с тем отделением. Макушки свай уже на уровне воды. Кувалды чмокают, брызги летят фонтанчиками. Дальше заколачивать трудно, удары слабеют. И рационализаторы изобретают устройство в виде наголовника. Свая погружена, она под надежным водным слоем.

Насадка на сваи под водой особенно трудна. Прогонны подготовлены заранее, лежат на берегу. Размеры точные. Теперь нужно спустить все в реку. Тутик, Дорогих и Голоусенко сбрасывают гимнастерки,

снимают сапоги. Плынут с топорами. Ефрейтор Драган ловит конец детали моста, протягивает дальше. Затем направляет выемку на шип.

— Быстрее! — подгоняет его Григоренко.

— Никак не попаду, — отвечает Драган.

Конечно, ведь предметы под водой — как в кривом зеркале.

— Ты на ощупь, — советует Григоренко.

А Голоусенко, Дорогих и Тутик топорами орудуют, подгоняют прогоны, скрытые водой. Приловчились.

— Так мы не успеем леса натаскать, — шутит сержант Иванчиков.

— Жми, Сережа! — подсмеивается Аллахвердиев над своим закадычным дружкой. — Вон как Яценко и Лобач стараются, — кивает он на командиров соседних отделений.

И тут наблюдатель подает сигнал:

— Воздух!

Людей на берегу будто и не было. Они прикрылись специально припасенными ветками, затихли. Когда вражеские самолеты улетели, снова закипела работа.

Противник не подозревал, что совсем близко от него строился мост. Изредка постреливал, так, на всякий случай. Шальная пуля вполне могла задеть саперов, но на то война, чтобы рисковать. Конечно, каждый надеялся: минует его снаряд, в стороне разорвется. Такую работу, как постройка мостов, считали будничной, обыкновенной. То ли дело — мины ставить. Или проходы расчищать.

Вскоре потребовались и проходы для наступающих.

— Нужны добровольцы, — сказал Бенецкий саперам из отделения Марченко. — Задание серьезное.

— Я пойду, — шагнул вперед Марченко.

— И я, — почти в один голос подхватили Цибенко с Цирюльниковым.

Лейтенант Мусихин возглавил группу, в которую вошли еще Привалов, Свириденко и другие комсомольцы. Предстояло проделать шесть проходов перед гвардейцами 56-й стрелковой дивизии. Причем, скрытно. Противник ни в коем случае не должен заметить саперов, иначе сорвется внезапная атака.

— Все ясно, товарищ капитан, — отрапортовал Мусихин. — Разрешите инструктировать ребят?

— Инструктировать мы с вами будем вместе. Вот схема.

На месте саперы подробно ознакомились с условиями.

— Здесь наши минные поля, — указал Мусихин. — С них начнем.

Со своими минами ребята знакомы, конечно, лучше, чем с немецкими. Однако при малейшей неосторожности и от них пострадать можно. Еще обиднее на своих-то подорваться...

Темень непроглядная. Какие же зоркие глаза надо иметь, чтобы разглядеть тут что-нибудь! Только бы не выдать себя, не помешать предстоящей атаке.

И вот шесть проходов на своих участках готовы. Пора приниматься за фашистские. Там еще труднее.

— Делайте все по-порядку, — предупредил Мусихин. — Мина, как змея гремучая. Проманетесь, смертельно ужалит.

К утру задание было выполнено.

Так действовали саперы на участке 255-го гвардейского полка. Лейтенанты Лапко и Сирота руководили группами разминирования четвертого батальона. За ночь они проделали восемь «зеленых улиц» для гвардейцев-стрелков. Каждая улица длиной в сто метров. Сотни противотанковых и противопехотных мин превратились в безобидные железки.

Возле противника минные разведчики орудовали большей частью лежа. Дышать и то старались потише.

После того как выполнили задание, так же ползком двинулись восвояси. И потеряли в темноте группу сержанта Голикова.

— Куда они могли деваться? — недоумевал командир взвода Лапко. — Где их носит?

А саперы из этой группы наткнулись на засаду. Гитлеровцы принялись палить. Потом вознамерились захватить русских живыми. Принялись уговаривать:

— Русс, сдавайся!

— Как бы не так! — крикнул в темноту комсомолец Козяр и нажал на спуск автомата. — Получайте!

Враги попытались окружить его. Тогда Иваншин и Мясоедов ринулись на выручку товарищу. Завязалась яростная перестрелка. Группа немецких автоматчиков отрезала отход саперам. Снова начали уговаривать:

— Сдавайся, русс, отпустим!

Перешли к угрозам:

— Сдавайся или смерть!

Ничего не оставалось комсомольцам, как броситься напролом. Что будет — то будет. Может, убьют, а может, и повезет... Хотя, в общем-то, никаких шансов на спасение не было. Тем более, что стало светать.

Над окопами, откуда гремели пулеметные очереди, поднялась одна фашистская каска, вторая, третья... Уж не в безумстве ли подозревали русских, которые бежали прямо на окопы?

Саперы сблизились с противником. Два немца тотчас с двух сторон направили автоматы на сержанта Голикова. Недолго сжимал он в руках оружие — гитлеровцы изловчились и ранили его в обе руки. Теперь он беспомощен. И они подбежали к нему. Но обоих наповал уложил из автомата ефрейтор Козяр. Схватил в охапку Голикова и вынес с поля боя.

Глава пятая

1

Центральный комитет комсомола Украины постоянно заботился о детище ленинской партии — инженерно-саперной комсомольской бригаде, бывшем полке. Где бы батальоны ни сражались, куда бы их ни перебрасывали, комсомольцы Киева писали письма. А когда бригада готовилась к наступлению на Смоленск и дальше, к форсированию больших и малых рек, к захвату плацдармов на их западных берегах, прибыли сами комсомольцы — представители Центрального Комитета комсомола.

Машины развернулись и остановились в придорожном кустарнике. Встречать гостей вышли начальник политотдела бригады Демин, его помощник по комсомольской работе Холодов, первый комсорг полка Кушкис, комбат второго батальона Блажко со своим замполитом Ивахненко, а также отличившиеся в боях саперы всех подразделений.

Молодой человек в рубашке военного образца, подпоясанной красноармейским ремнем, выступил вперед, и все увидели на его груди Красную Звезду — боевую правительственную награду.

— Секретарь ЦК комсомола Украины Костенко, — представился он, четко выговаривая слова. — А это Мария Пидтыченко, тоже секретарь. — Черноволосая женщина слегка наклонила голову, приветствуя всех. Чудом державшийся на пышных волосах берет не соскользнул с головы, даже с места не сдвинулся. Темный костюмчик облегал чуть полноватую фигуру, на лацкане его — тоже орден.

Секретарь перевел взгляд с Марии Пидтыченко на остальных своих товарищей и назвал их:

— Мария Карпенко, Саша Иващенко, Галина Зинухова, работники наших отделов.

Гости привезли с собой грамоты ЦК ВЛКСМ и Красное Знамя, которое торжественно вручили саперам комсомольской бригады с наказом пронести его до последнего рубежа, где враг будет разбит окончательно.

Сразу начались расспросы. Саперы спрашивали про Киев, про Москву. Может, кто бывал и там, откуда врагов еще не выгнали? Как сейчас на оккупированной территории?

— Наши партизаны совсем недавно из вражеского тыла возвратились, — сказал Василий Костенко. — Да вы сами с ними поговорите. Ну, хотя бы со Щербаковым.

— Так-таки из самого тыла? — скептически произнес Хилько.

Его глаза-вишенки насмешливо заблестели.

— А почему бы нет, Федя? — в упор посмотрел на него Холодов. — Разве ты, например, не проникал в глубокий тыл противника?

— Но ведь не до Мелитополя! — Хилько вытянулся во весь свой маленький росточек. — Не до города, где мать с отцом.

— И мои там, в Запорожье, — тихо произнес Коля Клец.

Тоже самое мог бы сказать и Сережа Иванчиков.

Между тем, Щербаков рассказывал ребятам, как партизанил в их родных местах. Вспоминался милый Донбасс с его шахтами. Вот почему притихли земляки Миша Тарасевич, Толя Греков, Леня Дзерпель, Коля Палехин, Вася Сахно, Андрюша Марченко, Саша Перескок и Коля Древгаль. Еще мальчишками облазили они каждый закоулок в своих поселках, на всех чердаках побывали. Любой камешек на тропинках был знаком.

Василий Костенко выступил на митинге. То и дело одергивая рубашку военного покроя и заметно волнуясь, так, что на щеках выступали красные пятна, он говорил:

— Комсомол есть и будет первым помощником партии. Еще в канун Великого Октября, решая вопрос о вооруженном восстании, партия приняла резолюцию, предложенную Лениным, о создании молодежной организации. А на третьем съезде комсомола Владимир Ильич призывал молодежь учиться коммунизму... Сейчас мы с вами учимся побеждать врагов нашей социалистической Родины. Вы, комсомольцы бригады, делаете это успешно. И я хочу вручить вам почетные грамоты по поручению ЦК ВЛКСМ.

Грамоты получили многие. Коля Клец и Федя Хилько, Илюша Холодов и Таня Мигель, Степа Чумаков и Коля Моргун... Комсомольский вожак Холодов от имени всех комсомольцев поблагодарил гостей. А Кушкис, придерживая Красное Знамя, напомнил исторические слова из обращения шестого съезда РКСМ к молодежи страны:

— Принимая имя Ленина, комсомольцы дали клятву, навеки вписав ее в летопись ВЛКСМ: «Какие бы препятствия на нашем пути ни стояли, каких бы жертв от нас ни требовали, мы выполним все эти задачи, мы не уроним знамени Ленина».

И он обратился к своим комсомольцам:

— Ну как, не уроним, товарищи?

— Не уроним! — прокатилось по рядам. Целый строй откликнулся, как один человек.

— Клянемся пронести его до последнего рубежа победного пути?

И снова будто единый вздох:

— Клянемся!

Оккупанты откатывались на запад из-под Москвы по знаменито-печальной для чужеземцев смоленской дороге. Советские войска, наступающие со стороны Тулы, прижали противника к Спас-Деменску. И скоро 10-я гвардейская армия ринулась на Ельню.

Сверху гвардейцев прикрывали наши краснозвездные самолеты. Спереди — танки. Стрелки за танковой броней чувствовали себя как за каменной стеной. Но самим танкистам приходилось туго — вокруг расстилались минные поля противника. То одна, то другая боевая машина останавливалась. Тут минные разведчики комсомольской бригады были незаменимы. С помощью умных приборов обнаруживали снаряды, выкапывали их, как земляные орехи. Обильные урожаи снимали.

На подступах к высоте с отметкой 227,2, южнее села Барабаново — сплошные минные питомники. Командир второго батальона Блажко увеличил число минных разградителей. И все равно еле управлялись.

— Во что бы то ни стало обеспечьте танкистам проходы, — приказал Блажко старшему лейтенанту Новоселову.

Подброшенные к местам танкового прорыва саперы пустили в ход все свои инструменты. Под непрекращающимся вражеским огнем, прижимаясь к земле, набитой минами, работали Мымриков, Приходько, Барлит и Максимчук. Опасные заряды они вылущивали, словно орехи. Сколько же их тут!

— Будто черт насеял, — ворчал Хилько, переползая от одной находки к другой.

Встречались противопехотные и противотанковые, нажимного и натяжного действия. Зацепишься за любую — впрах разнесет. Но Федя Хилько гибкий, как вьюн, легкий и быстрый. Ни одной пули за ним не угнаться. А с минами он расправляется, словно играючи.

С высоты падали из всех видов немецкого оружия. Били по роте, действующей впереди, так, что сердце у Блажко мучительно сжималось. «Только бы ни в кого не попали».

Но вот на его глазах один сапер слегка приподнялся и сразу же неловко завалился на бок. «Николай Барлит, виртуоз минного дела, — пронеслось в голове Блажко. — Неужели ранен?»

Сержант Барлит истекал кровью. Приходько потащил было его в безопасное место, но тот запротестовал:

— Не надо! Перевяжи здесь. Не могу же я бросить своих людей...

Гитлеровцы стали доставать из орудий по танкам. Произошла заминка.

— Спасайте наши танки! — просил командир 248-го танкового полка командира второго батальона саперов. — Нам же так не сдвинуться с места!

Блажко и сам понимал: у танкистов единственный путь — вперед. Повернуть обратно, значит, подставить под удар наиболее уязвимую часть боевой машины — моторную группу. В таких условиях это очень опасно.

— Старший лейтенант Новоселов, усильте команды саперов! — скомандовал Блажко. — Взгляните, вон там головной застрял.

Уже ранили Максимчука, еще кого-то. Раненые оставались на местах. Неожиданно огневые точки противника на склоне высоты смолкли. Это старший сержант Галкин заставил замолчать их. Он занял удобную возвышенность и ударил по врагу короткими очередями.

— Красноармеец Сердюк! — позвал комбат. — Возьми с собой ребят и марш на вырубку машинам, которые остановились перед минами.

— Есть! — Боец мгновение колебался, потом попросил: — Разрешите, я сам разминирую?

— Согласен.

Семен Сердюк ринулся напрямик туда, где только что упал минный разведчик.

— Осторожнее, сорви-голова! — крикнул вслед ему Блажко. — На мину налетишь!

Сердюк перешел на шаг, повел миноискателем. Стал извлекать из спутанной травы дисковые мины. Одна, вторая... Вывентил взрыватели. И тогда дал сигнал танкистам.

Танки взревели, залязгали гусеницами.

После боя командир 23-й гвардейской танковой бригады представил к награждению орденами и медалями сорок двух саперов комсомольской бригады.

— Заслужили, — скупно похвалил он их.

3

Начальник инженерного управления фронта генерал-лейтенант Галицкий поделился своими планами с командиром комсомольской бригады Петровым:

— Постараемся сделать из ваших саперов чудо-богатырей. Мы изготовили особые каски и броневые щитки на грудь и на живот. Этакую кольчугу современную.

— Замечательно, товарищ генерал. Я тоже кое-что придумываю, — отозвался полковник Петров. — Если мы подберем подходящих молодцов да экипируем их в богатырские доспехи, наверняка они смогут подняться на любую высоту.

— А кто, по-вашему, поведет такой штурмовой отряд?

— Я бы предложил Белоконя, командира первого батальона. В инженерном деле комбат второго не менее грамотен. Также смел, сообразителен. Однако опыта у него поменьше. Кроме того, Белоконь очень

решительный человек, не зря его ребята «Чапаем» прозвали.

Тихое августовское утро. Леса и перелески в дреме. Не шелохнется ветка, не затрепещут листья. Птицы и те еще спят. Скоро проснутся, начнут перекликаться. И не замолкнут, стреляй хоть беспрерывно. Привыкли, что ли, к громким посторонним звукам? Игнорируют их.

Еще не взошло солнце, а саперы уже на ногах. Белоконь, его заместители Лебедев и Балабасов, начальник штаба Панкратов организовали в подразделениях практические занятия по штурму укрепленных высот. Вот стоят в строю отборного батальона Валентин Шибинский, Николай Пятницкий, Сергей Иванчиков, Анатолий Греков, Иван Громак. Много их, штурмовиков-комсомольцев. Все — как на подбор: атлетического телосложения, рослые, сильные парни.

— Подогнать снаряжение, — подает команду Белоконь.

Ребята зашевелились.

— Стойте! — остановил он их. — Кто покажет, как это делается?

— Разрешите, товарищ майор, — обратился к нему Иванчиков.

— Пожалуйста.

Боец шагнул из строя. Повернулся лицом к товарищам. Надел на левое плечо крепление, приладил щиток на груди, опустил нижнюю приставную часть его на живот. Сверху натянул маскировочный халат.

— Наклониться! Присесть на корточки!

Сергей выполнил все команды. Затем нарядились точно так, как штурмовики отборного батальона, и курсанты учебной роты.

— Как бы испытать на прочность? — не утерпел Греков.

— Ну что ж, — сказал комбат. — Давайте испытаем. На макете попробуем. Лев Иванович! — обратился он к Панкратову. — Макетик бы нам.

Сплющенные пули отскакивали от щитка, как от стенки горошины. Значит, надежная экипировка у штурмовиков, не пробьют ее фашисты. Каски тоже непробиваемы.

Стали отрабатывать практику штурма. Имитировали настоящий бой, и вскоре он загремел.

...Восемнадцать месяцев немцы укрепляли высоту 233,3. Превратили ее в серьезную преграду на пути наступления частей Советской Армии, развернувших бои на подступах к древнему русскому городу Смоленску. По десять — двенадцать раз в день бросались наши воины на штурм неприступной высоты. И всякий раз отборные головорезы из дивизии «Ваффен-СС» сопротивлялись с яростью обреченных.

На высоту обрушили огонь гвардейцы 10-й армии. Они должны, обязаны были прорвать сильно укрепленную оборону фашистов. Все тонуло в дыму и пыли. Канопада длилась, казалось, вечность. Склоны все изрыты снарядами — живого места не осталось. На гитлеровцев сыпались и сыпались бомбы. А потом двинулись краснозвездные танки, за ними пошла пехота.

Тут-то и откликнулись многочисленные огневые точки врага, увенчанные бронеколпаками, привезенными из Германии. Они возникали из-под земли неожиданно, вырастали, словно грибы после дождя. Пулеметы, орудия, минометы... Гитлеровцы стреляли так часто, такую плотность огня создали, что и воробью у подножия высоты не пролететь.

Изнурительный бой длился почти сутки без перерывов. Шесть раз поднимались гвардейцы в атаку. Однако так и не удалось им в этот день овладеть

высотой. Они приблизились к ней под ураганным огнем и остановились.

Высота была окружена глубоким рвом, обнесена колючей проволокой в два ряда, со всех сторон заминирована. Ее склоны взрезали траншеи и ходы сообщений, позволявшие противнику маневрировать. Пункты наблюдения, связь и система разнообразной сигнализации — все делало высоту неуязвимой. Стоит крепость, и не подступишься к ней.

Пришлось нашим частям вернуться на исходные позиции. Притаились в укрытии тяжелые танки. Молчали, остывая, стволы орудий. Все рода войск готовились к новому штурму. Командование приказало комбригу Петрову создать сводный штурмовой батальон. Воинам комсомольской бригады предстояло штурмом взять эту высоту.

Полковник Петров сам наблюдал, как саперы готовились к этой сложнейшей операции. Наступило утро 10 августа.

— Ну как, Федор Наумович? — спросил он комбата.

— Батальон к выполнению боевой задачи готов. Ждем вашего приказа, Павел Александрович, — ответил Белоконь.

— Давайте-ка заглянем вместе в подразделения.

— Что ж, идемте.

Петров и Белоконь направились к ближайшему перелеску, где саперы учились метко, точно в цель, бросать ручные гранаты. Схватывались врукопашную. Руководил ими начальник штаба Лев Иванович Панкратов.

Комбриг с удовлетворением отметил:

— Вижу, дело у вас налажено по-суворовски! Конкретную задачу поставит вам на месте командир пятьдесят шестой гвардейской стрелковой дивизии. А я познакомлю с обстановкой на карте.

Расстелили карту прямо на пеньке.

— Здесь главные препятствия, которые надо преодолеть в первую очередь, — показал Петров. — Понятно? Возьмете высоту — обеспечите успех частей десятой армии. После того, как они откатились, эсэсовцы успокоились. Прежде всего внезапность. Передвигаетесь и сближаетесь скрытно. Именно в этом залог успеха.

На этом строил свой расчет и командир дивизии.

— При внезапной атаке артиллерийская поддержка не нужна, — сказал он Белоконю. Повернувшись к артиллеристам, добавил: — Но вы будьте начеку. Если потребуется, командир штурмового отряда попросит у вас помощи. Сигнал: две красные ракеты. Вот тогда уж не мешкайте.

Подразделения сосредоточились в укрытии. Панкратов и Лебедев поставили в уголок Знамя, врученное посланцами Центрального Комитета комсомола Украины и ВЛКСМ. Белоконь взял его, развернул кумачовое полотнище.

— Перед нами высота двести тридцать три и три десятых, — сказал он, обращаясь к комсомольцам. — Высота мешает нашим частям продвигаться на запад. Мы должны взять ее, чего бы нам это ни стоило! Так пронесем же наше Знамя сквозь огонь и водрузим его на самой вершине!

Комсомольцы отдавали себе отчет в том, насколько трудная предстоит атака. Кому-то она может стоить жизни... И, готовясь к бою, многие подали заявления в партию. Конечно, они надеялись остаться в живых. Но если уж придется умирать — так коммунистами.

— Лучшей рекомендацией вашей будет то, как вы проявите себя в этом бою, — напутствовал их заместитель комбата по политчасти Лебедев.

Сгустились сумерки. Небо занавесили плотные облака, так что ни луны, ни звезд не видно. Молчала израненная земля, словно набиралась сил.

— Панкратов! Балабасов! Командиры рот! Выводите подразделения на исходный рубеж, — скомандовал Белоконь.

Прошумел по кустам ветерок, перелистал листки. Точно по заказу, он подул со стороны противника: хоть не донесет до него шороха шагов, не заставит прислушиваться.

У подножия высоты офицеры окружили комбата. Белоконь, как режиссер, распределял роли, объяснял, кто куда и за кем пойдет, какие задачи возлагаются на подразделения.

4

Поднимаются комсомольцы-штурмовики на высоту. Белоконь в цепи второй роты то настороженно смотрит вперед, то оглядываясь по сторонам, отдает через посыльного распоряжения:

— Не отставать!

— Правее!

— Не отклоняться от направления!

Учебная рота растянулась по северному скату, взяла высоту в полукольцо. Слева саперы уже подступили к траншеям вплотную. И почти одновременно, справа и слева, завязался ближний бой, пошли в ход финские ножи, кинжалы. Этого было достаточно, чтобы противник всполошился. Тут и там появились на склоне огневые точки, до того скрытые под землей. Они выныривали из углублений, огрызались огнем.

Оценив обстановку, Белоконь передал приказание залечь на месте и выстрелил из ракетницы. По его сигналу моментально грянули залпы «катюш». Реактивные снаряды рвались перед штурмовиками. Артиллеристы стреляли метко: своих не задевали, а

гитлеровцев, не успевших спуститься в подземелье, накрыли.

— Вперед!

И саперы двинулись на высоту. Те, что огибали ее с юга, повернули вправо, северные группы резко взяли направление вверх, повернув налево. Приходилось рвать проволоку, перебираться через рвы и траншеи, обезвреживать мины.

А гитлеровцы все высывались из подземелья, словно черти из преисподней, били по комсомольцам из автоматов.

Эсэсовцы сопротивлялись отчаянно. Саперы напирали. Бились в траншеях. Сначала туда полетели ручные гранаты. Потом спрыгнули сами штурмовики. Врагов охватила паника, они разбегались. Лейтенант Корнеев бросился наперерез немецкому офицеру. Тот остановился, тщательно прицелился и выстрелил. Каков же был его ужас, когда пуля, будто заговоренная, никакого вреда русскому не причинила! Она просто упала рядом, как самый обыкновенный камешек. А русский шел вперед, на офицера. Торопясь, шепча что-то побелевшими губами, немец снова выстрелил, уже в упор. Попал, ну попал же, ясно видел это. А русский не шелохнулся.

— О, мой бог!

Офицер заслонился пистолетом, закрыл глаза. Он больше не доверял ни своему зрению, ни слуху, ни разуму.

Корнеев выбил из его рук пистолет, но в тот же миг из темноты выскочила группа эсэсовцев. Он открыл по ним огонь и крикнул:

— Ребята, не останавливаться! Бей их, пока не опомнились!

— Вперед! — прозвучал где-то очень близко голос Белокопя.

Перед Марченко — дюжина фашистов, не меньше. Запустил в них ручную гранату и расчистил ход сообщений, ведущий к вершине. Врукопашную схватились с эсэсовцами Гулай, Акопян, Костенко, Тянушин и Лыжин. На каждого сапера — по два-три немца. И все-таки разметали их всех, бросились наверх.

Путь им преградила длинная пулеметная очередь. Вражеский «машингевер» гремел неподалеку. Проследив за танцующими вспышками пламени, Пономаренко подкрался к пулеметчику, короткой автоматной очередью вынудил его замолчать.

Лазарев наткнулся на блиндаж, битком набитый гитлеровцами. Сунулся ему навстречу немецкий офицер, да такой громадный, что оторопь взяла, выстрелил из пистолета. Лазарев замер, как изваяние. Но не рухнул к ногам эсэсовца, как тот ожидал. Всю обойму разрядил гитлеровец в комсомольца. Даже не покачнулся русский, шагнул к пораженному суеверным страхом офицеру и прикончил его. Остальным обитателям блиндажа скомандовал:

— Руки вверх!

Те было схватились за оружие. Тогда швырнул гранату. Это их убедило — уцелевшие послушно подняли руки.

Бой за высоту продолжался всю ночь. К рассвету противник частично вырвался из окружения. Остатки еще сопротивлялись, когда Белоконь с группой комсомольцев забрался на вершину и развернул Красное Знамя.

Высота 233,3 была взята. Но на склонах все еще кипела схватка. Гитлеровское командование бросило в бой резервы, подтянуло артиллерию. И как только на высоте заалело Красное Знамя, началась оглушительная канонада. До чего ж не хотелось фашистам отдавать этот уголок советской земли. Ведь восемнадцать

месяцев они его укрепляли. Надеялись удержать подступы к Смоленску.

Столько усилий было затрачено. Под землей расположился настоящий городок с клубом, баней, складами и мастерскими. Комфортабельные жилища, где отдыхали, даже развлекались. Здесь устраивались надолго. Сюда тянулись нити связи с фронтом и тылом. И все же форпост у границ немецкой группы «Центр», на которую фюрер возлагал последние надежды, был обречен.

Захваченный в плен обер-ефрейтор Швайге на допросе объяснил успех русских тем, что, якобы, появилась какая-то странная пехота, действующая без артиллерии и танков внезапно и дерзко.

Он говорил и закатывал выцветшие глаза под лоб, оттягивая ворот короткими пальцами, будто тот душил его.

— Стальная дивизия, о!

Как бы то ни было, отборные части гитлеровцев двинулись спасать эсэсовцев. Завязалась ожесточенная схватка на флангах высоты. Лицом к лицу встретились штурмовики с противником на западном склоне. У саперов — пулеметы да автоматы. И патронов в обрез. Атаку за атакой отражали они без артиллерии. Патронов оставалось все меньше.

— Стрелять только по команде! — предупредил Белоконь. — Бить наверняка.

Досадно: кругом трофейные снаряды, но орудия молчат — выведены из строя.

— Замполит! — позвал комбат.

— Я здесь, Федор Наумович, — отозвался Лебедев.

— Давай сюда трех комсомольцев!

Майор Лебедев и капитан Балабасов присмотрелись к орудиям, выбрали два случайно уцелевших, затем с помощью бойцов выкатили их на открытые позиции. Начали палить прямой наводкой по танкам, по пехоте...

Отступили гитлеровцы, оставили на поле боя побитые танки.

Враг вскоре опомнился, снова полез, да так напористо, что и бронированные щитки комсомольцев не спасали. Когда лежишь на груди — они бесполезны. А встать, даже приподняться — невозможно. Свистят снаряды, осколки впиваются в землю. Но вот гроыхнуло за высотой. Оттуда ударила по врагам наша тяжелая артиллерия резерва Главного командования.

Началось общее наступление войск нашего фронта.

Глава шестая

1

После боя проверяли по спискам, кто в строю, а кто выбыл по ранению. Были и убитые... Бирюков, Лазарев, Щербина, Храмов... Да разве только они? Анатолий Греков пропал без вести.

— В начале атаки видел его, — докладывал начальник штаба Панкратов. — Неужели к гитлеровцам в лапы попал?

— Не мог комсомолец сдаться врагам, — отчеканил Белоконь. Жесткие складки прорезались у его рта. — Никогда не поверю. Ищите, Лев Иванович. Он где-нибудь в траншеях или в ходах сообщения, не иначе.

Панкратов организовал несколько групп для поиска, послал их в разных направлениях, чтобы все осмотреть. Пошел сам. Пошел и не вернулся. Куда, спрашивается, девался? Теперь уже искали двоих: Грекова и Панкратова. Оба как в воду канули.

Исчезновение начальника штаба батальона взбудоражило всю бригаду. Высказывали предположения, строили догадки.

— Где же он? — в который уж раз задавал вопрос себе и другим комбриг. — Не могли ведь его немцы схватить среди бела дня. Да еще на нашей стороне! Как вы думаете, Федор Наумович?

— Конечно, нет!

Комбат пожимал плечами, раздражался:

— Фантастика! Все обыскали, все осмотрели... Провалился он, что ли?

— Может, и правда провалился? Ловушек-то сколько эсэсовцы понастроили! Надо в подземелье спуститься, ходы и выходы проверить.

И ведь отыскали. В глубоком колодце, к счастью, сухом. В противном случае начальник штаба и в самом деле бы «канул в воду». Едва его подняли на поверхность, сразу спросил:

— А Греков?

— Грекова не нашли.

— Давайте искать.

— Да вы в себя придите сначала! Передохните хоть!

— Некогда. Грекову, может быть, очень плохо...

Когда началась атака, Анатолий Греков шагал, не сгибаясь даже под пулеметным огнем. Не остерегался. И поплатился за это. Упал сзади вражеский снаряд. Осколки его, точно гвозди, прибили к земле Грекова. Сгоряча он рванулся, хотел на ноги встать. Не тут-то было. Крикнуть и то не смог. Ему казалось, что кричит, а на самом деле только шептал. Никто шепота не услышал.

Он то приходил в сознание, то терял его. Стоило мыслям немного проясниться, как начинал соображать, что надо ползти. А куда? Где свои, где враги — ничего не поймешь. Не хватало еще в траншею к немцам пожаловать. Самому!

Боли он почему-то не чувствовал. Просто тело стало чужим, постепенно немело. Лежал беспомощный. Время тянулось бесконечно. Но должна же когда-нибудь кончиться ночь! Верил он, что утром найдет выход из положения. Может, свои подберут...

Взошло солнце. Греков решил ползти навстречу ему. Стиснул зубы, уперся локтями. Дернулся — и пронзительная боль опрокинула его. Он опять потерял сознание. Ничего не видел и не слышал.

Между тем через поле, где он уткнулся в траву, прошло стрелковое подразделение. Санитары подобрали раненых, отправили в тыл. Потормошили Грекова — недвижим. И до того бледен, что последние сомнения

рассеялись: умер, похоронная команда о нем позаботится.

Очнулся он, а рядом мертвые. Совсем близко от него, раньше их тут не было. Понял, что санитары подтащили, и его за убитого приняли. Жутко стало. Ведь если он снова забудется, могут и похоронить. Зароют, тогда уж не выбраться из могилы.

Шевелиться уже не пытался — экономил силы. Целиком положился на волю случая. Весь день изнемогал от жажды. Комары и мухи донимали. Ни пристукнуть назойливых насекомых, ни отмахнуться от них. Шевелил мускулами лица, чтобы согнать, гримасничал. Одолевают и все, спасу нет. Вцепился пальцами в трещину земли, напрягся. Надо двигаться. Другого выхода нет.

Сразу же сделалось дурно. Однако уловил скрежет железа, нарастающий гул. Усилием воли заставил себя открыть глаза.

Танки! Головной мчится на него. Миг — и растолчет, смешает с землей. В последнюю секунду танк резко скрипнул гусеницами, свернул в сторону и встал. Из люка выглянул танкист. Позвал товарищей. Они склонились над Грековым.

— Из комсомольской бригады парень. Ишь, и не слышно, как дышит. Захватим с собой, отправим в санчасть.

Его увезли в деревню Гнездилово, неподалеку от Спас-Деменска, где располагалась санитарная часть 23-й гвардейской танковой бригады.

На участке вяло перестреливались. Полковник Петров взял бинокль и вышел на опушку леса. Его сопровождали офицеры.

— Побеседуем на чистом воздухе, — предложил он им. — Перед нами высота двести сорок четыре три десятых, так? Рядом с ней деревня Матвеевщина. Это единый и, как воображают гитлеровцы, непреодолимый барьер на подступах к Ельне. Наша бригада наступает в полосе шестьдесят второй стрелковой дивизии.

Комбриг охарактеризовал задачу в деталях. Главную роль в ее решении предстояло сыграть третьему батальону.

— Учтите, — предупредил Петров, — штурм начнется не ночью, как на той высоте, а утром. На внезапность рассчитывать нечего, потому что противник наверняка извлек урок из предыдущей атаки. Так что сумерки нам ни к чему.

Гитлеровцы были начеку. Им теперь днем и ночью мерещилась наша «Стальная дивизия». Окрестив так сводный комсомольский батальон, они о нем по всей Германии раструбили и уж, конечно, сочиняли сказки на фронте. Артиллеристы не отлучались от орудий и минометов ни на минуту. Будто суслики, торчали на открытых позициях наблюдатели, глазели через маскировочные сетки. Не идут ли красноармейцы в атаку?

Без единого выстрела проникли в тыл врага разведчики во главе с лейтенантом Олейниковым и сержантом Иванчиковым. Они и доложили про бдительных наблюдателей командиру батальона.

Земляки Иванчикова донбасовцы Барлит, Громак, Чумаков, Шурубенко, Тарасевич снова облачились в боевые доспехи — в непробиваемые каски и бронированные нагрудники. Заместитель командира третьего батальона по политической части Хорунженко посмотрел, как ловко они это делают, и спросил:

— Как настроение перед штурмом?

— В норме, Николай Григорьевич, — отозвался Иванчиков и тут же смутился: фамильярно у него

получилось.

— Можно и так, дружище, — успокоил его замполит. — Так, по имени, теплее, верно? Растянуть бы сейчас гармонь, да противник может засечь, артогнем накроет.

— На Кавказе бы сыграли, — вставил Чумаков.

— Ну, там другое дело! — оживился Хорунженко. — В горах трудно запеленговать. Помните молодежную делегацию Грузии? Патефонон тогда навезли, книг. И гармонь. Растянул я меха одной из них, а в горах такое эхо грянуло, что врагам показалось: за каждым пригорком русская гармонь играет...

Играл он тогда «Давай закурим» и «Землянку».

Ты теперь далеко-далеко.
Между нами снега и снега.
До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти четыре шага...

Так они и ходят по сей день рядом со смертью. Война проклятая...

— Хоть бы потихоньку сыграть, — мечтательно произнес Тарасевич. — «Синий платочек» бы.

— Артиллерия нам аккомпанировать будет, — рассмеялся замполит. — Бог войны! Чем не музыка?

— На «бога» надейся, сам не плошай, — заметил Иванчиков.

— Верно, Сережа! В бою плошать — другим мешать.

3

За спиной саперов раздался оглушительный гром орудий.

— Шагом марш!

Лейтенанты Куприянюк, Олейников и Кияшко повели взводы к высоте. Капитан Хорунженко возглавил третью роту, которая двинулась на Матвеевщину. Ведь высота и Матвеевщина — общий узел сопротивления гитлеровцев.

Цепь за цепью поднимались в гору, карабкались по склонам. Лейтенанты торопили солдат.

— Быстро! Быстро!

— Бейлин, поднажми, — подгонял капитан Маслюк.

— Вперед! — призывал весело капитан Хорунженко. Он был жизнерадостный человек, никогда не унывал.

Наша артиллерия стреляла близко. «Р-рр!», «р-рр» — словно ревела. Огонь. Дым. И густящая пыль. Не успела она осесть на землю, грянуло «ура». Гитлеровцы заметались, как караси на горячей сковородке.

— Сержант Беляев! — позвал Хорунженко. — Догоняйте!

Фашисты и в самом деле дали стрекача. Отделение Беляева перехватило их. То тут, то там швыряли беглецы оружие на землю — сдавались. Напрасно орал на них офицер, они больше не подчинялись ему. Тогда он принялся палить в своих.

— Ах, подонок! — возмутился ефрейтор Драган и прикончил его.

Отделение Иванчикова оказалось в самой гуще столпившихся гитлеровцев. Те прятались за кочки, кое-кто строчил из автомата по атакующим.

— Сергей, берегись! — крикнул Ваня Громак.

Обернулся тот и чуть не наткнулся на дуло пистолета. Гитлеровец прищурил один глаз, спустил курок. Пуля скользнула по щитку на груди Иванчикова.

Тяжеловесный «вальтер» выпал из рук ошеломленного немца. Он бессмысленно таращился, голова его запрокидывалась к небу.

— О-о!

Фуражка с эмблемой хищника покатила под уклон.

Саперы рвали вражеские укрепления. Блокировали доты. Сметали заграждения. До Матвеевщины — рукой подать. Но подступиться к ней не просто: там рокочат автоматы, мелькают немецкие каски. Рота, которую вел Хорунженко, оказалась в затруднительном положении.

— Третья, короткой перебежкой! — подал он команду. — Михайленко, поддержать с фланга.

Николай Михайленко устроился с пулеметом у бугра, нажал на спуск. Длинными очередями он сбивал врагов, короткими доканчивал их.

Рота сблизилась с противником. Началась рукопашная. А Хорунженко хлопнул по плечу своего пулеметчика.

— Ай да молодец! Не запорожец, часом?

— Запорожец, товарищ капитан. Из Константиновки.

— Здорово действовал.

Неожиданно обнаружилось, что исчез пулеметчик Свешников. Где бы ему быть? Хорунженко встревоженно огляделся. Что такое? Группа немецких солдат и офицеров с поднятыми руками. Стоят, не шелохнутся. А Свешников за пулеметом лежит, глаз не спускает с капитулирующих. Много он немцев уложил. Хотели в плен его взять, да пришлось самим сдаваться.

Четырнадцать гитлеровцев разоружили Чумаков, Белоусов, Кузьменко и Маматкаримов, девятнадцать — Драган и Гриценко. Не отстали от них Калашников, Кривонос и Мельников. Громак несколько точек огневых ликвидировал, до дюжины фашистов застрелил. Четыре огневые точки заставили замолчать Барлит и Проценко. Смаилов, так тот расправился со всеми, кто обслуживал шестиствольный миномет, офицера пленного привел.

Высоту 244,3 и деревню Матвеевщина взяли с ходу. Очистили путь к Ельне.

Но было о чем горевать комсомольцам — погиб их жизнерадостный замполит Хорунженко. Подняли его и понесли в тихий уголок. Прибежали Холодов, Кушкис,

Демин. Достали из карманчика партийный билет. Странички слиплись от крови. На лицевой обложке: «Член Всесоюзной Коммунистической партии большевиков. Партийный билет № 3376676». Под ребро ударила вражеская пуля замполита. Так что заградительный щиток не помог — на груди он...

Похоронили Николая Григорьевича Хорунженко на той самой высоте, которую отвоевал он у врага. Стоит там и поныне на гранитном пьедестале гранитный воин с автоматом — памятник ветеранам минувшей войны. Далеко его видно.

Глава седьмая

1

Наша армия вела наступательные бои. Под Красным Знаменем ВЛКСМ в составе войск Западного фронта шла вперед и штурмовая инженерно-саперная бригада. Саперы обезвреживали минные поля, делали проходы для танков и пехоты, штурмовали высоты, блокировали и ликвидировали доты и дзоты. Наши части ударили по засевшим в Рославле и Починке врагам, перерезали, а затем полностью очистили железную дорогу Брянск — Жуковка — Смоленск. Прорывом оборонительной линии Колодня — Ярцево обеспечили обхват Смоленска с севера. И освободили его.

Столица Родины салютовала освободителям Смоленска. А среди них были комсомольцы Первой штурмовой бригады. С того самого дня стала она называться «Смоленской». Но узнали они об этом чуть позже.

Лихачево, куда прибыл майор Лебедев, только что освободили. Этот населенный пункт сейчас трудно было назвать деревней, разве что бывшей, потому что вместо домов — обломки, вместо заборов — одинокие столбики. Улиц как таковых нет: кругом развалины. Груды побитых кирпичей, осколки оконных стекол, обгоревшие доски. И пепел — кучи пепла, которые гонял ветер вокруг единственной уцелевшей хаты.

Сюда, в хату, переместился штаб комсомольской бригады и политотдел. Здесь, в бедно убранной горнице, Холодов и Кушкис ждали Лебедева. Возле них на наскоро сколоченных, неуклюжих и занозистых скамейках чинно расселись местные парни и девушки.

Старший инструктор политотдела вошел, огляделся.

— Что-нибудь случилось? — спросил он Кушкиса.

— Только приятное! Вот, Владимир Федорович, представители сельской молодежи Смоленщины. Хотят поздравить Красную Армию с победой. Ведь их родные места освободили.

— Будем знакомиться, товарищи! — повернулся к девушкам и парням Лебедев. — Да вы не старше наших комсомольцев! Одногодки, наверно.

Несмотря на столь юный возраст, среди гостей были партизаны и подпольщики. Им не приходилось воевать с фашистами на фронте. Но в тылу ведь бороться не легче, а, может, иногда и труднее. В собственном доме от врагов не укроешься, надо обманывать их, делать вид, что ни во что не вмешиваешься, и вредить исподтишка... А до чего же мучительно притворяться!

Многие из прибывших юношей стали проситься в комсомольскую бригаду. Хотелось встретиться с врагом лицом к лицу, без всякой конспирации, наконец.

Как и предсказывал Лебедев, гости и бойцы-комсомольцы разговорились быстро. Уже через какие-то минуты вели себя так, будто со школьной скамьи знали друг друга.

— Вот наш Павлик, он, знаете, клуб с немцами взорвал, — захлебываясь, делилась с Ильей Холодовым шустрая дивчина и все подталкивала своего смущенного товарища. — Расскажи, Павел!

— Да ладно тебе, Верочка, — отнекивался тот, заливаясь краской. — Не надо...

— Как не надо? — Дивчина всплескивала руками. — Ты же трех немецких офицеров на тот свет отправил! Нет, правда, — теребила она Холодова за рукав гимнастерки. — Наш Павлик сам еле живой остался!

— А наш Павлик, Павел Черкасов, погиб, — тихо сказал Холодов.

Комбриг Петров вызвал к себе в штаб работников политотдела. Они тревожно переглядывались,

выспрашивали один другого: не знают ли, зачем? Наконец Холодов не выдержал, задал вопрос, который волновал всех:

— Неужели плохие вести с фронта?

— Пора привыкать к хорошим вестям! — отшутился Петров. — Нам пришла телеграмма из Москвы. Слушайте.

«Центральный Комитет комсомола от имени советской молодежи приветствует бойцов, командиров и политработников вашей бригады с блестящей победой — освобождением древнего города русской славы Смоленска. Поздравляем вас с присвоением бригаде наименования „Смоленской“...

Желаем вам, наши славные друзья, новых боевых успехов».

А ровно через десять дней поезд увозил делегацию комсомольцев в Москву.

В Центральном Комитете ВЛКСМ ее встретили торжественно. Приняли рапорт о действиях детища комсомола под Смоленском. Выслушали самих участников сражений. Затем попросили их помочь в подготовке выставки о комсомольских делах. Под руководством Лебедева саперы-комсомольцы справились с этой задачей.

Когда делегаты вернулись в свою часть, их ждали награды.

Начали готовиться к новым боям. Необходим был удар по белорусской группировке, сосредоточенной на рубеже Бобруйск — Минск — Витебск. Пресловутый белорусский выступ еще представлял опасность. Группа армий под названием «Центр», по замыслу Гитлера, должна была снова двинуться на восток.

Глава восьмая

1

Рота старшего лейтенанта Клушкина готовилась к штурму высоты 199,0.

С высоты были видны подступы к Орше. А от Орши ведут железнодорожные линии: прямо — на Минск, влево — на Могилев и Осиповичи, вправо — на Витебск, как раз туда, где немецкое командование завязало тугие оборонительные узлы. Там сосредоточились несколько армий под общим названием — группа «Центр». Гитлер поставил перед группой две задачи: первая — сделать новый рывок на Москву, вторая, на случай осечки, — удержать оборонительные рубежи на территории Белоруссии с таким усердием, с каким удерживали бы их в самой Германии. Бобруйск, Могилев, Витебск и Орша — как бы вершина белорусского выступа. А высота 199,0 с деревней Старая Тухиня — вроде заслона на подступах к Орше...

— Иван Михайлович, познакомьте меня с обстановкой, — попросила Зайцева Шура, батальонный санинструктор.

Ротный был чем-то озабочен и не сразу понял, что обращаются к нему. Потом, видно, до него дошло. Он рассеянно взглянул на девушку.

— А?..

— Хочу знать точно, как и когда начнется бой, — твердо повторила она. — Не очень-то вы информируете нас, медиков...

— Ну что вы, Шура! — галантно произнес он. — Мы для вас всегда рады стараться!

Зайцева нахмурила тонкие брови.

— А нельзя ближе к делу? — И сама растерялась от собственной настойчивости.

Однако именно это понравилось в ней лейтенанту. Деловая девушка, не из тех, кому все хиханьки да хаханьки. И он рассказал ей о предстоящих задачах роты.

Шура слушала, склонив светловолосую голову набок, сузив глаза, обрамленные длинными ресницами.

Подошла Алешина, откинула со лба прядку волос. Кивнула ротному.

— А-а, Клавдия Васильевна! — обрадовалась девушка.

— Здравствуй, Шурочка! Как вы тут живете-поживаете?

— Здравствуйте. Живем хорошо, праздника ждем.

— А где девочки из других батальонов? — спросила Клавдия Васильевна.

— Да вон они, ваши девочки, — сказал старший лейтенант Клушкин и позвал их: — Сюда! Сюда!

Они подбежали, защебетали. Движения быстрые, голоса, как колокольчики.

— Ой, неужели опоздали?

— На четыре минуты, — строго сказала Алешина, но тут же улыбнулась.

Как на них, звонкоголосых, сердиться? Небось и нарядно одеться хочется, и потанцевать — юные же совсем. А приходится бинты засохшие от ран отрывать, стоны слушать. Такая она — война. Целое поколение перешагнуло через свою юность.

Клавдия Васильевна провела инструктаж младшего медицинского персонала первого, третьего и четвертого батальонов, которым предстояло участвовать в штурме высоты. Объяснила, кто и где будет находиться, куда эвакуировать раненых.

Бой должен был начаться на рассвете 21 октября. Первой ударит артиллерия 31-й армии, без нее теперь

саперы шагу не делали.

Конечно, Шуре Зайцевой сложно было разобраться во всех тонкостях военного искусства. Но она каким-то чутьем предугадывала возможные неожиданные повороты в ходе сражения за высоту и деревню Старая Тухиня. Так, по крайней мере, ей казалось. И, понятно, хотелось проверить, как оно будет на самом деле.

Все давно затихли, успокоились. Шура тоже лежала, не ворочаясь. Однако глаза ее были открыты. Вспоминалась почему-то всякая чепуха, упрямо сбивала мысли об атаке. Когда она ходила еще в детсад, подарили ей на день рождения котенка, Черныша. Лакать из блюдечка он не умел, признавал только соску. Сосал, причмокивая, с удовольствием — ну прямо как ребенок. Уж и вырос потом, а все соску просил. Господи, ну при чем здесь Черныш? О чем она думает...

— Маша, ты спишь? — тихонько окликнула Зайцева фельдшера Самборскую.

— Не спится, — отозвалась та. — Думы разные.

— Вот и у меня.

— А у тебя о чем?

— Да так... О котенке.

— О котенке? — удивилась Самборская. Слышно было, как она приподнялась. — Ну, знаешь, в твоём возрасте я больше про любовь думала.

— Какая сейчас может быть любовь!

— Ну, не скажи. Про Оксану и Павла Черкасова слыхала? То-то же. Человеку нельзя без любви. Чтобы что-то или кого-то защищать, надо любить. Любить Родину, за которую мы сражаемся...

— Пожалуй, ты права.

— Так ведь на опыте проверено, милая. Без любви мы бы не побеждали.

Они помолчали. Через некоторое время Шура шепотом позвала приятельницу.

— Послушай, у тебя была настоящая любовь? Ну чтобы один раз и навсегда?

— Она у меня и сейчас есть.

— А у меня нет...

— Разве тебе никто не нравится у нас в полку? Такие ребята! Почему ты не позволяешь ухаживать за тобой?

— Еще не хватало!

— Ты очень сурова, Шура.

— Я стараюсь быть мужественной.

— Женщина должна быть женственной, а не мужественной. Даже на войне. Вот смотрят на нас наши ребята и защитит им всех женщин хочется. Понимаешь?

— И мы их защищаем. Раненых с поля боя выносим!

— Все так, милая. Но не надо подчеркивать свою силу, преувеличивать ее. Женщине среди мужчин легко огрубеть. Курить начнет, ругаться... А потом обижается, что не считаются с ней. Да как же с такой можно считаться?

— Расскажи о твоей любви, а?

— Не умею. Хочешь расскажу о любви поэта? Его стихотворение прочитаю.

— А ты наизусть помнишь?

— Конечно.

Самборская зашевелилась, видно, устраивалась поудобнее. Потом послышался ее голос, изменившийся до неузнаваемости:

О доблестях, о подвигах, о славе
Я забывал на горестной земле,
Когда твое лицо в простой оправе
Передо мной сияло на столе.
Но час настал, и ты ушла из дому.
Я бросил в ночь заветное кольцо.
Ты отдала свою судьбу другому,
И я забыл прекрасное лицо.

Летели дни, крутятся проклятым роем...
Вино и страсть терзали жизнь мою...
И вспомнил я тебя пред аналогом,
И звал тебя, как молодость свою...
Я звал тебя, но ты не оглянулась,
Я слезы лил, но ты не снизошла.
Ты в синий плащ печально завернулась,
В сырую ночь ты из дому ушла...

— Красиво как, — вздохнула в темноте Зайцева. —
Грустное стихотворение. И почему только она его не
простила...

— Кто?

— Ну та, к которой поэт обращается. Надо уметь
прощать, правда?

— Ты сама-то умеешь?

— Не знаю...

Они бы так всю ночь проговорили, если бы не сонное
бормотание третьей обитательницы комнатки.

— Полуночницы... Когда вы уйметесь? Не дадут
человеку выспаться...

И в самом деле, пора спать. Завтра — штурм.

2

Огневые позиции артиллерийских батарей озарились
вспышками. Загремели орудия. Начался бой. Саперы
трех батальонов, разведчики и курсанты учебной роты
сосредоточились на исходных рубежах и ждали сигнала.

Как только канонада оборвалась, в небе вспыхнули
три зеленые ракеты. Комсомольские подразделения
двинулись вперед. Цепь за цепью, цепь за цепью, сметая
на своем пути заграждения, обезвреживая мины.

Обнаружив саперов, противник открыл огонь из всех видов орудий, старался остановить штурмовиков. Но не тут-то было. Батальоны продвигались вперед — словно катилась по склону неудержимая лавина.

Враг потеснен в самом центре опорного пункта. Понесся большие потери, он попятился. Но успел бросить подкрепление на фланги.

Двинулись в контратаку «тигры» и «фердинанды» — тяжелые танки с непробиваемой лобовой броней — и мощные самоходные орудия. Стало ясно, что фашисты вознамерились окружить штурмовые отряды комсомольской бригады.

Они ударили в затылок и с обеих сторон. Падали пробитые вражескими пулями комсомольцы, то один, то другой. Уже ранен командир роты старший лейтенант Клушкин. Склонилась над ним Шура Зайцева. Неужели это она слушала вчера лирические стихи, готова была плакать над любовью поэта? Сейчас девичьи губы сжаты, в глазах — лихорадочный блеск. Ненависть опалила ее. Гибнут боевые товарищи. Как спасти их? Только Шура перебинтовала Клушкина, как сообщили: контужен его незаменимый помощник Коля Клец. И оба не уходят с поля боя. Раненые сражаются.

Враг напирал. Все больше убитых и раненых. Так ведь никого в живых не останется. Но нет, не истребить комсомольскую бригаду задумали враги, а окружить ее.

Кольцо вот-вот сомкнется. И потому фашисты уже не бьют наповал, не торопятся решать участь «особых солдат особого соединения». Гитлеровское командование заинтересовано в том, чтобы сдалась «Стальная дивизия».

Попавшим в беду саперам-штурмовикам помогали части 251-й стрелковой дивизии 31-й армии. В полдень того же дня первый и третий батальоны сокрушили оборону противника и заняли высоту 199,0. Четвертый батальон и учебная рота нанесли удар врагам, которые

окопались на окраинах Старой Тухани и еще двух населенных пунктов.

3

Ударные группы боевых машин сосредоточились в лесах и перелесках. Но двинуться вперед танкисты не могли: долина и подступы к высоте усеяны ранеными. Одни жалобно стонут, другие молчат — совсем ослабели. А над ними свистят пули.

Тогда санинструктор батальона Шура Зайцева пошла прямо на минное поле. Медицинскими ножницами она перерезала шпагат и проволоку у мин натяжного действия. Делала проходы, обозначала их знаками. Чем ей это грозило самой, старалась не думать. Неопытна, плохо в минах разбирается. Так ведь опытным не подняться — кровью исходят... Кто же, если не она? Когда же, если не сейчас? А вот повезет. Не тронет мина, как не тронула пуля.

Раздался взрыв. Вонзились осколки в тело. До чего же больно... Однако жива ведь? Значит, надо действовать. Сделала себе перевязку и крикнула раненым:

— Ползите в траншею!

Раненые зашевелились, приободрились. Шура показала, какого направления придерживаться. Им нужно лежать на дне окопа до тех пор, пока не пройдут над ними свои танки. Иначе подавят.

Но не могли все добраться до убежища — некоторые вовсе обессилели. Тогда Шура, сама раненная, стала перетаскивать их по одному. Продвигалась с тяжелой ношей медленно, сантиметр за сантиметром одолевала.

— Ой, сестричка, ноги отнимаются!

— Потерпи немножко... Вылечат врачи твои ноги...

Она уговаривала их, как детей малых. И, удивительное дело, закаленные, обстрелянные ребята с детским простодушием верили в то, что слышали от нее. Успокаивались. Раз Шура Зайцева рядом, значит, все будет хорошо.

— Танкисты, вперед! — крикнула она.

Никого из наших танки задеть уже не могут. Путь свободен.

И боевые машины ринулись вперед. Подминали под себя вражеские орудия и пулеметы, разгоняли фашистов. Кольцо окружения было разорвано. Почти безостановочно пошли танки на Минск, взламывая оборонительную линию неприятеля: Бобруйск — Витебск.

Разогнавшись, танковый корпус врезался в гущу гитлеровских войск группы «Центр», уничтожение которой предопределяло освобождение Белоруссии, Прибалтики, Польши.

В канун двадцатипятилетия комсомола в Первую штурмовую инженерно-саперную бригаду доставили телеграмму. В ней командующий фронтом генерал армии Соколовский благодарил всех, кто участвовал в штурме высоты 199,0 и освобождении прилегающих к ней населенных пунктов. Наиболее отличившиеся получили ордена и медали. Клавдия Васильевна Алешина тепло поздравила Шуру Зайцеву.

— Шурочка! Орден Красной Звезды заслужила!

«Вот так санинструктор у нас, — переговаривались между собой ребята. — Такую дивчину беречь надо. Настоящий товарищ!»

А «настоящий товарищ» краснела и старательно хмурила тонкие брови. Она по-прежнему считала, что должна казаться суровой, раз уж попала в необычные условия, где люди стреляют друг в друга и даже убивают насмерть.

Глава девятая

1

Неприветлива в эту пору земля белорусская. Холодный ветер гуляет по ее равнинам, подбрасывает сухие былинки. Комсомольцы поплотнее запахиваются в свои солдатские шинели, постукивают сапогом о сапог. Бр-рр!

Близко Витебск, да в нем фашисты. И вокруг него тоже. Целая группировка вражеских войск притаилась здесь. Ее надо окружить и уничтожить. Прорыв обороны противника на участке Дыманово — Мяклово возлагался на дивизию 33-й армии. А в ее составе действовали подразделения комсомольской бригады.

Батальоны, которыми командовали Ярченко, Чернышенко, Солдатенков и Балабасов, получили особо важное боевое задание и потому спешили к берегам Лучесы. Необходимо задержать гитлеровцев всеми средствами, чтобы не подоспели на помощь витебской группировке.

Одну роту капитан Ярченко послал в район Мяклово, с двумя другими пошел к станции Гусино. Там остался ждать срочного донесения.

Саперы шагали днем и ночью — торопились. По пути встретили разведчиков во главе с командиром подразделения капитаном Магажковым. Те передали, что советские войска собираются сжать врага с юга и севера в тиски.

— До чего ж находчивый народ — разведчики, — похвалил их Степан Чумаков. — Хоть бы рассказали, как удастся все выведать.

Он всегда восхищался этими предприимчивыми ребятами: Агейкиным, Бабкиным, Морозовым, Слеповым,

Передерием, Карпенко, Слободнюком и Угольниковым, которого шутя называл Угодниковым. Любил послушать о приключениях ребят и громко завидовал им.

— Ну что, Угодников, опять немцам не угодил? — подтрунивал, бывало, над товарищем.

Тот отмахивался.

— Зубоскал ты, Степа.

— Так это же над собой смеюсь! Обидно мне, что разведчик из меня никудышный...

— Ой, Степан, да ты кому хочешь зубы пообломаешь и корешки повынимаешь, — включался в их дружескую перепалку Николай Михайленко. — Помнишь, как на Дону наплавной мост подрывали? Немцы из пулеметов поливают, свинцовые конфетки подкидывают, а мы с тобой ползем. Разве не ты сообразил тогда, как перебитый кабель соединить? Зубами из винтовочного патрона пулю достал и сделал пороховую дорожку!

— Что ты мне про мои же дела рассказываешь? — хмыкнул Чумаков.

— Да чтоб не наговаривал на себя!

— Ну, спасибо! Давай теперь я тебя расписывать начну. Будет как в той басне: «Кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку».

И он напомнил про случай, когда два Николая — Свешников и Михайленко — проникли в тыл противника. Их всего двое, а немцев — куча. Застали тех врасплох, положили всех на месте. Потом сами удивлялись: как с ними справились?

Чумакову же и, кроме наплавного моста, было чем гордиться. При штурме высоты с отметкой 233,3 он командовал отделением. Едва взяли первую траншею, как гитлеровцы побежали. Тогда-то его отделение и «подставило ножку» им — преградило отход, отрезало от своих.

Бойцы Чумакова ударили из автоматов по выходам и ходам сообщения. Гитлеровцам ничего не оставалось,

как полезть напролом. А у Степана в тот самый момент, будто назло, заело затвор. Встал напротив него немецкий офицер, всадил в Степанову грудь три пули подряд. Смотрит — русский как ни в чем не бывало продолжает возиться со своим оружием. Догадался про надежный нагрудник, прицелился в лицо. Да опередил Таранов фашиста — срезал меткой пулей.

Бойцы отделения Чумакова обнаружили вход в подземелье. Спускаться туда было рискованно, потому что засели там старшие чины эсэсовцев. Степан первым распахнул массивные двери и проник в убежище фашистов. За ним — товарищи. Яркий свет от аккумуляторов ослепил их. Еще ничего не видя, они подняли над собой гранаты:

— Сдавайтесь!

Ошеломленные эсэсовцы побросали оружие. Причем, с такой поспешностью, словно услышали не крик русских, а глас божий, в который так веровали. Может, им показалось, что пришло возмездие? Та самая минута, когда надо держать ответ за свои злодеяния.

Чумаков расставил часовых у дверей, за которыми находились уже обезоруженные немцы, и послал красноармейца доложить командиру обо всем. Сам остался с фашистами. Как злобно они глядели на него! Не было в них теперь ни малейшей покорности. Наверное, ругали себя: они, потомки немецких рыцарей, испугались какого-то мальчишку! До чего ж у них надменные лица и холодные глаза...

За ту операцию Степана Чумакова наградили орденом Отечественной войны первой степени. Медали у него уже были.

Когда он воевал, награды приходилось прятать в вещмешке. Там же хранился учебник по истории ВКП(б). С ним молодой коммунист ни при каких обстоятельствах не расставался. Стоило улучить момент, как начинал перелистывать книгу.

Батальон капитана Ярченко остановился в районе Мяклово, где намечался прорыв немецкой обороны. Туда направлялись полчища фашистов на выручку витебской группировке.

— Надо помочь нашим переправиться через Лучесу, захватить плацдарм на том берегу и удержать его, — сказал комсомольцам командир саперной роты. — Сперва применим наше верное оружие — мины и малозаметные препятствия в виде спиралей Бруно. Ну а дальше, как пойдет. Возможно, придется огонька подсыпать пулеметного...

— На огонек мы нескупые, — отозвался сержант Чумаков. — И «сюрпризов» всяких наставим!

Пулеметчик Михайленко озабоченно оглядел свое хозяйство.

— Мне бы патронов побольше, товарищ капитан, — обратился он к ротному. — Тогда б мы дали фрицам прикурить...

— Не говори «гоп», пока не перепрыгнули. Я имею в виду Лучесу.

— Лучесу? Уж Днепр перепрыгнули, а эту речку...

— Ладно, посмотрим. Только имейте в виду: совершать прыжки вам придется в ином направлении, лично вам. Пойдете с Чумаковым в сторону Гусино к Николаю Петровичу. Доложите, что мы прибыли к месту назначения. Ждем его дополнительных распоряжений. На обратном пути проводите транспорт с имуществом для нашей роты. Отправляйтесь сейчас же. Все понятно?

Степан Чумаков и Николай Михайленко переглянулись.

— Так точно, товарищ капитан!

До командного пункта комбата — больше двух километров. Шли по компасу, один за другим. Впереди

— Степан. Снег похрустывал под ногами. То и дело попадались обледенелые кочки, припорошенные сверху снежной крупой. Натыкаясь на них, саперы шарахались в стороны: а вдруг это замаскированные снаряды?

Ночь была до того темна, что и сугробы не казались такими уж белыми. Равнина походила на застиранную скатерть, мятую, неряшливую. И как жалкие попытки хозяев хоть как-то украсить стол, накрытый этой скатертью, торчали нелепые прутья кустарника. Их приходилось больше всего опасаться. Неровен час, выскочат из кустов враги, нападут.

Вперемежку с болотными кочками — мины нажимного и натяжного действия. Чумаков осторожно перерезал тонюсенький проводок, прицепленный к колышку. Одну обезвредил, вторую. Э, да сколько их тут! Дальше пришлось просто обозначать мины, чтобы предупредить своих. Разминировать все некогда.

Неожиданно враги напомнили о себе: стали рваться тяжелые снаряды. Степан сразу упал, втиснулся в снег насколько можно было. И услышал, как вскрикнул Николай. Не иначе — задели осколки. Взглянул, а тот скорчился, обхватил руками живот.

Подскочил к товарищу.

— Микола. Что ты?..

— Плохо, Степа. Под ложечку угодило...

— Эх, не повезло!

Приподнял его. Но раненый шагу не мог ступить. Тут же осел вниз, застонал. Степан перевязал Николая, взял на закорки. Потащил. Тяжелый, однако. Вот уж не предполагал, что в нем столько килограммов. На вид-то вроде сухонький, подтянутый.

— Недалеко уж, Микола, — успокаивал он товарища. — Дойдем. Очень больно, да?

— Ничего...

Какой там ничего — еле дышит. Не сознается только. Понимает: нести его Степану не так-то просто. Чем

дальше, тем ощутимее тяжесть. И почему-то промок воротничок Степановой гимнастерки, липнет к шее. Да это же кровь! Кровь Николая... Пришлось остановиться, снова делать перевязку.

— Ты только потерпи, Микола!

— Терплю...

Двинулись дальше. Каждый шаг давался с большим трудом. Ноги Степана не подчинялись ему, отказывались идти. Казалось, они увязают в зыбкой трясине. Может, в самом деле болото? Так оно и есть. Сырость, ненадежная почва — нечто вроде студня. Надо обходить гиблые места. Лишние усилия...

— Степа!

— Ну?

— Оставь меня...

— Додумался!

— Прошу тебя, оставь!

— Да замолчи ты!

— Оба пропадем...

Рассвело. Ярченко посмотрел в бинокль. Никак его бойцы? Один другого тащит.

— Санитаров с носилками! — крикнул капитан.

Тяжело раненного Михайленко унесли. Чумакову помогли снять окровавленную одежду. Был он очень бледен, и никто не сомневался, что это от потери крови. Врач Алешина долго осматривала Степана, искала рану.

— Что-нибудь серьезное? — спросил Ярченко.

Она развела руками.

— Совсем ничего!

— Не может быть!

— Говорю вам: ни единой царапины. Лишь контужен.

Чумаков, который только теперь понял их опасения, заявил:

— Да я ж нормально себя чувствую.

Однако ему не поверили. Тем более что вещмешок его был продырявлен.

— Как же так случилось? — волновался Ярченко.

— С рюкзаком-то? — хмыкнул Степан. — Понятия не имею.

Он упорно называл свой вещмешок «рюкзаком», и комбат обязательно поправил бы его, как делал не раз, но сейчас случай был очень уж странный. Не до правильного произношения. Чумаков, тоже заинтригованный, принялся перетрясать вещи, которые брал с собой. Пара белья, кусок мыла, зубная щетка, учебник по истории партии...

Ну и ну! Книга насквозь пробита. Все страницы, как есть, от корки до корки. Вот, значит, куда угодил осколок фашистского снаряда. Пропорол учебник, да и застрял в вещмешке — видно, потерял силу.

— То-то мне спину припекало, — поежился Степан.

Алешина смотрела на него во все глаза.

— Неужели не услышал? — поразилась она.

— Не до того было.

— Спас тебя учебник-то.

— Так я же счастливый!

— Да, твое счастье, — согласился с ним Ярченко.

Зимние морозы накрепко сковали Лучесу. Игривая река присмирела под ледяной броней, будто затаилась до весны. Примолк и хуторок на заснеженном берегу — дом отдыха, гостеприимно принимавший людей в довоенные годы. Тогда здесь перекликалось их многоголосое эхо. Теперь сутками не смолкает канонада: наступают войска нашей 33-й армии.

Трещит лед на реке под снарядами, в пробоинах — темная студеная вода. Чтобы нашим войскам занять плацдарм на противоположном берегу, нужна переправа, такая, которая выдержала бы тяжелые танки.

— Майор Солдатенков! — позвал командир бригады. — Проверьте и доложите, цел ли мост.

Тот проверил. И доложил, что мост взорван. Значит, новый возводить. Прямо под огнем вражеской артиллерии. А какова глубина и ширина реки?

Определить это предстояло разведчикам четвертого и пятого батальонов под командованием лейтенанта Курышева. Одну из групп возглавил сержант Федоренко, парень атлетического сложения с мягким детским пушком над верхней губой. Пулеметная очередь настигла его на нейтральной полосе. Тяжело осел он, скривились в горестном недоумении губы. Кровь. И жгучая боль в позвоночнике. Приподняться невозможно. Крикнул лежа:

— Кофанов! Делай замеры!

Все также рвались мины. Трещали пулеметы. И все же удалось Кофанову измерить ширину Лучесы — сорок два метра. Теперь узнать, глубока ли. Но лодка перевернулась, сам Кофанов едва не пошел ко дну. Однако не с его характером отступать. Человек он упрямый, пока до конца дело не довел, на берег не вылез.

Все, из чего предстояло строить мост, заготовливали в километре от шоссе, переносили к месту будущей переправы. Работа шла медленно, потому что снаряды и мины изрыли подходы к реке. Того гляди оступишься, в воронку угодишь.

Старший сержант Хачиньян укладывал прогоны. Когда рядом грохнул снаряд, взрывной волной сбросило его в образовавшуюся прорубь. Обсушиваться-то некогда. Ну и работал в мокрой одежде, покрытой ледяной коркой, пока ребята не прогнали греться.

Ефрейтор Виданов, красноармейцы Чепан и Мирошников, подрубая лед, устанавливали на дне реки рамные опоры для моста.

И вот переправа готова. Но враг усилил огонь. Его артиллеристы били по мосту. Прямым попаданием выбило две стойки средней опоры. Вышли из строя два

пролета. За ночь саперы починили мост. А на рассвете противник снова разрушил его. Пять раз пришлось ремонтировать в щепки раскрошенный настил, восстанавливать опоры. Наконец, решили взять гитлеровцев хитростью: вырыли глубокую яму и начали стучать возле нее. Немцы тотчас перенесли огонь сюда.

Тем временем комсомольцы построили мост в другом месте. Погилько и Егоров, по указанию майора Солдатенкова, провели понтоны меж опор прежнего, частично сохранившегося моста. По нему-то и переправилась легкая артиллерия, отогнала от берега опешивших фашистов и заняла плацдарм. Пока шел бой за расширение плацдарма, комсомольцы соорудили более мощную переправу. Пошли через Лучесу танки, самоходки, войска 33-й армии.

3

Степан Чумаков — южанин. Степан Мокшин — северянин. Свела их судьба на Западном фронте, и стали они друзьями. Одного роста, коренастые, тот и другой круглолицые. Похожи друг на друга, как братья. Только первый Степан из тех, про кого говорят «рубаха-парень», бесхитростен и откровенен, а друг его немного «себе на уме». Открывать душу первому встречному не спешил, но если уж доверялся, то полностью.

Стоит Чумакову вспылить из-за чего-нибудь, как Мокшин успокаивает его:

- Ты не кипятись.
- Да не могу я!
- Обидишь человека, потом сам изведешься.
- А что он лезет ко мне! Сейчас я ему все выскажу...
- Подожди. Считай в уме: «Один, два, три, четыре» и так далее.
- Зачем?

— Сначала посчитай, тогда объясню.

Чумаков добросовестно вел счет и незаметно для себя утихомиривался. Уже мог без горячки разобраться в обиде. Почти всегда выходило так, что и он виноват тоже. А ведь чуть-чуть не сорвался, не наговорил товарищу лишнего. Спасибо Мокшину.

— Хитрый ты, — посмеивался над ним Чумаков.

Тот поправлял его:

— Я не хитрый, я рассудительный.

Даже письма друзей разительно отличались. У Чумакова они отрывистые, никакой последовательности в изложении событий, и почерк прыгающий, торопливый. Попробуй разберись, что он накорябает! Каллиграфия Мокшина — безукоризненная. Аккуратные, буква к букве подогнанные строчки. Писал он обстоятельно и много.

Собственно, это и определило служебное положение Степана Мокшина в бригаде. Начальник штаба комсомольского соединения майор Гусаров обязал его, лейтенанта, заниматься канцелярскими делами. Временно, конечно.

Сначала он огорчился. Такая горячая пора, а он должен корпеть за столом над бумагами! Но оказалось, что напрасно тревожился. Рассиживаться было некогда. Его посылали то в одно подразделение, то в другое, прямо на передовую. Скажем, выполняют саперы задание, и он тут же. Отправляются разведчики в тыл врага, и он с ними.

Потому что именно Мокшин описывал подвиги комсомольцев, чья слава гремела на фронте. А для этого нужно было все знать, все видеть самому.

Спал он мало. Все размышлял ночами над боевыми донесениями, над докладами для командования. Перебирал бумаги, припоминал людей, которые перечислялись в них.

Составляя донесение или информацию о боевых действиях саперов за неделю, Мокшин всегда ясно

представлял себе тех, о ком писал. Полнее и ярче старался обрисовать боевые эпизоды, подробнее — комсомольские дела. Это ведь было не что иное, как героическая летопись истории комсомола. Чтобы потомки прочитали и поняли, какой ценой отстаивали свободу отцы.

Да и тогда автор тех строк, при всей своей уравновешенности, не мог выводить их спокойно. Вставал, поправлял фитиль лампы и начинал ходить по скрипящим половицам. Изредка произносил:

- Ай да Чумаков!
- Ну и Шура Зайцева!
- А Ярченко-то, Ярченко!

Он переживал за всех так, словно сам полз, обдирая ладони; тащил на себе товарища, задыхаясь; выискивал в земле мины с их опасными усиками. И опять присаживался к столу, макал перо в чернильницу. Ночью писал, днем кочевал по батальонам и ротам. Хоть в ливень, хоть в пургу.

Считалось, что в конце зимы и начале весны 1944 года бригада отдыхает. Но круглосуточные занятия при любой погоде лишь условно можно было назвать отдыхом. Комсомольцы готовились к новым боям.

В марте командование комсомольской бригадой принял полковник Бочаров. Почти в то же время политотдел возглавил подполковник Носенко. Его помощником по комсомольской работе по-прежнему был общий любимец сначала полка, затем бригады Холодов.

Перед майским праздником международной солидарности трудящихся подводились итоги боевой и политической подготовки. Впереди оказался первый батальон.

В честь праздника состоялся торжественный митинг. Представитель Белорусского военного округа вручил бригаде Красное Знамя, а также Почетную грамоту Президиума Верховного Совета СССР.

Наград было много. Командование не оставляло ни один подвиг незамеченным. А Иванчикову даже предоставили шестидневный отпуск.

Это же незабываемое событие в его жизни!

Какая радость у всех Иванчиковых! У матери, у отца... Подумать только: война еще не кончилась, а их сын дома гостит. И шли к нему родители сверстников, с которыми три года назад отправился добровольцем в комсомольский полк. Расспрашивали о своих сыновьях, интересовались.

— За какие же заслуги отпуск тебе дали, Сереженька?

Он улыбался, отмалчивался.

Лишь после парада на Красной площади в честь победы над фашистами родные и близкие Сергея Иванчикова узнали, что в том 1944 году он спас командира батальона.

Глава десятая

1

Вскоре бригада снова выступила в поход на запад. Севернее Гомеля комсомольские батальоны влились в действующие войска 1-го Белорусского фронта. Опять засверкал перед саперами Днепр. От него ушли, когда снимались в районе Дорогобужа, к нему и пришли по прямой на участок Речица — Рогачев. Дальше — знакомая всем по произведению Льва Толстого «Война и мир» река Березина, в которой утонула слава Наполеона. Перед нею — Друть, тоже свидетельница бонапартовского позора и русской непобедимости.

Эта река доставила много хлопот саперам в июне сорок четвертого года. Какими только средствами переправы ни пользовались они, перекидывая с берега на берег части 3-й армии и танки 9-го танкового корпуса!

Сидел за письменным столом Степан Мокшин и прикидывал: «Рогачев, Бобруйск. Сколько еще рубежей до Восточной Пруссии! Все нужно взять, взломав инженерные укрепления. Легко ли!»

Отодвинув карту, он брался за ручку с ученическим пером, тем самым, которое так ровно выводило волосяные линии букв, делало нужные утолщения. Ложились строчки на бумагу.

«Саперы учатся снимать мины скрытно, бесшумно... Командиры отрабатывают действия по разграждению при наступлении по всем правилам. Комсомольцы подготовили подходы к переднему краю по реке Друть... В районах Вишин и Оборов саперы на болоте проложили две колеи общей протяженностью по тридцать пять метров, построили восемь мостов тяжелогрузных... При

выполнении задания особенно отличились комсомольцы третьей роты второго батальона Андреев, Тимохин и Чистяков. При преодолении болотистой местности саперы проявили большую изобретательность: делали широкие лыжи и волокуши, увеличивающие площадь опоры. Приспосабливали на них тяжелые пулеметы и даже орудия. Делали проходы для танков».

Мокшин прочитал написанное. Откинулся на спинку стула. План донесения готов. Теперь надо подробнее описать события, не упустить из виду ни одной детали. Сперва изложить факты, затем сделать выводы. Сколько еще работы! А глаза слипаются — по три часа в ночь спит, на пальце мозоль от ручки...

Нет, он не блестящий стилист, этот Степан Мокшин. Не выражается образно, как писатель, и, может, не всегда удачные сравнения находит, но ему незачем расцвечивать события, приукрашивать людей. Каждая строчка была жизнью, суровой правдой военного времени. И в том их ценность.

Поскрипывает перо. Шуршат листы бумаги. За окном майские жуки над тополями носятся, трепещет молодая листва под ветром. И заманчиво так перемаргиваются на небе звезды.

За неделю до третьей годовщины войны прибыл новый комбриг — полковник Шитиков. Сразу же провел учение с отделениями подвижного разграждения. Саперы учились и практиковались. Свои знания и навыки применяли они в полосе огня, там, где необходимо было проложить дорогу пехоте под носом у противника. Рядом с ними находился и Мокшин.

Однажды он услышал радостный возглас:

— Степа!

Обернулся, а перед ним — Степан Чумаков. Принялись тискать друг друга, похлопывать по бокам.

— Мужаешь, друг!

— Это ты мужаешь! Ишь, загореть успел!

— Так я ж на солнышке, а ты больше все при керосиновой лампе...

— При лампе-то я ночами, днем тоже на солнышке.

Через несколько дней друзья снова встретились. На этот раз не на лесной лужайке, а в штабе. Мокшин разулыбался. Спросил у Чумакова:

— По какому случаю к нам?

— По важному делу.

— Да ну? Тогда выкладывай! Меня же прежде всего важные дела интересуют, или ты забыл?

— Когда я о тебе забывал?

— То-то. Говори, не томи.

— Ты знаешь бывшего санинструктора нашего батальона?

— Виктора Устинова, что ли? Который сейчас комсоргом?

— Ну да. Так вот Устинов придумал одно рационализаторское предложение...

Мокшин разочарованно отмахнулся:

— Какие рацпредложения могут быть в армии?

Чумаков, конечно, сразу вскипел.

— Не веришь, так ничего не скажу!

— Посчитай-ка про себя: «Один, два...» Успокоился? Теперь рассказывай.

Усмиренный Чумаков напомнил другу о недавних событиях. Как пошли танки 9-го корпуса на прорыв, а на броне их сидели саперы, которых и посбивали гитлеровцы. Приблизились боевые машины к немецким заграждениям, но некому было проволоку резать, мины снимать.

— Как же, помню, — вздохнул Мокшин. — Я тогда до утра донесение сочинял.

Он уже достал блокнот, подточил карандаш.

— По мнению Устинова, одного, а то и двух саперов можно в танк к танкистам сажать, — сказал Чумаков. — Им саперы не помешают — места хватит. Ну, если и чуть

потеснятся, зато в нужный момент мины будут убраны!
Как ты считаешь?

— Что ж, в этом есть смысл, — задумчиво отозвался Мокшин.

— Вот и я так думаю!

— Надо сказать командиру бригады и начальнику штаба. Идем?

— Идем.

Их выслушали очень внимательно. Одобрили предложение. Обещали переговорить с танкистами.

9-й танковый корпус смял оборону противника и взял направление на Бобруйск. Виктор Устинов сидел внутри одного из танков и ждал сигнала водителя. По правде говоря, чувствовал он себя здесь неважно: тесновато, душно. Еще бы, после свежего-то воздуха, к которому привык! А сейчас — словно в запертой парной на верхней полке.

Наконец, долгожданный сигнал. Устинов ринулся в люк. Ох, до чего же вкусен весенний воздух! Но нежиться некогда. За дело.

Водитель наблюдал за сапером в смотровую щель. Тот рвал секаторами фашистские тенета. Напрасно плели! Не запутаются тут краснозвездные боевые машины. Устинов уже принялся за противотанковые мины.

Застучали вражеские пулеметы. Сапер упал. «Неужели убит?» — заволновались танкисты. Нет, Виктор был жив, даже не ранен. Но работать дальше можно только лежа, вот почему прижался он к земле.

Впрочем танкисты быстро успокоили врагов из орудий: пулеметы смолкли.

Обо всем этом, как всегда подробно, написал Степан Мокшин. Добавил отзывы членов экипажа о действиях саперов. Методом Виктора Устинова стали пользоваться другие ребята. Внедрились-таки рационализаторское предложение!

Узнал о нем маршал Рокоссовский. Комсомольская инициатива заинтересовала командующего 1-м Белорусским фронтом. В частях и соединениях появился его приказ, где указывалось на необходимость использовать в наступательных операциях опыт войны, собирая его по крупицам, взвешивая, изучая и внедряя. Конкретно указывалось на разумное предложение комсомольца Устинова, благодаря которому видоизменился способ взаимодействия саперов с танкистами. Командирам танковых частей и соединений предлагалось как можно заботливее относиться к саперам комсомольской бригады, оберегать этих надежных проводников и давать им, по возможности, места в машине.

— Не зря хлопотал мой дружок Степа, — заметил вслух Мокшин, прочитав приказ командующего фронтом. — Надо, чтобы инициативу поддержали и в других комсомольских батальонах.

Советские войска продвигались на запад. Танкисты, артиллеристы, пехотинцы — все они нуждались в услугах саперов, потому что встречали на пути хитроумные барьеры.

2

Второй и пятый батальоны на реке Друть действовали совместно. Второй больше минами занимался, пятый сооружал и разрушал мосты в зависимости от обстановки. Оба батальона в равной мере помогали пехоте и танкам. Расчищали для них дороги в полосе наступления 348-й стрелковой дивизии. Участвовали совместно с 40-м инженерно-танковым полком и полком самоходных орудий бригады в прорыве вражеской обороны.

Инженерно-саперные подразделения ликвидировали мины всех образцов. Только саперы умели ходить так осторожно по минным питомникам. С помощью своих чувствительных приборов они проделали девять проходов и пропустили по ним самоходную артиллерию и колонны танков.

Не удивительно, что саперы и танкисты крепко подружились. Всегда при случае посылали друг другу приветы, расспрашивали, как дела.

И между собой в батальонах бойцы были дружны. Василий Васютин — бывший ученик, Сурен Амазаспович Никоян — бывший учитель. Один с Украины, другой из Армении. До чего ж любили они побеседовать!

Завидит Никоян Васютина и кричит:

— Как самочувствие, дорогой?

Василий обрадуется, кивает приятелю.

— Отличное самочувствие, Сурен! Как ты?

— Прекрасно! Врага-то ведь гоним, дорогой. Березина близко. Ну-ка припомни из школьной программы, от кого там досталось французам?

— От Кутузова, Сурен.

— Верно, дорогой! Ты отличником был, очевидно?

— Не могу похвастаться. По истории как раз больше четверки не получал.

— Ай-яй-яй! Как же так!

— Неусидчивый я.

— Ну, не я твоим историком был, дорогой! А то заставил бы тебя учить только на «отлично».

— Ничего, Сурен, после войны займешься моим воспитанием.

— Непременно!

Вот так сойдутся они, поговорят, отведут душу оба, и каждый в свой батальон. Васютин — во второй, Никоян — в пятый.

Как-то их подразделения занимались разминированием по соседству. К исходу дня

гитлеровцы возобновили стрельбу из тяжелых орудий. Саперы стали окапываться, чтобы не зацепил снаряд.

Василий Васютин переходил от взвода к взводу — замполиту приходилось в любое дело вмешиваться. Кроме того, он был общепризнанным специалистом по минам, значит, мог дать дельный совет, подсказать что-нибудь. Ну и не ждал, пока позовут, сам шел.

Только шагнул, как поблизости грохнула мина. Словно иголку магнитом потянуло Васютина к земле. Во рту та же горечь, какую ощутил два года назад в Донбассе, когда сработала в руках трехрожковая немецкая мина. Но тогда потерял сознание, а сейчас отдавал себе полный отчет в том, что ранен.

Он приподнялся. И опять грохнуло рядом. Посыпались градом осколки. Отсюда, из этой опасной зоны, надо было обязательно выбраться, а у него подламывались колени, кровь текла безостановочно.

Между тем сумасшедший обстрел продолжался. «Стукнет сюда еще разок, и ничего от меня не останется, — подумал Василий. — Рядом, как нарочно, никого. А без посторонней помощи мне с места не сдвинуться».

Голова кружилась. В ушах — неумолкаемый перезвон, будто раскачивались колокола. Он закрыл глаза. А когда открыл, увидел знакомый каштановый чуб. Неужели Никоян? Может, кажется? Нет, точно. Его голос с характерным акцентом.

— Держись, дорогой.

— Сурен, — прошептал Васютин. — Сплоховал я...

Никоян обхватил его, потащил. Снаряды рвались беспрерывно, обсыпали их землей. Над головами так и свистело.

— Брось меня, Сурен.

— Зачем так говоришь? — рассердился Никоян. — Разве человек человека может бросить?

— Не донесешь меня...

— Донесу!

Снова мина. Взорвалась впереди. Никоян успел заслонить собой Васютина. Его тело, пробитое кусками рваного железа, дернулось и ослабло. Василий отказывался верить, что тот убит. Нет! Это было бы слишком жестоко.

— Сурен!

Молчит Никоян. Не шевелится.

— Сурен!

Никакого ответа.

— Суре-эн!..

А собирался воспитывать после войны, учить ум-разуму. Хотели вместе в Армению съездить. Как же писать теперь туда жене и детям о том, что случилось? Говорил, бывало: «Моя Араксия любое испытание выдержит». Выдержит ли это?..

Много лет спустя старший сын Никояна Генрих Суренович писал друзьям:

«Мой отец очень любил рисовать (у нас поныне сохранились некоторые папины фронтовые рисунки) и в мои детские годы внушил эту любовь мне. Поэтому в 1956 году я поступил в Ленинградское высшее художественно-промышленное училище... После окончания его работал в армянском филиале всесоюзного Научно-исследовательского института технической эстетики. С 1970 года по конкурсу исполняю обязанности доцента при кафедре... Младший брат стал инженером.

И то, что мы в те трудные и голодные годы выжили, а в дальнейшем получили высшее образование, заслуга нашего отца. В нашем воспитании он принимал участие своими письмами с фронта. Он и теперь направляет наши поступки в нужное русло своими дневниками...»

Так Сурен Амазаспович и после смерти остался воспитателем.

Маршал Рокоссовский пристально следил за действиями комсомольцев бригады. Молоды они были, но до чего бесстрашны! Какой высокой ценой платили за освобождение родной земли! Жизнями своими...

Личный состав 172-го гвардейского стрелкового полка переправлялся на левый берег Вислы. Под Демблином несколько амфибий с людьми неожиданно сели на мель. Противник открыл по реке ураганный огонь. Что тут делать? Оставаться на машинах, которые стали неподвижными мишенями, значило подвергаться опасности. И прыгать в бурлящую воду опасно — утонешь.

К счастью, подоспели саперы. Их маленькие юркие лодки подсакивали к амфибиям, забирали оттуда людей и переправляли на землю. Гитлеровцы усилили стрельбу. Одна лодка перевернулась, вторая, третья... Появились раненые.

В такой кутерьме трудно было что-нибудь разобрать. Однако комсомольцы продолжали действовать четко, слаженно. И тут загудели бомбардировщики. Раздался предупреждающий крик:

— Воздух!

Захлопали наши зенитки. Не обращая на них внимания, «юнкерсы» разворачивались над рекой, готовились бомбить беспомощных людей.

Денин высаживал на берег группу за группой. Виртуозно управлял лодкой. Направляясь в очередной рейс, поднял голову и увидел летящие на него бомбы. «Одна наверняка моя», — подумал он. Сразу прыгнул в воду как можно глубже. Ударил взрыв. Будто оглушенная динамитом рыба, всплыл он на поверхность. Чуть пришел в себя и обнаружил, что лодки на прежнем месте нет. Вместо нее — одни щепки.

До берега оставались считанные метры, да сил не было. Кое-как добрался до твердой почвы, повалился на бок. Но едва отдышался, тут же встал, прыгнул в другую лодку и погнал ее к амфибиям. Сделал еще четыре рейса, пока снова не налетели вражеские самолеты. Опять рухнули вниз бомбы.

На самой середине реки кто-то крикнул Денину:

— Борт пробит!

И в самом деле лодку заливало. Денин быстро стянул с себя гимнастерку, кое-как заделал пробоину. Спас пассажиров. Сколько раз казалось ему: все, выдохся. Однако стоило посмотреть на красноармейцев, метавшихся на обстреливаемых машинах, как откуда-то брались новые силы. Люди нуждались в нем, и он спешил им навстречу.

Глава одиннадцатая

1

Безбрежны поля Белоруссии, Польши, Прибалтики. Было где развернуться танкам-тральщикам.

Под Белостоком 40-й инженерно-танковый полк имел самостоятельную задачу. Он должен был прорваться через передние рубежи обороны гитлеровцев и протралить подступы к городу. Особенно входы.

Фашисты боялись тральщиков больше всех боевых машин. Засядут в окопы, выставят ручные пулеметы «машингеверы». Перед ними — минные полосы, которые не преодолеть ни танкам, ни пехоте. И вдруг мчатся на них причудливые машины. Вроде бы такие же танки, к каким привыкли, но перед лобовой броней катится каток защитный. Колючий, словно обернутый в шкуру гигантского ежа. Колючки металлические, в землю впиваются, любую мину достают, разрывают ее, если сама не разорвется на части. Несутся танки-тральщики на предельной скорости, утюжат вражеские окопы, бьют из орудий, строчат из пулеметов. Куда от них укроешься?

Как-то в танк-тральщик младшего лейтенанта Болотникова попал немецкий снаряд. Ободренные этой удачей, гитлеровцы открыли из окопов сильный огонь. Экипаж оборонялся, но силы были неравные.

Тогда на помощь танкистам пришел сапер Григорьев — запалил дымовую шашку. Густая пелена дыма укрыла боевую машину. Гитлеровцы не могли разглядеть ее, пошли наугад. Потом подозрительно притихли. Ну так и есть — группу автоматчиков послали.

Их увидел комсомолец сквозь редяющий дым. Предупредил своих:

— Немцы!

Гитлеровцы ползком приближались к танку-тральщику. Пока экипаж отстреливался, Григорьев приготовил ручные гранаты, стал швырять одну за другой. Тут и наши подоспели.

Наблюдая за работой тральщиков, Иванчиков делился с Чумаковым:

— Поле прочесывают, будто боронуют его для урожая. Похоже ведь, Степа?

Тот соглашался:

— Похоже. Эх, Сергей, до чего же хочется, чтобы пришли сюда поскорее настоящие тракторы!

— Теперь уж недолго ждать.

Оба мечтали, как заколосится здесь рожь. Тяжелые усатые колосья с литыми зернами. А по краям поля, как огромный венок, — ромашки и васильки. И чтобы пахло земляникой, краснеющей на солнцепеке.

Так частенько, сойдясь вместе, старались они представить себе мирную жизнь. Потешатся мечтами и вроде легче штурмовать высоты, обеспечивать маршруты наступающих полков и дивизий.

Иногда гитлеровцы до того умело укрепляли свои позиции, что их не могли прорвать даже танки с помощью артиллерии. Во всяком случае приходилось тратить немало усилий, чтобы заставить врагов отступить. Решили выкурить их с помощью огня и дыма.

Сначала использовали для этого ранцевые огнеметы. Затем в бригаде появился огнеметно-танковый полк. Действуя обычно в боевых порядках пехоты, он выкуривал противника из щелей и укрытий. Артиллерийский и огнеметный шквал 510-го полка доставал фашистов повсюду: на земле и под землей, на открытой местности и за стенами.

Огнетанково-танковоый, а также инженерно-танковоый полки бригады содействовали всем частям фронта при прорыве сильно укрепленных неприятельских рубежей. Они проделывали проходы за короткие сроки, сметали заграждения, корежили доты и дзоты.

Первая штурмовая инженерно-саперная бригада переходила из армии в армию, туда, где была нужнее всего. И с ее помощью победно наступали советские войска.

Мост через Вислу был заминирован, всюду шныряли часовые противника. Они выжидали, когда по нему пойдут наши, чтобы в нужный момент взорвать. Как сохранить переправу?

— Разрешите мне взять это на себя? — обратился к старшему разведывательной группы красноармеец Мустафин.

— Но у тебя нет маскировочного халата! — сказал командир. — Придется идти по льду, занесенному снегом. На белом фоне тебя сразу заметят!

— А я переоденусь.

— Во что?

— Натяну сверху нижнее белье. Оно-то белое.

— Что ж, давай попробуем, — согласился командир. — Все равно иного выхода нет...

Нательное белье он надел прямо на гимнастерку и брюки. И гитлеровцы, как ни посматривали бдительно во все стороны, не заметили сапера. Спихватились они поздно. Не удалось им поднять мост на воздух.

Весь месяц последней военной зимы войска 65-й армии проводили операцию по окружению города Грауденц. На левом берегу Вислы оставалась единственная отдушина, в которую могли вырваться из котла фашисты. Но скоро и здесь кольцо сомкнулось.

Враги затаились. Для нанесения сокрушительного удара за рекой сконцентрировались полки 142-й стрелковой дивизии и два батальона — пятый

штурмовой с тридцать шестым огнеметным — комсомольской бригады.

Бойцы начали переправляться через Вислу. Лед под ними угрожающе трещал, запутанная сеть трещин прорезала его. Потом трещины расширились, в них хлынула вода, и задвигались, покачиваясь, раздробленные льдины. Приходилось перескакивать с одной на другую.

Саперы помогали стрелковым подразделениям, которым были приданы для совместных действий в бою. Старались не шуметь. Однако гитлеровцы учуяли неладное, стали палить по реке из всех закоулков города.

Скользили куски льда, переворачивались. И так никакой устойчивости, а тут еще снаряды заставляют шархаться. Кое-как выбрались на берег.

Во время ночного боя одна рота 946-го стрелкового полка оказалась отрезанной от своих. Преграждая подходы к ней, гитлеровцы стреляли из окон домов, с чердаков, из подвалов. Роте угрожало полное истребление, а то и плен.

Командир стрелкового батальона попросил майора Шуклина и капитана Мазуркевича:

— Вызволяйте, товарищи! Вся надежда на вас...

Сколотив из комсомольцев-саперов небольшой отряд, Анатолий Шуклин повел его в атаку. Однако враги и близко их не подпустили — встретили таким плотным огнем из пулеметов, что быстроекрылой птице и той не перелететь через улицу. Где уж человеку перебежать. Особенно в тяжелом положении оказалось подразделение под командованием капитана Мазуркевича.

Первая неудача не обескуражила. Мазуркевичу удалось проскочить к огнеметчикам.

— Ребята, надо помочь пехоте, — сказал он им.

— Давайте я один уйму немцев, — предложил Бойков, всегда молчаливый и замкнутый.

— Сможешь ли один-то? — засомневался капитан.

— Одному удобнее. Только прикройте меня из пулеметов.

— Договорились.

Приготовления Бойкова заняли несколько минут. Затем он нацепил свою шапку на палочку и выставил ее из-за угла. Выстрела не последовало. Тогда выглянул сам. И тотчас треснула пулеметная очередь. Били с подоконника ближайшего дома, но не по бойцу, а просто простреливали улицу, видимо, на всякий случай.

Он рванулся вперед. С боков, сверху, из окон, снизу, с подвальных лестниц полетели пули. Саперы сразу же засекли обнаружившие себя огневые точки и вынудили их бездействовать. Огонь прекратился, но насиженных мест гитлеровцы покинуть не пожелали. Пригрелись, наверное, там, тепло им было.

«А сейчас будет жарко», — усмехнулся Бойков, снимая со спины аппарат с горючей смесью. Включил. Струя пламени ударила в дом. Оранжевые струйки поползли по наличникам, проникли в подвал. То-то всполошились ошпаренные фашисты!

Между тем отрезанные от своих стрелки тоже не дремали — палили по врагам без передышки. Так, общими усилиями и спасли роту.

В конце февраля стрелки и саперы пошли на штурм города. Куда только ни запрятались враги! В щели, пробитые в каменных стенах, в проемы, замаскированные специальными «занавесами». Автоматчики устраивались чуть ли не под карнизами. Тысячи тайников, которые нужно обнаружить и обезвредить засевших там фашистов.

Гитлер приказал сопротивляться до последнего патрона, лишь бы удержать Грауденц.

Штурмовая операция разворачивалась все шире и шире. Наши орудия били по врагу прямой наводкой с открытых и закрытых позиций. Стучали пулеметы, тархтели автоматы. Плечом к плечу с пехотинцами шли в атаку саперы.

Старший лейтенант Данилов заметил прямо перед собой торчащее дуло пулемета. «Сейчас ударит, — мелькнула мысль. — Надо опередить». И тут же сориентировал огнеметчиков. Вражеский «машингевер», не успев высунуть огневой язык, поперхнулся — получил порцию всепроникающей горячей жидкости.

Огнеметчики выгоняли вражеских солдат отовсюду. Те суетились, перебегали из одного дома в другой. Горели, обваливаясь, крыши, рушились обугленные стены — нигде невозможно было укрыться от всепожирающего огня.

Неприступным оставалось лишь огромное здание, где кишмя кишели гитлеровцы. Солдаты и офицеры смешались в общую толпу в надежде, что тут-то уж не достанут их огнеметы.

Действительно ошпарить дом не удалось. Однако саперы нашли выход из положения.

— Ну-ка взрывчатки сюда побольше! — потребовал Данилов.

Старший лейтенант взял с собой самых опытных, самых сноровистых подрывников. За какие-то восемь — десять минут под зданием был заложен заряд. Грохнул мощный взрыв. Вражеская «цитадель» рухнула. Рассыпались толстенные каменные стены детскими кубиками, завалили доты и дзоты. Погребли под обломками фашистов.

Успешнее всего действовали саперы в темноте. Проникали в расположения противника и устраивали там «фейерверки». От такой «иллюминации» гитлеровцам становилось не по себе. Они отступали. Квартал за кварталом откалывался от города-крепости.

Советские командиры попробовали отпустить некоторых пленных с условием, что не поднимут против нас оружия. И отпущенные приводили с собой целые группы немцев, тех, кто не хотел больше подчиняться бесноватому фюреру.

В самой крепости находились фанатики — безрассудно упрямые, слепо преданные Гитлеру. Они сопротивлялись отчаянно.

Стрелковые полки, в рядах которых сражались первый, второй, третий и пятый саперные батальоны комсомольской бригады, приблизились к крепости вплотную. Из бойниц башен, со всех стен огрызались свинцом вражеские пулеметы. Но выдержать напор красноармейцев они не могли: очень уж метко стреляли русские.

Когда все стихло, появились советские парламентарии. От врагов можно было ожидать всего. Казалось, вот-вот брызнет огонь из какой-нибудь щели или вылетит граната. Однако на этот раз обошлось без эксцессов.

Навстречу нашим вышли немецкие офицеры. Один из них оказался старым знакомым — встречался советскому представителю еще в 1941 году. Правда, тогда, надменный и самоуверенный, он выглядел по-другому, иные слова произносил... Изменились времена. Потому и озирался он сейчас так растерянно.

3

Советские войска вышли к жизненно важным центрам Германии — к ее водным артериям. Главная из них — Одер. Гитлеровцы пускали в ход все, чтобы помешать наступлению 65-й армии. Они открыли шлюзы на реке. Вода затопила берега и низменность целиком.

Похоже было на наводнение. Но под толщей воды — минные поля. Как же добраться до них? Миноискатели здесь бесполезны, танки-тральщики — также. Их сюда не пустишь. Пришлось поломать голову. Зато не напрасно.

К месту переправы доставили понтонный парк. Командиры саперных рот Найденов, Олейников, Биюжев и остальные провели с красноармейцами третьего штурмового батальона занятия, ознакомили с методами действий. Новые условия — новые методы.

Полупонтоны подносили на руках. Местность-то заболоченная: кочки да трясины. Застревали сапоги, надо было вытягивать их. Одну ногу вытащишь, вторую засасывает. Задерживаться на одном месте никак нельзя. Значит, никаких тебе перекуров. Знай двигайся. Причем под пулями. Потому что неприятель обстрела не прекращал.

И все же за ночь собрали четыре понтона. Особенно старалась группа старшины Беляева. Народ там подобрался такой, что не слышно и не видно его было. Другие переговаривались, сочувствовали друг другу. Эти молчали, но дело делали. И всех обогнали.

Сегаль оказался большим специалистом — руководил работами целого взвода.

Четыре понтона собрал и ввел в линию расчет Дуканина. Когда один из них пробил осколок вражеского снаряда и в пробоину хлынула вода, Саша Дуканин полез в реку заделывать брешь. Коченеющими пальцами впихивал он в дыру лоскуты от шинели. Вода продолжала сочиться, однако бессильна была затопить понтон.

А на берегу Одера четвертый батальон сооружал эстакаду. Саперы под вражеским огнем забивали сваи, укрепляли опорные балки, ложили настил. Комсомольцы равнялись на коммунистов Лыпко и Бабарина, брали с них пример.

Когда третий батальон подвел к эстакаде понтонный мост, дружно началась переправа. Двинулись вперед дивизии генералов Эрастова и Алексеева.

Штурмовиков горячо благодарили. Верховный Главнокомандующий не забывал отмечать в своих приказах комсомольскую бригаду. Многим вручены были правительственные награды. Получили по ордену Красной Звезды Саша Бабарин и Федя Лыпко.

Во время переправы, которой руководили Панкратов, Евтушенко, Ярченко, Шуклин и Степанов, прибыл командующий армией. Посмотрел на Одер, пересеченный понтонами, и поинтересовался у офицеров комсомольской бригады:

— Как настроение ваших ребят?

— Самое боевое! — ответил за всех Панкратов. — Они спрашивают, почему бы нам не подняться выше по течению? Там и Одер уже и Берлин ближе...

— Понимаю их. Но, к сожалению, должен огорчить: столицу Германии будут брать другие. А нам приказано отрезать приморскую группу врага. Тоже чрезвычайно важно для завершения Берлинской операции. Разве не так?

— Так, конечно...

— Передайте, пожалуйста, личному составу Первой штурмовой мою сердечную благодарность и наилучшие пожелания.

Утром на щите, воткнутом в берег, большими буквами было написано: «Слава героям-саперам, обеспечивающим форсирование реки Одер!» Ребята ходили, как именинники.

Преодолев оба рукава Одера, 65-я армия двинулась на северо-запад. Значительные силы гитлеровского вермахта были прижаты к морю и безоговорочно капитулировали.

Буйной зеленью покрылись сады. Ветки обрастали новыми побегами, и поднималось в лугах разнотравье.

Кончался апрель. А с ним и пути-дороги фронтовые. Скоро взвьется над рейхстагом Победное Знамя, ударят праздничные залпы. И разъедутся по домам ребята комсомольской бригады, те, которым от восемнадцати до двадцати двух. Они только жить начали, а уже война позади.

Перешагнули через юность.

Цена 38 коп.

